

ЕВГЕНИЙ ИЛЬЧЕВ

ПРОЕКТ 14

Слепая от рождения Кристина попадает в экспериментальную программу молодого ученого из Швейцарии. Новая методика сулит огромные возможности и, без малого, прорыв в медицине, но сильно бьет по карману европейских фармгигантов. Они пристально наблюдают за ходом проекта. Нечистым на руку дельцам противостоит британская разведка, которая ищет способ связать по рукам и ногам эту криминальную структуру. Кристине в ее приключениях помогает журналист из Москвы — Алексей Соловьев, который был выбран для освещения хода операции. Запутанная игра спецслужб и опасной криминальной структуры не оставляет шансов на спасение гостям из России. Ребята оказываются между молотом и наковальней, простыми статистами, чьи жизни не стоят в этой партии практически ничего. Во время эксперимента Кристина обретает возможность видеть не только глазами. Новые сверхспособности девочки помогают героям в самые трудные моменты и заставляют читателя верить в то, что чудеса все-таки случаются.

Пролог

Этот эпизод моей жизни не поддается никакому разумному объяснению и противоречит здравому смыслу. Мы принимаем реальность как данность, а то, чего не понимаем, предпочитаем не замечать. Все, что нам заведомо известно, не удостоивается нашего внимания. Мы идем по жизни в поисках чего-то нового, неизведанного, но когда находим, пытаемся объяснить, разобрать на молекулы, на атомы. А зачем? Ведь после того, как все станет ясно, это новое знание потеряет для нас всякий смысл. Почему нам нужно все для себя объяснять? Зачем все усложнять? Ведь для того чтобы насладиться восходом или закатом не обязательно досконально изучать теорию преломления света. Вполне достаточно иметь глаза и чувствовать. Я не призываю быть неучами и перестать делать открытия. Я призываю верить в чудо. Чудо это то, что в нашей повседневной жизни перестало играть значимую роль. А ведь все мы были маленькими, все мы верили в чудеса, в сказочных персонажей. Верили в любовь с первого взгляда и на всю жизнь. Мы повзрослели и перестали верить. А разве что-то изменилось? Разве с нашим взрослением мы перестали быть собой?

Глава 1

Голос звучал очень тихо, но постепенно становился все громче. Он проникал в спальню через щель между полом и дверью. Летал по ней, отражаясь от стен, и потом медленно просачивался под одеяло. Там голос находил Кристину, но не мог ничего поделать с ее крепким сном. Постепенно голос становился навязчивей, и Кристина машинально прятала голову под подушку. Это спасало ее от пробуждения еще пару минут.

Все дни начинались одинаково. Девочку будил добрый мамин голос, доносившийся из кухни. Все еще сонная, Кристина вставала с кровати. Ноги сами находили тапочки. Не открывая глаз, она шла в ванную комнату, где чистила зубы и умывалась, тоже с закрытыми глазами. После водных процедур Кристина делала зарядку, если два прыжка и одно приседание таковыми являлись, и тихонько выплывала на кухню, где ее уже ждал теплый завтрак. Так было каждое утро. Это был ритуал, который никто не смел нарушать. Отец Кристины — боевой офицер приучал дочь к самостоятельности, а ее мать, как и подобает жене офицера, во всем соглашалась с мужем. В доме Кристины царил идеальный порядок. Ни одной игрушки, на полу, ни одной чашки на столе, ни одного ножа в раковине. Все всегда лежало на своих местах — таков порядок и за соблюдение его отвечал каждый член семьи. Кристина была в ответе за свои книги и игрушки, мама за посуду и бытовые приборы, а папа за инструменты и Тора. У немецкой овчарки по кличке Тор тоже были обязанности. Свои игрушки он тщательно прятал в конуре. Все вечера огромный лохматый пес проводил с Кристиной, но после десяти часов сам, безо всякого приказа, выходил из дома и заступал на дежурство. Семья жила и действовала, как, хорошо отлаженный, механизм. И всё ради Кристины, все ради её безопасности и здоровья.

Этим утром по дому витал сладкий запах оладий. Мама готовила их только по праздникам. Значит сегодня какое-то торжество, — решила Кристина, усаживаясь за стол. Она умела держать свои эмоции под контролем, даже в самых трудных жизненных

ситуациях. И, не смотря на свои 14 лет, она понимала, что спокойствие и терпение принесут ей больше информации, нежели крики и расспросы.

Слева от тарелки стояло блюдо с медом, справа вилка. А на самой тарелке появлялись горячие, только с плиты, ароматные оладьи маминого производства. Кристина методично накалывала оладушки на вилку, макала их в мед и отправляла в рот, наслаждаясь вкусом любимого лакомства.

— Доченька открой глаза, это не прилично. — Спокойным голосом сказала мама.

Кристина, до этого момента все проделывающая с закрытыми глазами, медленно разомкнула веки. Яркий солнечный свет из окна ударил ей в глаза мириадами фотонов. Два огромных зрачка немедленно сузились до крохотных точек, но девочка не зажмурилась и даже не поморщилась. Ее рецепторы, посылающие сигналы в мозг работали исправно. Но участки коры головного мозга, отвечающие за восприятие посланного сигнала, не работали совсем. Слепая от рождения, Кристина проделывала сложнейшие бытовые операции без каких-либо затруднений. Зрячие люди даже не догадываются, насколько сложным может быть обычный процесс чистки зубов или приготовления чая, когда все это ты делаешь в кромешной тьме. Тем более, когда ты элементарно не знаешь, как именно выглядит чайник или как выглядит огонь из конфорок.

Кристине, в каком-то роде повезло, она родилась слепой, и никогда не видела того, что видят люди с детства. Она изначально привыкала обходиться другими органами чувств. Ее учили читать, используя специальные тактильные книги с барельефами из пластика вместо привычных рисунков. Она с пяти лет изучала языки специальными методиками, основанными на звуковом восприятии информации. Для ее образования родители не жалели ни сил ни времени ни денег. Друзей у Кристины было мало, в их маленьком городке не было специальных школ-интернатов для слепых детей и потому ее единственным источником знаний были родители и тетя Наташа — мамина подруга, которая взялась вести ребенка до 11 класса и обещала помочь с получением аттестата.

Во дворе залаял Тор, а спустя минуту скрипнула калитка. Пес тут же приумолк. Должно быть свои, подумала Кристина и сделала логический вывод, что скоро все прояснится. В дверь постучали, и Елена Александровна — мама Кристины побежала открывать. От внимания девочки не ускользнул тот факт, что все с утра было странным и необычным. В доме царила тишина — значит, папы нет. Обычно он в это время собирается на службу и делает это довольно шумно. Мама, опять же, все делает, молча и быстро. Пришла тетя Наташа, это Кристина поняла по запаху духов доносившихся из коридора. И мама, вместо того чтобы еще в прихожей выплеснуть на подругу тонну ненужной информации и перенять взамен от нее другую тонну, тихо поздоровалась и вновь встала за плиту.

— Здравствуй Кристина! — Поздоровалась учительница и села рядом с ней за стол.

— Доброе утро, тетя Наташ. — Спокойно ответила девочка, делая вид, что вся нервозность в доме ее совершенно не касается, хотя в душе все просто пылало от любопытства: что же, все-таки, происходит?

— Как твои успехи в английском?

— My english is not so bad as you can hear. — Специально с чудовищным акцентом произнесла Кристина, заранее предвкушая эффект произведенный, только что придуманной шуткой. Но его не последовало.

— Fine. — Сухо ответила тетя Наташа и прошла к газовой плите, чтобы налить себе чаю.

Кристина же еще больше удивилась. Обычно ее шутки производят на взрослых другой эффект.

Между тем, напряжение в доме росло с каждой минутой. Оладьи у мамы потеряли свою идеальную форму и через один получались либо подгорелыми, либо сырыми. Тетя Наташа молча пила чай с мятой, и Кристина слышала, как дрожит чайная ложечка в чашке учительницы. Девочку никто не учил обращать внимание на подобные мелочи. Дрожание рук, частота и глубина дыхания, изменения в интонации и даже запахе человека — всё служило источником информации. До всего этого Кристина дошла сама. Ее природная наблюдательность существенно облегчала ей жизнь. Она с легкостью «раскусывала» окружающих, когда те пытались что-либо скрыть от нее или, того хуже, обмануть. И сейчас девочка явно ощущала, что творится что-то странное, из ряда вон выходящее.

Кристина закончила завтрак и медленно встала. Аккуратно сложила пустую чашку и вилку в тарелку и направилась вокруг стола к раковине, куда и положила грязную посуду. От мытья посуды девочку освободили, хотя при желании Кристина без особого труда справлялась с этим нелегким для нее делом. Елене Александровне, как она сама говорила, было проще самой мыть посуду и сразу складывать ее в сушилку над раковиной. Хотя истиной причиной, по которой женщина навсегда закрепила за собой эту обязанность, было ее судорожно сжимающееся сердце, которое готово было разорваться всякий раз, когда слепой ребенок умудрялся балансировать на узкой табуретке, методично складывая посуду в шкаф над мойкой.

— Спасибо мамочка. — Тихо проговорила девочка. Эта таинственная напряженность начинала пугать ребенка и в то же время безумно интриговала.

— Не за что, солнышко, — ответила мама дрожащим голосом, — пойди, поиграй у себя. "Поиграй у себя", в данном контексте, означало "мне надо поговорить с подружкой наедине".

Кристина медленно отправилась к себе в спальню, перебирая в голове все, замеченные ею, странности и подробности этого утра, в надежде выудить для себя хоть чуточку информации. Но мама была, как никогда, осторожна и не подкинула ни единой улики для девочки, ровно, как и тетя Наташа. Юному детективу ничего больше не оставалось, как утолять жажду информации, подслушивая через розетку в своей спальне. И этот топорный метод через пару минут принес первые плоды. Дом, в котором жила Кристина, был старым, с деревянными перекрытиями между комнатами, а потому любопытной девочке не составляло труда узнавать все самые свежие семейные новости одной из первых. Кристина вошла к себе в комнату и прикрыла за собой дверь. Открыв шкаф, где у нее хранились куклы, она взяла первую попавшуюся для конспирации и уселась возле розетки. Такая же была и в стене кухни. Обе розетки пронизывали тонкую стену между комнатой Кристины и кухней. Эту особенность конструкции девочка обнаружила в одной из экспедиций по дому, которые она любила устраивать для младшего сына тети Наташи. Кристина бродила вдоль стен, ощупывая их, а болтливый Костик с интересом наблюдал за девочкой и комментировал все ее действия, в красках описывая все, до чего касались ее руки.

Некоторое время, кроме посторонних звуков, в розетке ничего не звучало. Слышно было, как бежит вода в кране — видимо мама мыла посуду. Стучали ложки, скрипели дверцы кухонной мебели. А потом все стихло, на кухне воцарилась тишина. Кристине даже на какое-то время показалось, что все вышли во двор, но тут она услышала тихий разговор:

— Вы готовы? — спросила тетя Наташа.

— Да, — тихо ответила мама, и тут же поинтересовалась, — билеты у тебя?

— Заказала по Интернету и уже зарегистрировалась на рейс. Вылет из Шереметьево в час ночи, а в Москву мы вылетаем в час дня. Вы вещи собрали?

— Еще нет, не знаю, что ей сказать. — Мамин голос дрожал, было понятно, она с трудом сдерживает слезы.

— Может правду?

— А если не получится? Что если эта... — мама запнулась. — Что если не выйдет? Мы подарим ей надежду, а она не оправдается, это может стать для нее страшным ударом.

— Лен, поверь мне, она сильнее, чем кажется.

— Ей всего 14, Наташ, она ребенок! Она от рождения слепа и мы никогда не дразнили ее надеждами, так же как не дразнили нас наши хваленые врачи.

— Тогда как ты собираешься ей объяснить поездку в Швейцарию?

— Очередное обследование, каких у нее было сотни, она давно привыкла к ним.

— Но это не рядовое обследование в Москве, это вообще не в России, ей 14, но она не идиотка и, по прибытии, всё поймет. — Тетя Наташа была раздражена и не менее взволнована, нежели мама. Минуту царило молчание, которое прервал звонок. Мама быстро зашагала к телефону, что висел в коридоре, а учительница вышла во двор.

Кристина сидела неподвижно, ее глаза смотрели в темноту, а по щекам катились крупные капли слез. Девочке хватило информации, чтобы понять — ее везут на операцию за рубеж.

Глава 2

Алексей Соловьев стоял посреди комнаты в полной растерянности. Понятия не имея, что взять с собой в поездку. Ночью звонил редактор. И что за дурацкая привычка раздавать задания именно ночью?

Редактор московского отделения модного в Европе медицинского журнала «Euromedicine» — Евгений Александрович Порохов страдал хронической бессонницей на фоне хронического трудоголизма, а потому много работы брал на дом. Проверяя ссылки и статьи, пришедшие ему на почту, он наткнулся на занятную публикацию, посвященную новейшему достижению медицины — «Проекту-14». Автор проекта, швейцарец Роберт Бойль утверждал, что способен заставить работать не используемые клетки головного мозга и более того, направлять их работу туда, где это жизненно необходимо. Скажем, выпадение одного или нескольких чувств, вызванных травмой или гипоксией головного мозга, можно было компенсировать работой клеток, ранее не используемых. Эта статья, опубликованная популярным зарубежным интернет-ресурсом, вызвала волну критики и скепсиса у мирового сообщества. И естественно издательство Порохова не могло пройти мимо подобного события. Не колеблясь ни минуты, редактор снял трубку и набрал номер телефона. Трубку сняли только на восьмой гудок:

— Да. — Хриплым голосом ответили ему на другом конце провода.

— Соловьев, собирайся, утром командировка в Швейцарию, мне нужен именно ты. Билеты я купил, и все реквизиты выслал тебе на почту. Там же найдешь основную тему задания.

Редактор положил трубку. Это была его любимая манера общения с подчиненными. Его требовательность основывалась на его же трудолюбии. Сам он спал по два-три часа в сутки, а остальное время пахал без устали. И сделал, таким образом, головокружительную карьеру. За три года от рядового репортера он вырос до редактора крупного московского отдела. В его характере было заложено странное чувство, будто все вокруг, должны иметь такое же

рвение к работе, как и он сам. Руководство заметило это и ловко приспособило его требовательность и организаторские способности к нуждам журнала. И, как следствие, в Москве появился успешный редактор, который за полтора года работы умудрился поднять продажи журнала на сорок процентов. Первым делом, Евгений Александрович окружил себя «своими» людьми, в основном, собственными студентами которых он воспитывал, как родных детей, будучи преподавателем на журфаке МГУ.

Одним из таких «своих» был и Алексей Соловьев — молодой, перспективный журналист, который покориł своими статьями, выдавшего виды, Порохова, на тот момент — его куратора.

И вот теперь, 25 летний журналист стоял посреди своей однушки в Коньково, озадаченный шефом. «Швейцария», «командировка» — эти слова доносились до него из телефонной трубки в три часа ночи, как будто из небытия. Алексей совершенно не отдавал себе отчет в том, что это не сон, и лишь в семь утра, проверяя электронную почту, понял, что ночной звонок редактора не был плодом его воображения. Его действительно отправляли на очередное заграничное задание. Молодой журналист совершенно не знал, что понадобится в поездке, да к тому же уже опаздывал в аэропорт. В чемодан полетел, ноутбук и зарядка к нему, пара брюк, пиджак и рубашки. Туда же попали и тщательно вычищенные итальянские туфли. Нижнее белье и носки всегда лежали наготове в тревожном чемоданчике репортера. Телефон занял место во внутреннем кармане темно-серого пиджака, а ключи от квартиры никак не хотели находиться.

— Почему на ключи нельзя позвонить? — с досадой подумал Соловьев и пнул ногой одеяло, валявшееся на полу. Глухой звон, донесшийся после этого, возвестил о местоположении искомого, и, нервно порывшись в постели, молодой человек нашёл ключи. Наспех проверив, все ли выключено и все ли закрыто, Алексей выбежал из дома. Пешком до метро, потом до вокзала на аэроэкспресс. Быстро пройдя регистрацию, Алексей посмотрел на часы. До вылета оставалось пятьдесят минут. С большим облегчением, он направился в ближайшее кафе и заказал себе двойной «эспрессо». Утро выдалось динамичным, но, несмотря на это, молодой организм никак не хотел просыпаться.

Алексей, последнее время трудился над серией статей о новейшем химиопрепарате для онкологических больных. Для этой работы ему пришлось перелопатить колоссальное количество информации, предоставленной ему заводом-изготовителем. А поскольку специфика журнала, где он работал, вот уже полтора года была таковой, что все журналисты должны были понимать то, о чем пишут, то Алексею пришлось нанимать репетитора по биохимии и фармакологии, дабы просветиться в области медицины. Работа занимала много времени, а все оставшееся время молодой репортёр отдавал изучению сложных медицинских предметов. Получалось, что вот уже полгода, у Алексея не было ни выходных, ни праздников. Практически все свободное время он уделял учебе. Три часа в день с репетитором и плюс все выходные. Поначалу наука давалась ему с трудом. Материал никак не хотел запоминаться, не было ни логики, ни порядка в хаосе из формул и определений. Но Алексей с завидным упорством зубрил всё, что ему давал преподаватель, искренне не понимающий, зачем журналисту это надо. В конце концов, упорство молодого химика принесло свои плоды. Через полгода изучения сложного предмета, Алексей стал разбираться в биохимических процессах, происходящих в организме человека. А ещё через три месяца с удивлением обнаружил, что способен понять всё, что написано в графе «фармакологическая группа» многих лекарственных средств. На работе в связи с его личным ростом в качестве

фармаколога стали поручать все более сложные статьи, с которыми, надо признаться, Алексей справлялся блестяще. Ему выделили целую колонку, в которой он освещал появление в свет новых препаратов зарубежного и отечественного производства. А спустя ещё три месяца на сайте журнала «euromedicine» появился его персональный блог, посвященный его статьям. Его упорство и трудолюбие хорошо оплачивалось, так что двадцатипятилетний парень, приехавший в столицу учиться, смог остаться в Москве после окончания вуза и снять квартиру. Заработка хватало на оплату счетов, на помощь родным в провинции, да и на черный день удавалось отложить. Алексей мог позволить себе одеваться в хороших магазинах и питаться уже готовой пищей, родом из местного супермаркета, поскольку сам готовить он не умел, да и времени на это, бессмысленное, по его мнению, занятие не было. Для работы ему вполне хватало старенького ноутбука, ну, а для облегчения труда, со временем, он приобрел несколько современных гаджетов.

Алексей был среднего роста, не очень длинные русые волосы лежали в легком хаосе на голове — удобная прическа для человека с его ритмом жизни. В одежде предпочитал простоту и вкус, избегая ярких и агрессивных цветов, кричащих фасонов и модных тенденций. Всеми этому он предпочитал классический стиль, за что и получил прозвище «сэр» среди однокурсников, поскольку по стилю одежды больше напоминал английского денди. Большой частью, его гардероб составляли костюмы и рубашки. Туфлям он уделял особое внимание. С самого детства отец учил его выбирать только качественную и прочную обувь. Предпочтение отдавал итальянским и немецким производителям, но были и исключения. В Швейцарию он отправился в простом темно-сером костюме.

Сэр Соловьев, как дразнили Алексея сокурсники, своим видом, располагал собеседников к себе и, во многом именно благодаря своему сдержанному стилю в одежде, достигал, с большей легкостью, всего того, чего его сверстники могли достигать лишь, применяя связи и деньги своих родителей. Алексей обладал простой и правильной речью. Его мимика и жесты позволяли донести до собеседника то, что не так красочно могли выразить простые слова. А самое главное, он умел правильно слушать. Его искренний интерес к речи интервьюера влюблял в себя. Его собеседники охотно делились с ним информацией, когда понимали, что Алексей жадно слушает их, не упуская ни единого слова. При этом это был не просто сбор информации, это был диалог. Начитанный, Алексей мог легко поддержать беседу практически на любую тему. Мог задавать такие вопросы, которые сразу характеризовали его, как сильного оппонента в споре. Его врожденная пунктуальность во всём создавала для него благоприятную почву в решении всех вопросов, касающихся работы. Он никогда не опаздывал на встречи, умел прекрасно распределять и планировать время. Его точность и оперативность в решении любых вопросов благотворно влияли на его карьерный рост. Начальство любило поручать Алексею задания, поскольку он зарекомендовал себя таким образом, что всем было ясно, раз за дело взялся Алексей Соловьев, то дело либо будет сделано точно и в срок, либо не будет сделано вообще, поскольку то, что не может сделать он, не сможет сделать ни один другой сотрудник журнала.

Пока молодой репортер наслаждался своим кофе, объявили посадку на рейс Москва-Берн. Алексей попросил счет, расплатился и спокойным шагом отправился на посадку. Перелёт не был долгим, но все же Алексей надеялся на трехчасовой сон. Перед ответственным заданием в Берне, нужно было поднакопить сил. Он не мог подвести журнал и уж тем более своего редактора.

Глава 3

В 8-30 утра, из Берна выехал серебристый Фольксваген поло и направился в сторону аэропорта близ Бельпа. Молодой ученый, Роберт Бойль, спешил встретить русскую девочку. Он отобрал её из множества кандидатов со всего мира. После заявления в прессе, вызвавшего море споров и вопросов, на его электронную почту свалилась целая гора писем с просьбой о помощи. Описывались самые различные патологии, связанные со зрением и слухом. Отчаявшиеся люди пытались зацепиться даже за самый призрачный шанс на излечение. Многие описанные патологии на сто процентов подходили для проведения эксперимента, но, на первом этапе, выбрать требовалось лишь троих. Выпускник Университета Париж Декарт, Роберт Бойль вот уже три года работал над созданием рабочего прототипа своей дипломной работы. Суть работы молодого ученого заключалась в том, чтобы воздействовать на поврежденную ДНК лабораторной мыши. В организм животного внедрялся вирус, содержащий определенный набор нуклеиновых кислот, которые были способны исправить поврежденную ДНК. После таких манипуляций стало ясно, что слепые от рождения животные начинали реагировать на световые раздражители. А в некоторых случаях, могли ориентироваться в пространстве, используя только орган зрения, поскольку предварительно лишались остальных чувств, таких, как осязание и обоняние. Эти бесспорные успехи были замечены в Европе и у перспективного ученого появились покровители и меценаты. На его исследования выделялись немалые деньги, но в итоге Бойль пришел к выводу, что одной генной инженерии для решения проблемы врожденной слепоты мало. Внедренный вирус действительно исправлял поврежденную ДНК у больных животных, но этого не было достаточно для полного восстановления утерянной функции. Роберт принялся усердно изучать анатомию и гистологию центральной нервной системы, ночи напролет проводил опыты с регенерацией и репарацией мозговых структур. И, надо признаться, добился немалых успехов. Его команда молодых ученых научилась воссоздавать нервные волокна, утраченные поврежденными нервными клетками. По новым нервным отросткам от нейрона даже бежала информация, но проблема заключалась в том, что эта информация должна была передаваться от нейрона к нейрону посредством синапсов, а воссоздать такие тонкие структуры, как синапсы, группе молодых ученых никак не удавалось.

Казалось, что исследования зашли в тупик. Появилась возможность воссоздавать нервные волокна, но использовать на практике это достижение было не возможно. Лаборатория Бойля работала практически без выходных, инвесторы требовали конкретных результатов, угрожая свернуть финансирование. Но результатов способных окупить вложенные средства не было. И Бойль начал терять источники финансирования. Один за другим от его программы отказывались ведущие институты Европы и Америки. Частные спонсоры так же прекращали вливания. Трехлетняя работа перспективного ученого летела в пропасть. Мечты о научном прорыве таяли на глазах вместе с бюджетом группы. Пришлось отказаться от аренды высокотехнологического оборудования. Так же группе пришлось проститься с доброй половиной сотрудников, которые работали в лабораториях, ведь любой труд нужно оплачивать, а денег катастрофически не хватало. Дошло до того, что горстке ученых во главе с Бойлем пришлось отказаться от прекрасной лаборатории в центре Парижа и вернуться на родину Роберта в Берн, где у его родителей была небольшая частная клиника.

И именно в тот момент, когда средства практически иссякли, и Роберт собирался распускать остатки группы, ему в голову пришла одна маленькая, мысль. Если они не могут

воссоздать работу центральной нервной системы, то можно попробовать перенести функцию поврежденных участков мозга на те участки, которые не используются в повседневной жизни. Группа подхватила эту хрупкую идею. Началась кропотливая работа по созданию прибора, который мог бы активировать нужные центры коры головного мозга так, чтобы они были идентичны поврежденным. Затем, в эти участки вживляли вирус с недостающей генетической информацией, и он достраивал геном новых участков мозга. Получался, своего рода, дополнительный центр зрения или обоняния. Оставалось только направить импульс от зрительных или обонятельных нервов с поврежденных участков на вновь созданные. Этим собирался заняться его отец — ведущий нейрохирург Берна. Работа закипела с новой силой и, спустя полгода, были получены первые результаты. Исследования на мышах показали восстановление функций зрения до шестидесяти пяти процентов. На собаках эксперимент дал еще более высокие результаты. И группа вплотную подошла к испытаниям методики на людях. В течение трех месяцев были оформлены все, необходимые для этого, документы и начался поиск кандидатов. Результаты исследований Роберт разместил в прессе, и в течение месяца на статью откликнулись сотни добровольцев и энтузиастов. От желающих первыми опробовать передовую методику не было отбоя. Из сотен кандидатов предстояло выбрать троих с подходящей патологией. Метод Бойля не позволял избавляться от слепоты, если последняя была вызвана не расстройствами мозга, а какими — либо другими факторами. Роберт лично изучал анкеты, присылаемые ему из разных уголков планеты. И через некоторое время выбрал троих кандидатов. Первой была четырнадцатилетняя девочка из России. Второй кандидат прислал свои данные из Канады. А третьим кандидатом оказался его соотечественник из Вены. Всем, троим, были высланы приглашения в Берн. Специально для участников эксперимента в клинике отца Роберт устроил импровизированный отель, где добровольцы могли пребывать в течение длительного времени. Там же в клинике планировалось проводить операции.

И вот настал тот знаменательный день, когда отобранные пациенты прилетали в Берн. Русскую девочку и её опекуна Роберт вызвался встретить лично, остальных участников эксперимента должны были встретить его коллеги. Серебристый Фольксваген без приключений добрался до аэропорта и припарковался на стоянке. Роберт вбежал в зал прилета за десять минут до посадки самолёта из Москвы. Взглянув на часы и убедившись, что прибыл вовремя, он достал табличку с названием своей клиники и стал ждать гостей.

Глава 4

Кристина изо всех сил сжала подлокотники кресла. Самолёт, в очередной раз, угодил в воздушную яму и резко снизился. У девочки тут же зашумело в голове. Резкая боль в ушах врезалась в сознание. Ее вестибулярный аппарат сопротивлялся перегрузкам как мог. В голове стоял гул, уши закладывало, и Кристина постоянно дула в нос, чтобы избавиться от этого неприятного ощущения. Кроме того девочку сильно мучило на протяжении всего перелета. Стюард регулярно снабжал молодую пассажирку леденцами и справлялся о ее самочувствии у тети Наташи.

Наконец, поступил сигнал от командира экипажа о том, что нужно пристегнуть ремни безопасности. Самолёт начал снижаться и заходить на посадку. Кристина побледнела и покрылась холодным потом. Костяшки пальцев побелели, и, казалось, девочка сейчас вырвет с корнем подлокотники кресла. Тетя Наташа положила свою руку на холодную руку Кристины и попыталась успокоить ее, но все было тщетно. Девочка ничего не слышала и не отвечала на вопросы, страх сковал ее волю и парализовал тело — такой реакции от ребенка

никто не ожидал. Учительница за время полета не раз пожалела о том, что настояла на этой поездке.

Двигатели Боинга напряженно засвистели, и самолет чувствительно коснулся полосы. Торможение вызвало у Кристины очередной приступ тошноты, но, к счастью, все мучения девочки на этом завершились. Самолет медленно подкатили к терминалу, и экипаж по громкой связи попрощался с пассажирами. Кристина еще минут пять сидела неподвижно. Все пассажиры покинули салон самолета, и стюард вежливо поинтересовался у женщины, сопровождающей юную девушку, чем он может быть полезен. Кристина, за весь полет не проронившая ни слова, медленно повернула голову к стюарду и спокойным тоном поблагодарила его. У Натальи Ивановны тут же отлегло от сердца. Девочка справилась с этим испытанием и быстро пришла в норму. Они медленно встали, взяли свою ручную кладь и направились в терминал.

В зале прилета Наталья Ивановна увидела молодого человека с табличкой, на которой красовалась надпись «Хоуп». Это название клиники, в которой Кристине предстояло провести следующие три месяца. Гости подошли к молодому человеку и тот заговорил первым:

— Приветствую Вас в Международном аэропорту города Бельп! — На чистом английском произнес Роберт. — Я рад видеть Вас, юная мисс Кристина и Вас мадам Наталья. Как Вы добрались?

— Здравствуйте Роберт, — ответила на приветствие тетя Наташа, — спасибо, перелет оказался трудным испытанием для Кристины. — Наталье Ивановне раньше не приходилось беседовать с иностранцами, и ее английский звучал несколько академически, но Роберт прекрасно понял гостью из России и обрадовался тому, что не будет проблем с языковым барьером.

— Предлагаю, не терять времени и отправиться в Берн. Моя машина на стоянке. — Роберт взял большой чемодан и жестом пригласил гостей к выходу. Наталья Ивановна взяла Кристину за руку и направилась за приятным молодым человеком. Доктор Бойль показался ей немного взволнованным, хотя, по сути, волноваться нужно было скорее им, а не ему. Все трое вышли из здания аэропорта и сели в припаркованный неподалеку автомобиль. В дороге Кристина уснула на плече у тети Наташи. Ученый не стал завязывать беседу с гостьей из России, ему не хотелось будить, уставшую с дороги, пациентку. Пусть отдохнет, — подумал он, — должно быть из-за слепоты её сенсорика развита гораздо сильнее, нежели у зрячих людей, не удивительно, что её вестибулярный аппарат так бурно отреагировал на изменение давления в полёте.

Так, в полной тишине, они добрались до места. Здание клиники располагалось на окраине Берна, в тихом районе под названием Ленггассе-Фельсенау. Фольксваген въехал на территорию старинного поместья окруженного высоким каменным забором.

Семейная клиника «Хоуп» была основана отцом Роберта Эдвардом Бойлем в конце восьмидесятых. Изначально это был небольшой офтальмологический кабинет, в родовом поместье Бойлей, в котором помимо Эдварда Бойля трудилась его жена Марта, медсестра по образованию, и друг семьи Карлос Морено — родом из Севильи — студенческий друг Эдварда. Втроем они успешно занимались медицинской деятельностью и мало-помалу расширяли клинику. Они проходили курсы повышения квалификации в лучших институтах Европы. Осваивали новейшие методики лечения и никогда не скупилась на приобретение новейших диагностических приборов. За тридцать лет существования клиника разрослась

настолько, что пришлось занять практически все помещения поместья. Верхний этаж был отпущен под диагностические кабинеты. На втором этаже находились две операционные комнаты, стерилизационные и предоперационные помещения. Первый этаж был полностью отведен под палаты. Хотя назвать их палатами не поворачивался язык. Жена Эдварда, Марта позаботилась о том, чтобы пациенты в их клинике не нуждались ни в чем и чувствовали себя как дома. В каждой палате царили чистота, порядок и домашний уют. Они состояли из двух блоков, спального и кухонного. Также в каждой палате была своя ванная комната и маленькая перевязочная. За чистотой в помещениях следили горничные, а весь штат сотрудников клиники включал более пятнадцати человек. Помимо Эдварда и Карлоса в клинике трудилось ещё три высококвалифицированных хирурга, два анестезиолога, реаниматолог и два офтальмолога. Им ассистировали три операционных медицинских сестры и еще три поддерживали чистоту и порядок во всех помещениях клиники.

Роберт припарковал машину перед парадным входом. На широкой лестнице стоял его отец, высокий импозантный мужчина во фраке, с очень идущей ему сединой. Он подошел к машине, открыл дверь и подал руку Наталье Ивановне. С другой стороны его сын уже помогал выбраться из машины Кристине. Бойль-старший с теплой улыбкой поприветствовал дорогих гостей и распорядился, чтобы их вещи были отправлены в одну из палат.

— Надеюсь, пребывание в нашей клинике не покажется Вам обременительным. — Провожая в дом гостей, произнес Эдвард.

— Тут чудесно, — осматриваясь, прошептала Наталья Ивановна, — в жизни не видела подобной красоты...

Поместье-клиника Бойлей было окружено изумительным садом. Забор изнутри сплош порос каким-то вьющимся растением. Изумрудный, идеально подстриженный, газон окружал ровные ряды кустарника, так же аккуратно остриженного. Высокие сосны венчали своими кронами небосвод, величественно покачиваясь на ветру. Кристина, выходя из машины, глубоко вдохнула чистый, прохладный воздух и впервые за всю поездку улыбнулась. Тетя Наташа взяла ее за руку, и все вместе они прошли в дом. Гости проводили до их палаты. Горничная провела небольшой инструктаж относительно месторасположения всех необходимых комнат и вещей и тихо удалилась, оставив женщину и девочку одних приходить в себя после утомительной поездки.

— Как ты, Кристи? — Тихо спросила учительница.

— Все хорошо, тетя Наташ, просто мне никогда не доводилось летать, и я не ожидала, что будет так плохо. — Спокойно ответила девочка и добавила, — Тут чудесный воздух, такое ощущение, что не дышишь им, а пьешь его. Мне здесь очень нравится.

Женщина подошла к Кристине и нежно обняла ее, — все будет хорошо, девочка моя, все будет замечательно. А теперь давай привыкай к новой обстановке, а я позвоню твоим родителям и расскажу, как долетели.

О цели поездки мама рассказала Кристине еще дома. Было видно, что девочка сильно волнуется и материнское сердце сжималось от одной только мысли, что если ничего не получится, её ребенок будет морально травмирован на всю жизнь, но упустить такой шанс означало еще большую травму. Тогда же мама объяснила девочке, что из-за службы папы они не могут покинуть страну и поехать с ней. Тетя Наташа вела все переговоры с врачами из Швейцарии, и, по достижении соглашения, решила сама сопровождать Кристину. Женщина оставила маленького сына подруге, а сама взяла ее дочь и отправилась в путешествие.

Пока учительница звонила в Россию, Кристина медленно обошла комнату. Сначала вдоль стен, нащупывая мебель и все возможные препятствия, потом вокруг большой двуспальной кровати стоявшей посреди палаты. Затем девочка медленно прошла в ванную комнату и тщательно изучила ее. Она всегда стремилась запомнить расположение всех предметов в комнате с первого раза. Память редко подводила ее и потому, побывав однажды в доме, девочка могла легко ориентироваться в нем в последующие визиты. Ей не нравилось ходить с палочкой для слепых, она больше внимания уделяла предварительному знакомству со всеми препятствиями и чувствам, нежели постоянно рыскать перед собой щупом. Все знакомство с новым помещением заняло у Кристины не больше получаса. Девочка мысленно отметила препятствия и месторасположение всех важных объектов: столов и тумбочек, дверей и проходов, подоконников и окон. Завершив обход, девочка села на край кровати, затем легла на спину. Тетя Наташа только закончила разговаривать с ее мамой и передала девочке трубку. Голос Елены Александровны дрожал, хотя она и старалась скрыть это. Сам перелет Кристина описала кратко, но подробно рассказала, как их встретили. Поговорив еще пару минут, девочка попрощалась с мамой и нажала на отбой. В комнате повисла тишина. Закрытые окна не пропускали звуков с улицы. Кристина вновь села на кровать повернулась к тете Наташе, улыбнулась и наигранным капризным тоном заявила, что хочет есть. В ту же секунду в дверь вежливо постучали.

— Войдите — ответила Тетя Наташа.

В комнату вошла горничная, и пригласила гостей в обеденный зал к чаю.

— Очень кстати. — Ответила учительница и, взявшись за руки, они с Кристиной прошли за молодой девушкой.

Глава 5

Жар погребального костра обжигал лицо. Алексей стоял так близко к пламени, что, казалось, его собственная плоть скоро вспыхнет. Он не отходил в сторону, не отворачивался и не прикрывал глаза от роя искр. Маленькие, острые, как жала, они впивались в его тело, оставляя красные следы. На кострище лежала девушка в одеянии воина. Руки, скрещенные на груди, сжимали рукоять меча. На глазах лежали две золотых монеты, предназначенные для паромщика на реке Стикс. Девушка погибла в бою. В жестоком, кровавом бою. Погибла, защищая свой дом, свою семью, свою родину. Погибла ради победы своего народа, ради свободы и справедливости. Но имело ли это смысл для нее теперь, когда она мертва? Значила ли ее смерть для истории хоть что-то? На эти вопросы он никогда не получит ответа. Теперь она мертва, а мертвые, как известно не интересуются судьбами живых.

Жар становился все сильнее. Все тело Алексея покрылось крупными каплями пота, но и они не спасали от бушующего пламени. Боль утраты была настолько сильной, что хотелось заглушить ее болью физической. Хотелось кинуться в этот полыхающий ад и погибнуть в нем, только бы не чувствовать то, что творилось в душе. Языки пламени поднимались все выше и выше. Костер разгорался, подпитываемый морским бризом. Жар так сильно обжигал грудь, лицо и ноги Алексея, что он не выдержал и закричал. Но этот крик был не только криком боли. То был крик бессилия и отчаяния, крик ненависти и необузданной жажды мести, крик утраты и бесконечного горя.

Самолет сильно трянуло, и Алексей проснулся. Лоб, покрылся холодным потом, во рту пересохло. Не было ни костра, ни воительницы, ни морского бриза, но осознание яви пришло не сразу. Еще минуту Алексей осматривался и прислушивался к себе. Да, он летит... Летит в Швейцарию. Постепенно реальность окутала молодого человека. Алексей вытянул

затекшие ноги и выгнул над головой руки сложенные замком. Сердце вернуло себе спокойный ритм. Опять этот странный сон. Сон, в котором он предавал огню тело девушки. Опять это, до безумия реальное, ощущение жара огня. Этот кошмар преследовал его уже несколько лет. Насколько он помнил, это был его единственный кошмар. Другие сны ему тоже снились, и хорошие и плохие, но кошмарным, по-настоящему кошмарным, был только этот. Алексея пугало то, что все в этом сне было до боли реальным. То чувство утраты, адский жар, та ярость, которая полыхала в нем — все это было настолько осязаемым, а чувства были настолько сильными, что Алексею случалось даже плакать после пробуждения, когда этот сон посещал его вновь. Пожалуй, самым сильным его желанием было никогда больше не ощущать такого потрясения в реальной жизни. Но, к счастью, сны проходят, а на их место быстро приходит реальность, которая поглощает все, что накапливается внутри. Реальность возвращает возможность мыслить здраво, оценивать и давать характеристику всему происходящему. Именно это привлекало Алексея в работе журналиста. Оценивать реальность было его призванием, его страстью. Увлекаясь происходящим действием, Алексей мог забыть обо всех своих проблемах и переживаниях. Только работа отвлекала его от зудящего роя непослушных мыслей в голове. Только работая он не чувствовал одиночества и страха.

Размышления прервало объявление о предстоящей посадке и просьба пристегнуть ремни безопасности. Самолет мягко коснулся земли и уже через 20 минут Алексей ловил такси у главного входа аэропорта.

Специфика профессии подразумевала частые командировки, но в какую бы страну ни отправлялся Алексей, ему всегда попадались странные таксисты. Сейчас его такси мчалось по пустой трассе в Берн так быстро, что репортеру пришлось попросить водителя сбавить скорость. В конце концов, за услугу будут выплачены деньги, а, следовательно, и музыку заказывать именно тому, кто платит. Таксист немного сбавил скорость, но потом машина вновь набрала ход, как будто кто гнался за ними. Алексей обратил внимание на водителя. Тот действительно вел себя странно. Поминутно заглядывая в зеркало заднего вида, водитель, казалось, нервничал. Но на этом странности не заканчивались. Такси, как и любое другое, было оборудовано счетчиком и рацией. Но у этой машины помимо этих приборов рядом с магнитолой находилась небольшая черная кнопка, которую водитель периодически нажимал. Алексей обратил внимание на эту особенность сразу же, как только они отъехали от здания аэропорта. Внешне таксист ничем особенным не выделялся. Невысокий, средних лет, гладко выбритый, коротко стриженный мужчина-европеец в простеньком костюме. Никаких особых примет, ничего, что могло бы обратить на себя внимание. Машина свернула с трассы, и, спустя некоторое время, извилистая дорога привела их в пригородерна, где водитель сбавил скорость. Они въехали в столицу Швейцарии не через широкую автостраду главной транспортной артерии города, а через второстепенную дорогу, петляя в кварталах между домами. Это тоже показалось довольно странным Алексею, но пока его безопасности ничего не угрожало, да и придраться было не к чему. Водитель вёл автомобиль довольно уверенно, видимо объезжая проблемные места, и Соловьев махнул рукой на все странности, списав своё временное беспокойство на природную мнительность.

Наконец, таксист-лихач остановил автомобиль у входа в гостиницу, где Алексею забронировали номер ещё перед отлетом из Москвы. Соловьев достал наличные и заплатил таксисту. Тот молча рассчитал пассажира, дал сдачу, помог достать сумку из багажника и быстро уехал, оставив Алексея одного перед красивым трехэтажным зданием.

Из припаркованной на другой стороне улицы машины за прибытием русского репортера следил объектив фотоаппарата, фиксируя каждое его движение. Как только Алексей прошел в вестибюль здания, следивший за ним, фотограф изъясил флешку из фотоаппарата и вставил ее в слот на приборной панели автомобиля. Дисплей бортового компьютера ожил, и незнакомец быстро переслал отснятый материал.

Алексей подошел к стойке и обратился к портье. Все организационные вопросы были улажены в кратчайший срок, и уже через десять минут новый постоялец осматривал небольшой номер на третьем этаже здания. Пресс-конференция доктора Бойля была назначена на шесть часов вечера, а на часах было только двенадцать. Алексей решил поработать над вопросами, которые ему придется задавать молодому ученому, заказал по телефону в номер круасаны и кофе, устроился поудобнее в мягком кресле и включил ноутбук. Работа заняла у него не больше двух часов. До встречи оставалось четыре часа, и журналист решил немного прогуляться. Он вышел из номера, взяв с собой лишь документы и небольшую сумму денег. Улица, на которой располагался отель, оказалась довольно тихой. Машин практически не было. Несколько прохожих, по виду туристы, медленно брели вдоль домов, периодически останавливаясь и фотографируя красивые резные фасады зданий. Алексей прошел пару кварталов и, отметив для себя несколько полезных точек, а именно уютное кафе на углу своей улицы и полицейский участок, вернулся в отель. В общей сложности его не было около часа. В холе у портье он заранее заказал такси и поднялся в номер. Дверь была открыта, на ручке висела табличка с надписью «работает персонал». Репортер осторожно вошел в номер и увидел посреди комнаты рабочего в комбинезоне. Тот стоял на небольшой стремянке и менял лампу дневного света. Завидев хозяина номера, он вежливо поздоровался и принес извинения за предоставленные неудобства. Лампу должны были заменить еще утром, пробубнил он, но мсье въехал раньше. Еще раз, попросив извинения, электрик удалился. Алексей запер дверь и быстро проверил личные вещи. Ничего не пропало, саквояж, с которым он приехал, лежал там же, где Алексей его и оставил, но все же то, что без его спроса в номер может войти любой желающий молодому репортеру понравилось мало. Он поднял трубку и позвонил на ресепшн. Трубку взял распорядитель:

— Слушаю.

— Номер 315, извините, что отвлекаю Вас от работы, — Алексей постарался сказать это как можно серьезнее, — но я бы хотел выразить недовольство работой отеля. Мне бы хотелось, чтобы в мое отсутствие в мой номер никто не заходил. Ни горничные, ни электрики, ни другой персонал. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— Минутку, — вежливо ответил портье, щелкая клавишами, — простите сэр, кто конкретно посещал ваш номер?

— Минуту назад ваш электрик менял лампочку в моем номере — раздраженно ответил Алексей.

— Мсье, прошу Вас не покидать номер, я сейчас поднимусь к вам.

Через несколько минут в дверь постучали. Алексей впустил служащего отеля.

— Не стоило из-за этого подниматься, — начал разговор Алексей, — достаточно было извиниться и распорядиться на счёт посещения моего номера. — Ему хотелось, чтобы к нему отнеслись серьезно и потому намеренно вел разговор твердо.

— Ещё раз прошу прощения мсье, но устав отеля требует провести полицейское расследование в подобных случаях — произнес портье.

— Вовремя не заменили лампочку и сразу полицейское расследование? Я, конечно,

слышал о швейцарской пунктуальности, но это явно перебор. — Алексей решил шуткой разрядить обстановку. Служащий отеля спокойно выслушал его и, никак не отреагировав, ответил:

— Дело в том, что в вашем номере не было запланировано работ на сегодня. Все номера готовятся заранее. А во время визита наших гостей обслуживающий персонал работает в номере только после согласования времени и плана работ с постояльцем, — портье выглядел, несколько озадаченным, — я уже вызвал полицию, вы проверили личные вещи? Возможно, в отель проник грабитель, хотя признаюсь, подобное случается в нашем отеле впервые.

— Да я проверил сумку, ничего не пропало, все на месте, — несколько смутившись, ответил Алексей, — но когда же придет полиция? У меня запланирована важная встреча на вечер.

— О, прошу, не беспокойтесь, участок находится неподалеку и уже через несколько минут они будут здесь. Вам зададут несколько вопросов, Вы напишите заявление и жалобу на администрацию отеля. Это займет не больше получаса. В ваше отсутствие мы сменим все замки в дверях или предложим вам новый номер.

— Да не буду я писать никаких жалоб на ваш отель, должно быть это просто накладка — такое случается сплошь и рядом.

— Мы дорожим репутацией отеля, мсье Соловьев. Подобных накладок в нашем отеле просто не может быть. Все организовано с точностью швейцарских часов. Я почти убежден, что в Вашем номере был преступник, и повторение подобных случаев нужно пресечь немедленно. — Портье говорил так уверенно, что Алексею пришлось поверить в серьезность ситуации. Но зачем кому-то вламываться в номер и ничего не красть при этом? Может просто не успели? Все же отсутствовал он не так долго. Да уж, все это довольно странно, но, слава Богу, ничего не украдено и вор, скорее всего, забудет дорогу в этот отель.

— Ведь я его видел, — продолжал размышлять вслух Алексей, — а потому могу опознать при встрече. Скорее всего, этот горе-грабитель ни за какие коврижки не вернется на место преступления.

— И это было бы замечательно. — С досадой сказал управляющий, явно расстроенный происшествием.

Тем временем, в коридоре послышались шаги, и в номер вошли трое полицейских. Двое молча начали осматривать замок, двери, снимать отпечатки пальцев, вести какие-то подсчеты и заполнять протоколы. А третий, видимо старший по званию, обратился к Алексею:

— Инспектор Коллер. Могу я задать Вам несколько вопросов?

Как и говорил портье, все заняло не больше получаса. Оперативность, с которой отреагировала полиция Берна на инцидент, приятно удивила Алексея. Уже в пять вечера ему подали такси, к слову сказать, за счёт отеля — так распорядился управляющий. А без четверти шесть Алексей уже стоял у ворот роскошного особняка и читал название клиники доктора Бойля.

На другом конце Берна, молодая женщина в строгом брючном костюме держала в руках отчет о проделанной работе, в котором подробнейшим образом было описано все, чем занимался некий Алексей Соловьев по прибытии в Берн. В докладе так же было указано об установке прослушивающей аппаратуры в номере, где остановился русский журналист. Брюнетка ознакомилась с бумагами, подняла трубку и вызвала к себе проколовшегося

агента.

— Бестолочи! Не могли сделать все скрытно, — женщина была явно недовольна работой своей группы и собиралась отстранить виновного от работы в поле. Отстранить навсегда.

Глава 6

Утро выдалось чудесным. Кристина проснулась раньше тёти и еще долго лежала в постели, прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы. Она всегда так делала, когда оказывалась в незнакомом для себя месте. Девочка просто лежала и слушала. Она получала информацию в виде звуков, а ее воображение дорисовывало все то, что она не могла увидеть. Кристина не знала, что именно она рисует в голове, ведь по звуку автомобиля, проехавшего мимо особняка, она могла понять только то, что это было транспортное средство. Такое же, какое стояло у папы в гараже или похожее, но все же это было средство для передвижения, не больше. О его размерах и дизайне девочка не могла судить. Но, все же, ей было интересно придумывать для себя свою собственную реальность.

С детства Кристина много времени проводила с мамой за беседами об окружающем ее мире. После прочтения очередной книги ребенок интересовался у матери, что означает то или иное слово, как выглядит тот или иной предмет. Мама Кристины охотно описывала дочери все, что ей было не понятно. Если описания не хватало, то Елена Александровна делала все, чтобы раздобыть интересующий её дочь предмет и дать ей, на ощупь, познакомиться с ним. Иногда доходило до курьезов. После очередной детской сказки маме Кристины пришлось бежать в огород и перекопать его добрую половину в поисках банального червя. Именно этот незатейливый представитель фауны овладел разумом ребенка. Кристина никак не могла понять, что же это такое дождевой червь. Следует отметить, что на улице стоял ноябрь и червей в огороде, естественно, не оказалось. Женщине пришлось за искомым объектом обращаться к соседям. Когда же выяснилось, что ни одного червячка в коттеджном поселке вообще нет, она обратилась к мужу — полковнику ракетных войск стратегического назначения Громову. Командир части Громов, несколько удивился странной просьбе жены, но, все же, послал взвод саперов на внеплановые учения. Спустя пять часов «маневров» выяснилось, что на полигоне тоже нет нужной живности. Ситуация казалась проигрышной, но сдаваться было не в традициях семьи Громовых, к тому же Елена Александровна решительно не хотела подводить свою дочь. Она пригласила свою подругу Наташу посидеть с Кристиной, благо учительница в то время не работала из-за карантина в школе. На следующий день, когда подруга пришла на помощь, мама Кристины спешно собралась и уехала в город. Вечером женщина вернулась с пакетом жирных красных червей, которых приобрела в магазине для рыбаков. Изумлению подруги не было предела, когда она наблюдала за маленькой Кристиной, которая с живым интересом трогала червей. Девочка перебирала их в пакете, пропуская сквозь пальцы, тщательно ощупывала и нюхала каждого. Потом они все вместе отпустили редких животных в огород. Кристина осталась довольна новым ощущением, ее мама довольна тем, что угодила дочке, а мамина подруга осталась пребывать в легком шоке от увиденного.

Стук в дверь вернул Кристину к реальности. Тетя Наташа проснулась и, сонная, пошла открывать. За дверью стоял Бойль-младший — зашел пожелать доброго утра своим гостям. Учительница минуты две беседовала с ним и, после того как он ушел, обратилась к Кристине.

— Доктор Бойль заходил, пригласил на завтрак через полчаса, — все еще сонным

голосом проговорили она, — а еще предупредил о пресс-конференции, на которой мы должны будем присутствовать. И с сегодняшнего дня тебя начнут готовить к операции, так что будь готова, Кристи, минут через пять зайдет медсестра и заберёт у тебя кровь.

— Надеюсь, не всю заберет. — Попыталась пошутить Кристина и, как-то вяло, улыбнулась своей шутке.

— Не говори глупостей, моя хорошая, у тебя возьмут на анализ кровь из вены — это совсем не больно. Я в душ, — с этими словами тетя Наташа прошла в ванную комнату и заперлась. Послышался шум воды. Кристина встала с кровати и сладко потянулась. Аккуратно, вдоль кровати, она прошла к бельевому шкафу и сменила ночную пижаму на больничный халат. В дверь вновь постучали:

— Открыто! — по-английски ответила Кристина, не стараясь скрыть акцент. В палату вошла медсестра и вкатила за собой столик с лабораторными инструментами для забора крови.

— Доброе утро, маленькая мисс, — поздоровалась она, — я Мери и буду вашей медицинской сестрой до самой выписки.

— Доброе утро Мери, — весело отозвалась девочка, — я Кристина и буду вашей пациенткой до самой выписки.

Медсестра прыснула, но постаралась не засмеяться в голос.

— У тебя хороший английский, — похвалила она девочку, — кто тебя учил?

— Спасибо, Мери, у Вас тоже хороший, — ответила Кристина, — меня обучала моя тетя, она сейчас в душе.

Медсестра вновь улыбнулась, взяла девочку за руку и предложила пройти в процедурную комнату. Девочка приняла помощь и уже через десять минут они вышли из процедурного кабинета.

— Рада была познакомиться, Кристина, — тепло, пожимая маленькую ручку девочки, произнесла Мери, — буду рада с тобой работать и дружить.

— Я тоже рада знакомству, Мери. — Ответила девочка и села на кровать. Медсестра вышла из палаты и закрыла за собой дверь. Девочке понравилась ее новая знакомая, от нее приятно пахло фруктами и у нее были нежные руки. К тому же она совершенно не больно брала кровь из вены: — не то, что у нас в поликлиниках и больницах! — Подумала Кристина.

В это время вышла из душа тетя Наташа, вытирая голову полотенцем, и поинтересовалась, приходила ли медсестра. После небольшого рассказа о проделанной процедуре, Кристина отправилась в ванную умываться и чистить зубы. После этого они с тетей Наташей переоделись в простенькую домашнюю одежду и отправились искать обеденный зал, где их уже ждал завтрак.

Искомая комната оказалась в центре особняка на первом этаже, найти ее не составило большого труда. Коридоры клиники были устроены так, чтобы плохо видящим и слепым пациентам можно было легко самим найти тот или иной кабинет. Стены были оснащены поручнями, а у пересечений с другими коридорами и кабинетами к стенам были прибиты таблички на которых, специально выгравированными буквами и символами, был отображен план здания. Так что слепые пациенты, знакомые с таблицей Брайля могли сами, без посторонней помощи, передвигаться по клинике, не опасаясь заблудиться. Кристина быстро сориентировалась и пошла вдоль коридора в нужную сторону. За ней молча шла тетя Наташа. Женщина специально не говорила девочке, правильно ли она идет. Она знала, что

Крестину воспитывали так, чтобы во взрослой жизни она могла быть максимально свободна и самостоятельна. Девочке и самой нравилось такое к ней обращение. Ее бесила одна мысль о том, что кто-то может считать ее беспомощным инвалидом, и потому она всего старалась добиваться сама: как в быту, так и в учебе. Единственное, что позволяли себе окружающие ее люди — это помощь в поиске информации. Крестину постоянно снабжали новыми книгами и учебниками. Ей постоянно рассказывали о том, чего она никогда в жизни не увидела бы. И девочку постоянно учили справляться с бытовыми проблемами самостоятельно, без помощи посторонних. В итоге, в свои четырнадцать лет она могла практически все, что могли ее сверстники, а в некоторых вещах она была наголову выше их. От рождения слепая, Крестина имела прекрасный слух и отлично играла на гитаре, уроки которой ей давала мама. Еще девочка прекрасно лепила из глины вазы и кухонную посуду, брала уроки вязания у бабушки и обожала на ощупь угадывать монетки — этим она занималась с отцом, который, к слову, был заядлым нумизматом.

Через пять минут они оказались в зале с большим овальным столом, за которым уже сидело семейство Бойлей и четверо незнакомых Наталье Ивановне людей, по-видимому, работников клиники. Старший Бойль, сидевший во главе стола, встал и радостно поприветствовал гостей. Тетя Наташа взяла Крестину за руку помогла сесть за стол, а сама расположилась рядом с подопечной.

Во время завтрака всем обедающим прислуживали два официанта, что несколько смутило гостей из России, непривыкших к такому сервису. Остальные же участники трапезы вели себя довольно раскованно. Наталью Ивановну и Крестину представили другим пациентам клиники. Оказалось, что помимо Крестины, экспериментальную методику будут испытывать еще двое добровольцев. Старший из Бойлей представил вновь прибывшим гостям мистера Алекса Керолла, швейцарца по происхождению, родившегося и выросшего в Бельпе, и мистера Дэвида Понса, уроженца Канады. Оба страдали расстройствами центральной нервной системы. Их недуги небыли связаны с расстройством зрения, у обоих было нарушение обоняния. После короткого знакомства, все приступили к трапезе. И гости, и работники «Хоуп» говорили на универсальном английском, дабы никого не стеснять. Крестине понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к иностранной речи, и она, отчасти из-за природной скромности, а отчасти из-за чувства такта, все-таки она еще ребенок, почти не принимала участия в беседе. Взрослые чувствовали, что девочка находилась не в своей тарелке и не докучали ей вопросами.

После завтрака все вышли в сад, где устроились в уютной беседке. Старший Бойль вновь поблагодарил собравшихся за уделенное его клинике время и передал слово своему сыну. Роберт вышел в центр беседки, сделал секундную паузу, собираясь с мыслями, и объявил.

— Господа! Рад приветствовать вас в стенах клиники «Хоуп». Название клиники говорит само за себя, Хоуп — значит надежда. Надежда на будущее, надежда на новую жизнь, новые возможности. — Ученый сделал паузу, обвел взглядом, слушающих его людей и продолжил. — Расскажу немного о предстоящей работе. Наша программа основана на новейших достижениях медицины и включает в себя комплекс мероприятий, состоящий из оперативного вмешательства на мозге и приема новейшего препарата, последнего слова медицины и фармации. Сразу хочу предупредить всех вас, как работников клиники, так и участников эксперимента. В ближайшие три месяца, в соответствии с условиями контракта, вы не сможете покинуть Швейцарию. Также вы дадите подписку о неразглашении. Вам будет запрещено общаться с представителями любых средств массовой информации, кроме

тех источников, которым мы доверяем. Если быть точным, это всего лишь одно авторитетное издание, и его будет представлять российский журналист Алексей Соловьев. Именно благодаря его репортажам мир будет узнавать о нашей работе и результатах. Так же вам нельзя будет обсуждать ход эксперимента ни с кем, кроме персонала этого медицинского учреждения. Нужно это, в первую очередь, для поддержания рабочего порядка и спокойствия на территории клиники. Наши разработки, мягко говоря, являются революционными и ажиотаж, который может вспыхнуть вокруг нашего эксперимента, лишь помешает успешному его завершению.

Все собравшиеся внимательно слушали Роберта.

— Господа, теперь о порядке проведения эксперимента. Как я уже упомянул, методика будет состоять из двух взаимодополняющих друг друга этапов: хирургического и медикаментозного. На первом этапе, три бригады нейрохирургов будут создавать нервные пути, переносящие информацию от ваших вполне дееспособных органов чувств к новым участкам мозга. Второй же этап будет заключаться в интеграции вновь созданных чувствительных нервов с, неиспользовавшимися ранее, участками коры головного мозга, которая и будет работать вместо тех участков, которые у вас не функционируют. Как мы надеемся этот эффект будет достигнут при помощи моей разработки — препарата над которым моя группа трудилась последние несколько лет. — Ученый сделал глоток воды и продолжил. — К сожалению, мы не можем дать гарантий и быть уверенными в успехе на сто процентов, но все предыдущие опыты на животных внушают оптимизм и вселяют надежду на успешное внедрение методики. Не люблю много и попусту говорить, поэтому у меня все. Есть ли у вас вопросы ко мне? — Довольно уверенно поинтересовался Роберт. Из первого ряда вверх робко потянулась детская рука. Роберт улыбнулся и спросил. — Да, Кристина, какие-то вопросы?

Среди собравшихся повисло тяжелое напряжение.

— Всего один — осторожно начала девочка. — Вы сказали, что мы не сможем общаться с миром, так?

— Да верно.

— А можно мне будет общаться с мамой по телефону, она расстроится, если не будет разговаривать со мной, хотя бы раз в два часа. — При этом Кристина сделала самое невинное выражение лица, на которое была способна, чем просто покорила собравшихся вокруг.

— Дорогая Кристина, — с теплой улыбкой ответил Роберт, — я ни в коем случае не имел в виду, что тебе нельзя будет общаться с домом. Ты сможешь разговаривать с мамой и папой столько, сколько тебе захочется и без каких либо ограничений. Запрет касается только взрослых и только касательно разглашения моментов связанных с ходом лечения.

— Правда!?! — Взвизгнула Кристина, — тогда я полностью готова на ваше лечение дорогой Вы наш!!!

Все вокруг рассмеялись. Кристина же осталась очень довольна, произведенным на публику, эффектом.

После того как русская, не в меру смышленная девочка, так удачно разрядила атмосферу, все перешли к личному знакомству. День обещал быть интересным и насыщенным.

Глава 7

«Частная клиника Хоуп» — гласила надпись на стенде перед большими чугунными воротами. Алексей подошел к стойке входных ворот и нажал кнопку вызова. Приятный

женский голос ответил на третьем гудке. Журналист представился и входная калитка открылась. Алексей прошел на территорию и направился к главному подъезду здания. Ему навстречу уже спешил высокий мужчина средних лет. Подойдя ближе, Алексей узнал в нем старшего из Бойлей.

— Рад приветствовать Вас, мистер Соловьев! — горячо пожимая руку русскому репортеру, произнес именитый хирург.

— И я рад, — несколько смущенно ответил Алексей, удивленный тем, что хозяин клиники лично встречает малоизвестного репортера, — прошу прощения, я, должно быть, опоздал на пресс-конференцию, не вижу ни журналистов, ни камер.

— Нет-нет, вы как раз вовремя. Все готово к началу, и ждали мы только вас. Других не будет.

Немой вопрос в глазах русского журналиста заставил Эдварда Бойля поспешно объясниться:

— Видите ли, мистер Соловьев, мы бы не хотели большой шумихи в прессе. Широкая огласка может лишь навредить проекту. Для того, чтобы опубликовать данные и описать сам процесс вполне хватит вас одного. Ваши статьи в журнале «euromedicine» будут опубликованы и на сайте Всемирной Организации Здравоохранения, а остальные интересующиеся издания вполне себе могут публиковать собственные статьи, ссылаясь на ваше доброе имя и на ваш журнал.

Алексею показалось несколько странным это обстоятельство. Выходит, он один должен будет освещать столь значимое событие. Раньше такого не было. — Вероятно, создатели методики не совсем уверены в своих силах, — подумал журналист.

Эдвард пригласил Алексея пройти в гостевой домик, где уже собрались все участники проекта. Они прошли вокруг особняка, в котором, как понял Алексей, и находилась клиника. На заднем дворе поместья красовалось двухэтажное здание в том же готическом стиле, что и главный корпус комплекса. Тяжелая входная дверь на удивление легко поддалась, и мужчины прошли внутрь. Красивая деревянная лестница, закручиваясь в спираль, уходила на второй этаж. Поднявшись по ней, Алексей оказался в просторном зале, где уже находилось восемь человек. Помещение было обставлено уютной мягкой мебелью — два небольших дивана и три кресла. Тихо звучала классическая музыка. Гости разбились на три маленькие группы и непринужденно беседовали. Двое официантов разносили напитки и угощения. В углу комнаты красовался небольшой столик с огромной корзиной фруктов. Не привыкший к подобным светским раутам, Соловьев растерянно застрял у входа. Тонко прочувствовав этот неловкий для гостя из России момент, хозяин клиники по-дружески приобнял Соловьева за плечи и провел в центр зала, как старого доброго друга.

Эдвард Бойль представил собравшимся молодого репортера и, после знакомства, в центр комнаты вышел Роберт с официальной речью, предназначенной для прессы. Автор методики кратко изложил ее суть, опустив при этом медицинские тонкости. Затем Алексею предоставили возможность побеседовать об особенностях методики с хирургами. После недолгой беседы журналист перешел к знакомству с участниками эксперимента. Первым по списку был канадец Дэвид Понс. Алексей беседовал с ним около двадцати минут, записывая в блокнот все ответы интервьюера. Следующим подошел к журналисту Алекс Керолл. Оказалось, что оба страдали схожими недугами — не могли воспринимать запахи. Интервью со швейцарцем вышло короче, чем с канадцем и Алексей уложился в пятнадцать минут. Затем журналист сделал небольшой перерыв, чтобы подытожить собранный материал. Он

отошел к небольшому круглому столику в углу зала, на котором располагался небольшой чайный сервиз, открыл блокнот и принялся делать пометки.

— Не желаете ли чаю мистер Соловьев? — Прозвучал тонкий детский голос. Алексей обернулся, услышав русскую речь. Перед ним стояла хрупкая девочка, с подносом в руках. Не дождавшись ответа, Кристина поставила поднос с чашками на столик и принялась готовить чай. Ее действия были точны, каждый жест отличался лаконичностью и простотой. Алексей узнал в девочке Кристину Громову, третьего участника эксперимента. Но, предварительные материалы, предоставленные ему Робертом Бойлем, гласили, что девочка из России от рождения слепа. Наблюдая за ее действиями, Алексей поймал себя на мысли, что начинает сомневаться в чистоте эксперимента. Больно уж ловко абсолютно слепая девочка управлялась с приготовлением чая. Она расставила чашки, разлила заварку и, подняв взгляд в сторону Алексея, деловым тоном поинтересовалась.

— Сколько кубиков сахара? — Алексей уловил правила игры и, взяв себя в руки, спокойно ответил:

— Два кусочка, будьте добры.

Завершив чайную церемонию, юная особа повернулась к журналисту, протянула перед собой руку и с довольной улыбкой произнесла.

— Кристина Громова.

— Алексей Соловьев, — пожимая маленькую ручку, произнес репортер. Только сейчас он заметил, что ее небесно-голубые глаза смотрят не на него, а куда-то сквозь и, при этом, не фиксируются в одной точке.

— Мистер, Соловьев, а вы и у меня будете интервью брать?

— А как же? Вы одна из самых интересных фигур эксперимента, мисс Громова. — Журналисту начинала нравиться манера общения Кристины, чувствовалось, что развита девочка не по годам. Он улыбнулся и добавил, — мы можем перейти на «ты» и называть друг друга по имени, если юная мисс не против.

— Отлично, — с наигранным облегчением произнесла Кристина, — юная мисс не против, все эти светские штучки для меня так утомительны.

— Я думаю, мы поладим, — пододвигая к себе, приготовленный Кристиной чай, произнес Алексей, — как ни как соотечественники. Ну что, тогда приступим к интервью, раз уж знакомство состоялось?

— Приступим! — С явной готовностью ответила девочка.

Они беседовали не менее часа. Алексей был покорен эрудицией собеседницы. Девочка охотно отвечала на вопросы репортера, щедро приправляя ответы подробностями своей жизни, а журналист наскоро фиксировал беседу в своем блокноте. Оба были так увлечены беседой, что не заметили, как гости потихоньку начали расходиться. Когда Алексей отвлекся от беседы, чтобы подлить себе и новой знакомой чай, в комнате находились только трое. Наталья Ивановна беседовала у окна с Робертом Бойлем, а на диване сидела Марта и что-то записывала в небольшом блокноте. Соловьеву стало несколько неловко. Увлечшись беседой с Кристиной, он совершенно забыл про остальных членов эксперимента и, по сути, завалил первый рабочий день, собрав так мало информации, что её не хватило бы даже на маленькое объявление в бесплатной провинциальной газетенке. Кристина почувствовала, что ее собеседник уже не так внимательно слушает ее рассказ и сделала вывод, что пора бы завершить общение на сегодня.

— Уже поздно, тетя Наташа будет не довольна, что я еще не в постели. — Достаточно

искренне сказала Кристина.

— Да, я понимаю, — несколько рассеянно произнес Алексей, — прошу прощения, и доброй ночи, Кристина.

С этими словами Соловьев оставил Кристину и подошел к Марте Бойль. Наталья Ивановна попрощалась с Робертом и отправилась с Кристиной в свою палату.

— Похоже, девочка вас покорила. — С улыбкой произнес Бойль-младший, присоединяясь к Алексею и Марте.

— Признаюсь, девочка не по годам эрудированна, а если учесть, что она от рождения слепа, то вообще не понятно, как она выполняет такие сложные бытовые манипуляции.

— И складывается ощущение, что эта кроха видит куда больше чем любой из нас. — Подхватил Роберт. — Единственное, что меня пугает, — продолжил ученый, — это то, что девочка слишком привыкла полагаться на остальные чувства больше чем на зрение. После операции этот фактор может навредить восстановлению зрения.

— Вы хотите сказать, что получив возможность видеть, девочка не станет пользоваться ею в полной мере?

— Именно, представьте себе, что вы плотник. Вы всю жизнь обрабатывали дерево одним инструментом, доставшимся вам от отца. И вот вам дают новый инструмент. Дорогой, удобный — хорошей выделки. Из новых сплавов, не требующих ухода. Какова вероятность того что вы позабудете свой старый, удобный для вас инструмент и рискнете заново учиться ремеслу?

Журналист задумался на минуту и задал встречный вопрос.

— А что мне мешает обрабатывать дерево и новым и старым инструментами одновременно? Просто сочетать их в своей работе. Какой окажется удобнее таким и пользоваться. Резьбой заниматься, скажем, старым инструментом, а для выточки на станке — новым.

Роберт пожал плечами и автоматически посмотрел на часы. Алексей понял, что вечер затянулся и решил ретироваться.

— Спасибо за прием, вечер был чудесным! — Искренне поблагодарил он хозяина дома.

— Рад, что вам удалось побеседовать со всеми участниками эксперимента мистер Соловьев, у меня есть небольшая просьба к вам. — Роберт, жестом пригласил пройти к выходу и продолжил на лестнице. — Мне бы хотелось первым знакомиться с вашими статьями. Прежде чем они попадут редактору на стол.

— Не вижу никаких проблем в этом, — ответил Алексей, — но позвольте полюбопытствовать, с чем связано ваша просьба?

— Видите ли, — начал Роберт, — наша методика уникальна и, сами понимаете, в наш век информации и инновационных технологий, любая утечка чревата колоссальными убытками в будущем. Мне бы не хотелось, чтобы вы вольно или невольно стали причиной разглашения каких-либо тайн, связанных с тонкостями проведения операции.

— Понимаю, — кивнул журналист, — вам не о чем беспокоиться мистер Бойль, я всего лишь журналист и более того, что вы сами мне расскажете, я написать просто не смогу, поскольку в деле эскулапов полный ноль. Каждую свою статью перед отправкой в редакцию я буду согласовывать с вами.

Молодой ученый остался доволен ответом и проводил журналиста до такси. Алексей добрался до отеля в начале первого ночи. Портье выдал ему ключ от нового замка. И только оказавшись в номере, Соловьев осознал, насколько сильно устал за этот день. Не раздеваясь,

он рухнул на кровать. События дня вихрем закружились в гудящей голове журналиста, незаметно увлекая его в царство сна.

Глава 8

Утро выдалось пасмурным. Мелкий дождь, казалось, был единственным обитателем города в столь ранний час. Алексей проснулся от того что замерз. Он обнаружил себя одетым на не разобранный постели. Видимо, так сильно устал вчера, что лег спать не раздевшись. Ноги и руки ломило, голова гудела, как после бурной пирушки. Первая ночь в Швейцарии не удалась, подумал Алексей и с трудом поднялся с кровати. Горячий душ частично восстановил физические силы репортера. А протяжный рингтон заставил мобилизоваться и умственно.

— Доброе утро Евгений Александрович, — хриплым голосом ответил Алексей.

— Соловьев! Ты уже сутки там торчишь и ни слуха от тебя, ни духа! Я тебе машину заказывал в аэропорт! Из службы такси поступил счет за ложный вызов! Где тебя черти душат?

— Да доехал я до Берна, все в норме, и в гостинице обосновался уже. Вчера на приеме у Бойлей был и даже собрал материала на первую статью, — солгал Алексей, — сегодня напишу, а завтра вышлю вам на почту.

— Смотри у меня, писатель! Жду статью! Сегодня!

Короткие гудки возвестили о завершении разговора. Порохов никогда не церемонился, всегда строго и по делу.

Новость про такси Алексей пропустил сквозь уши. Он накинул халат на все еще мокрое тело, снял трубку внутреннего телефона и заказал завтрак в номер. Разбитое тело Алексей бросил в удобное кресло и взял со столика свой ноутбук. Курсор мигал ровно и спокойно, но на белый фон никак не хотели ложиться строки текста. Журналист просидел перед монитором еще десять минут. В голову не пришло ни одной полезной мысли. Соловьев захлопнул старенький агрегат, кулер перестал шуршать, и тишина окутала номер. Сквозь нее пробивался лишь тихий, ровный шум дождя, который постепенно заполнял сознание Алексея. За ровным и спокойным шумом пришли мысли о Кристине. Вчерашний разговор с молодым ученым заставил Алексея задуматься о моральной стороне вопроса. Даже если эксперимент удастся в полной мере, в чем у Алексея были некоторые сомнения, то Кристине придется столкнуться с огромным объемом информации, доселе ей невиданной. Ребенку придется заново учиться всему тому, что она умеет сейчас. Элементарные навыки приготовления чая для нее превратятся в сложнейшие манипуляции. Потому что теперь ей придется выполнять их, руководствуясь только одним чувством, а не тремя как раньше. Получив основное чувство — зрение, она перестанет уделять внимание всем остальным. Мысли уносили журналиста все дальше.

Стук в дверь вернул Алексея в реальность. За дверью стоял официант. В одной руке он держал поднос в другой белую скатерть. Все как в фильме, подумал Алексей и пустил официанта в номер. Молодой человек прошел вглубь и поставил поднос с круглым блюдом на столик, повернулся к Алексею и стал ждать чаевых. Слишком уж как в фильмах, вновь подумал журналист и автоматически потянулся за бумажником во внутренний карман пиджака, но сообразив, что с утра ходит в банном халате окинул взглядом комнату. Черт, где же пиджак? Обнаружив его на спинке кресла напротив камина, Алексей отвернулся от официанта, чтобы выбрать купюру нужного достоинства, но когда вновь повернулся к официанту, окаменел. На него смотрело дуло пистолета. Примечательно, что выражение

лица прислуги, или кем он там являлся, не изменилось. Оно по-прежнему излучало теплую, доброжелательную улыбку, разве что в глазах появился странный блеск. Алексею раньше не доводилось оказываться в подобных ситуациях, но к его собственному изумлению вместо того, чтобы впасть в панику, он резким движением бросил в лицо официанту пиджак и одновременно с этим жестом резко дернулся в сторону открытой ванной комнаты. Раздался металлический щелчок, затем, почти сразу, второй. Плечо журналиста ужалило что-то горячее, но это было не важно, на какую-то секунду Алексей отсрочил гибель, забежав в ванную. Дальше инстинкт самосохранения подсказал Алексею, что человек с оружием не станет долго дожидаться и пойдет за ним. В ту же секунду журналист схватил с полки перед зеркалом дезодорант и, не медля ни секунды, направил его на входной проем, в котором уже появилось дуло пистолета. Алексей, скорее от испуга, нежели умышленно, нажал на крышку. Шипящий звук наполнил его сознание, но к этому звуку почти сразу присоединился другой, более громкий. В голове Алексея раздался глухой рык — видимо в глаза убийцы попала едкая жидкость. Алексей услышал серию щелчков и, инстинктивно пригнувшись, ломанулся в дверной проем, сбил с ног корчившегося от боли наемника, посылающего вслепую выстрелы, и выбежал в коридор отеля. Дальше мозг беглеца отключился окончательно и дал волю инстинктам, которые кричали в данный момент только одно — бежать! Алексей в развивающемся халате со всех ног пустился в конец коридора и правильно сделал. В ту же секунду как он завернул за угол, за спиной раздалась крепкие шлепки впивающихся в стену пуль. Двумя огромными прыжками Алексей преодолел лестничный пролет, затем еще один и, к собственному удивлению, на втором этаже свернул в коридор, вместо того чтобы бежать вниз и звать на помощь портье или любого, кто окажется в вестибюле. Второй этаж оказался идентичным третьему, и беглец что есть мочи побежал в конец коридора. Но что делать дальше он не знал и, уже подбегая к окну, которым заканчивался коридор, понял весь замысел, который его мозг состряпал без его ведома. Еще вчера на прогулке, Алексей обратил внимание, что здания в Берне прилегают близко друг к другу и что между ними обычно прячутся большие баки с мусором.

Когда стоит вопрос выживания инстинкт самосохранения берет верх над всеми другими. Открывать окно в коридоре, не было времени. Алексей, не колеблясь, прыгнул вперед, выставив колено и прикрыв лицо руками. Еще в полете Соловьев понял, что колено и голень он изрезал битым стеклом, но спасение того стоило. За спиной тут же послышались шлепки пуль, но они уже не могли достать беглеца, поскольку он летел аккуратно в мусорный бак, гостеприимно открытый любому желающему. Падение не было мягким, бак был набит бытовым мусором, а это не всегда коробки и листья, как показывают в кино. Алексей сильно ушиб голень, но обращать внимания на эту ерунду, не было времени. Кое-как выбравшись из мусора, журналист со всех ног припустил в сторону улицы, которая располагалась параллельно той, где находился вход в его отель, что вновь показалось странным его рациональному мозгу. Но Алексей за последние две минуты жизни научился доверять своему шестому чувству и не стал сопротивляться спонтанным решениям, что в итоге и спасло ему жизнь. Покинув спасительный переулок, он понесся прочь от отеля вверх по улице. Пересек её и вновь свернул в переулок. Таким образом, чередуя переулки и улицы, он преодолел квартал наискосок, затем второй, и, наконец, выбежал на какой-то широкий проспект. Он так же оказался пуст: ни людей, ни машин не было видно. Задышавшись, Алексей пошел вверх по широкой улице, бежать уже не было сил, икры начало сводить судорогами, толи от холода, толи от бешеной погони за жизнью. И как только в голове начался анализ

того, что произошло за последние минуты, за спиной Алексея послышался визг тормозов. Он обернулся и увидел черный седан, на полном газу направляющийся в его сторону. Рассчитывать на простое совпадения не приходилось, и Алексей понял, что, скорее всего, это по его душу. Сердце, и без того работавшее в диком ритме, в очередной раз наполнилось адреналином и ноги сами понесли журналиста к перекрестку. Надежды на спасение было мало, но все же это было лучше, чем безропотно ждать своей смерти. Звук ревущего двигателя настигал беглеца. Алексей боялся обернуться и, что есть силы, бежал к перекрестку в надежде встретить хоть какую-нибудь машину или, в лучшем для него варианте, полисмена. Но у судьбы на этот счет были свои планы. Как только Соловьев выскочил из-за угла на него, с диким визгом, наехало желтое такси. Реакция не подвела молодого человека, и он успел немного подпрыгнуть перед самым столкновением и приземлиться на капот машины, но поскольку такси не успело затормозить окончательно, Алексея перебросило через крышу, и он упал прямо на израненное колено. Боль немедленно затмила глаза репортера и следующие несколько минут показались ему совсем бредовыми. Таксист быстро выбежал из своей машины открыл заднюю дверь и, буквально, впихнул в машину журналиста. Затем до сознания Соловьева донеслись громкие хлопки выстрелов. Гораздо громче, чем в отеле — должно быть официант использовал пистолет с глушителем, подумал Алексей, прежде чем сообразить, что к чему. Но в следующее мгновение его уже вертело и кидало из стороны в сторону на заднем сиденье такси. Измученный погоней и полностью дезориентированный, Алексей попытался приподняться и сесть, но сил хватило только на то, чтобы увидеть в заднее стекло, как удаляется разбитый черный седан, который преследовал его еще минуту назад. Без сил журналист упал на мягкое сиденье и последнее, что он успел увидеть перед тем, как потерять сознание, было лицо того самого таксиста который вез его из аэропорта.

Молодая брюнетка в строгом брючном костюме слушала по телефону доклад о неудачной вербовке журналиста из Москвы. План был проще некуда. Вместо того, чтобы шпионить за Соловьевым, было решено похитить его прямо из отеля, для чего был направлен один из агентов. Далее должна была последовать банальная вербовка, после которой мистер Соловьев сам на блюдечке приносил бы всю информацию касательно опыта. Но доклад оказался не утешительным. Исполнитель докладывал, что прослушка телефонной линии отеля в 5.45 утра сообщила о поступлении заказа из номера, где проживал объект. Было решено использовать эту ситуацию. Один агент остался в машине у входа в отель, двое других внизу в холле, а четвертый под видом официанта направился в номер. Но как только появилась возможность усыпить объект дротиками с транквилизатором, последний оказал решительное сопротивление. Сначала отвлек внимание, швырнув в лицо агенту пиджак. Затем ослепил его струей из баллончика в ванной. И, как результат, нелогичное поведение преследуемого помешало схватить его. Вместо того чтобы побежать вниз он выбежал на второй этаж. Агент этого не ожидал, а потому пробежал вниз до первого этажа, где и встретил своих коллег. Вернувшись, он сообразил, что беглец свернул на втором этаже, но было уже поздно. Последнее, что видел агент в длинном коридоре отеля это то, как Соловьев со всего маху вышиб окно и рухнул вниз. Агент поспешил выстрелить, но промахнулся вновь. Далее оперативники вернулись в машину и методично начали прочесывать улицу за улицей. Вскоре они обнаружили беглеца и, уже было, достали его, как вдруг их добычу перехватил боевик «кротов». Расстреляв их машину, он увез объект в неизвестном направлении.

Женщина молча выслушала доклад и положила трубку. Не каждый день «организации» переходят дорогу ««кроты»». Нужно будет попросить из центра нормальную группу. Молодые желторотики, только прошедшие теоретическую подготовку, явно не справлялись с оперативной работой. Руководителя Бернского отдела «организации» просто выводила из себя сложившаяся ситуация. Хорошо обученных боевиков облапошил какой-то студент-литератор, причем дважды. К тому же, по-видимому, его уже успели завербовать ««кроты»». Ситуация явно выходила из-под контроля, а у женщины в строгом брючном костюме не было нормальной боевой группы для того, чтобы исправить положение.

— Какая-то ссылка, твою мать, — прорычала она и вызвала всю группу на разбор полетов. Придется самой учить молокососов уму-разуму.

Глава 9

Желтое такси долго колесило по улицам Берна, запутывая следы. Только после того как водитель убедился, что погони нет, а слежку организовать никто не успел, машина выехала на загородную автостраду и помчалась прочь от Берна с предельно допустимой скоростью. Через четверть часа желтое такси свернуло на проселочную дорогу. Извилистая грунтовка привела машину в загородное поместье, окруженное высоким забором. Ворота открылись автоматически и машина, не сбавляя скорости, въехала на охраняемую территорию. Через пару минут она остановилась перед невзрачным серым зданием, насчитывавшим всего три этажа. Возле подъезда такси уже ожидало трое мужчин в строгих черных костюмах. Двое помогли таксисту вытащить Алексея из машины, а третий забрал у него флеш-карту, на которую таксист вот уже три дня записывал все передвижения Алексея. Репортера волокли в здание и заперли в маленькой комнате, оставив на кровати. Через десять минут, в комнату вошел человек в белом халате. Врач посветил фонариком Алексею в глаза и взял у него кровь из пальца. Затем доктор раздел Алексея, вернее просто стянул с него банный халат и обработал рану на плече. Туго перевязал лодыжку, уже изрядно посиневшую. Обработал антисептиком ушибленное колено и наложил два шва на рану. Перед уходом врач сделал Алексею укол в плечо.

В комнате вновь стало тихо и спокойно. Алексей лежал на маленькой кровати лицом вниз и ему снился странный сон про погребальный костер. А спустя какое-то время Алексей провалился в более глубокие слои сна. Его окутала черная пелена, без звуков и света. Ни костра, ни монеток на глазах, ни звука трескающихся поленьев, ничего не окружало журналиста. Только пустота. Только он и крошечная тьма. В таком состоянии журналист провел следующие двенадцать часов.

Глаза открылись с большим трудом и не сразу. Сначала голову Алексея заполнили звуки из окружающего мира, затем пришло осознание этих звуков и только потом наступило пробуждение. Алексей слышал, как за дверью ходили люди. Как кто-то громко отдавал короткие приказы. Что-то таскали, открывались и закрывались соседние двери. Слышно было, как за окном останавливались машины, затем уезжали, а на их место подъезжали другие. Алексей совершенно не желал вставать. Он понимал, что, как только пошевелится, боль в руке и колене ударит ему в голову и станет дурно, будет тошнить и закружится голова. С ним подобное уже случалось — память об автокатастрофе была еще свежа в сознании Алексея. Но, все же, любопытство заставило журналиста подняться. На удивление боль не стала помехой этому. Она никуда не исчезла, Алексей чувствовал ее и в руке и в ноге, но эта боль, была где-то далеко. Как будто он смотрел на нее со стороны. По сухости во рту и тому, как сильно кружилась голова, журналист понял, что находится под действием какого-то

лекарства, или наркотика. Комната плыла перед глазами и никак не желала оставаться на месте. Алексей с трудом приподнялся над кроватью. Затем сел. Окинул взглядом всю комнату и увидел у изголовья кровати стул, на котором лежала обычная больничная пижама синего цвета. Другой одежды в комнате Алексей не обнаружил, и ему пришлось облачиться именно в нее. Хромая журналист направился к двери и осторожно открыл ее. В коридоре ходили люди, носили коробки и чемоданы. Молодой человек вышел из своего «номера», спустился на два этажа вниз по лестнице и направился вдоль по коридору. Люди вокруг не обращали на него никакого внимания. Атмосфера спешки царила во всем здании. Когда Алексей достиг холла, к своему изумлению, помимо грузчиков, вносящих в здание бесчисленное количество коробок, он обнаружил Эдварда Бойля, который увлеченно руководил этим процессом.

— Патрик это шприцы! Аккуратнее! На первый этаж их, в перевязочную. Куда??? Куда ты это прешь? В кухню! Всю посуду в кухню!!!

Меньше всего на свете Алексей ожидал увидеть тут старшего из Бойлей. Да и, собственно где это тут? С минуту Алексей стоял, как вкопанный, наблюдая, как именитый врач руководит целой армией рабочих. Затем оцепенение прошло. Журналист мотнул головой из стороны в сторону, словно пытаясь раскидать по местам все путающиеся в голове мысли, и сделал несколько шагов к профессору. Бойль очередной раз давал ценные указания грузчику с тяжелой коробкой:

— Эту коробку очень осторожно отнесите в мой кабинет! Там важная информация! Повторяю, очень, очень осторожно, — с этими словами доктор указал в сторону коридора, откуда пришел Алексей и, увидев его, радостно взмахнул руками:

— Мистер Соловьев! Как хорошо, что вы, наконец, пришли в себя! Как ваше самочувствие? — Как ни в чём не бывало, спросил врач.

— Бывало и получше... — Алексей не мог сформулировать вопросы, которые, как дикие пчелы, роились у него в голове. На его лице застыла гримаса недоумения и растерянности. Доктор Бойль облегчил мучения журналиста и начал разговор первым.

— Знаю, знаю, вас несколько удивляет сложившаяся ситуация и вам хотелось бы понять, что, собственно, происходит в данный момент. Но всему свое время, не хочу сваливать на вашу, как я посмотрю, еще не совсем здоровую голову груз всей информации, которую вы, несомненно, должны узнать. Не желаете ли на свежий воздух? — С этими словами, жестом, не терпящим отговорок, Бойль-старший пригласил Алексея во двор. Попутно профессор отдал пару приказов относительно разгрузки машины, стоявшей тут же возле подъезда, и вышел вслед за молодым репортером.

Они шли по тенистой аллее, скользящей вокруг серого здания. Вдоль тропинки, через каждые десять метров, ютились лавочки с массивными урнами. Журналист и именитый доктор расположились на одной из них, и, выдержав небольшую паузу, Эдвард Бойль заговорил:

— Что вы знаете о «кротах»? — Спросил он.

— Кроме того, что это слепые млекопитающие, живущие под землей, ничего. — Ответил Алексей и тут же добавил — Но мне кажется, вы не о животных спросили, ведь так?

— Верно, — Эдвард улыбнулся, — «кроты» — это малоизвестная организация, имеющая определенный вес в криминальных кругах Европы и преследующая определенные цели.

— Своего рода мафия? — Удивился Соловьев.

— В каком-то роде да, но я не стал бы называть «кротов» этим словом. Эта организация куда серьезнее, нежели любая мафиозная структура, о которой вам приходилось слышать. Это древняя организация, которая может похвастать успешным соперничеством с самим Ватиканом.

— В чем их сила?

— В скрытности, — эта организация законспирирована так, что не каждый член этой организации в курсе, что он состоит в ней. Они умудряются вербовать политиков и банкиров. Крупных бизнесменов и звезд шоу-бизнеса. И их влияние на мировое сообщество весьма ощутимо. Достаточно у них и легальных доходов. Под их контролем несколько крупнейших концернов Европы и их сеть продолжает расти. Их амбициям нет предела, и им плевать на государственные устои стран старого света.

— Это все здорово, но в чем проблема то? Наверняка такая крупная организация находится под колпаком у европейских спецслужб. Интерпол для того и существует, чтобы противостоять такого рода организациям. Я уже молчу про Российское ФСБ и Британское Ми-6.

— Так оно и было, молодой человек. Но в последние десятилетия «кроты» накопили такой капитал, что подмяли под себя большинство стран Евросоюза. Кризис восьмого года показал всю хрупкость банковской системы единой Европы. Капитала не было ни у кого. Богатые страны еще держались на плаву, а для стран с бюджетом поменьше настали черные дни. Именно в этот момент «кроты» заявили о себе. Они выступили в качестве доноров средств, не безвозмездно конечно. Кризис был преодолен с горем пополам, но добрая половина Европы осталась должна «кротам». Расплачиваться было нечем, и многие страны стали уступать «кротам» доходные государственные предприятия. И в конечном итоге из подпольных повелителей Европы «кроты» превратились в легальных.

— А что если этим государствам просто не платить им? Зачем было все отдавать? Ну, в самом деле, не войной же «кроты» им пригрозили. Алексей настолько был увлечен беседой, что позабыл обо всех своих болезненных ощущениях. Глаза горели живым огнем, наклеывался сенсационный материал.

— Войной, конечно, никто ни на кого не пойдет, затратное это дело, да и ресурсов таких у «кротов» нет. А вот пригрозить "цветной" революцией, они вполне могли. Да и организовать эти самые революции «кротам» раз плюнуть. А любая власть, больше всего боится потери этой самой власти. Подумали должники Европы и решили пока уступить наглецам, дескать, после кризиса, разберутся. Но в итоге никто не смог найти достойной альтернативы теневому господству «кротов».

— Ваша мысль мне ясна, хоть она и звучит нелепо, — оживился Соловьев, — но какова ваша роль во всей этой истории?

— Я был одним из членов этой организации. — Вполне серьезным тоном продолжил Эдвард Бойль. Когда то давно мне понадобилась крупная сумма денег для открытия собственной клиники, и мой компаньон нашел выход на, тогда еще не таких влиятельных, «кротов». Денег они нам дали и даже прикрыли от возможных посягательств со стороны других криминальных структур. А мы за это предоставляли их членам достойное лечение и выплачивали по мере роста кредит. Не так давно мы полностью расплатились по счету и обрели относительную независимость. Относительную — потому-что, по старой памяти, мы все еще принимаем клиентов от давних знакомых, и если честно, побаиваемся отказать им.

Но перейдем к сути вопроса. Когда, мой сын занялся исследованиями и пришел к тем

результатам, которые дали импульс к разработке революционной методики лечения, ко мне в гости пришел один из руководителей регионарной ячейки «кротов». Им стало известно о работе молодого ученого, и они в мягкой форме попросили свернуть все исследования. Сначала я не понял суть всех претензий. Молодой ученый, ведет работу по исследованию мозга. Находится на пороге открытия, которое перевернет весь мир медицины с ног на голову. И тут меня осенило. С открытием Роберта закроется целое направление в фармацевтике. А «кроты», как вам теперь известно, владельцы доброй половины всех фармацевтических концернов в Европе. Убытки будут колоссальными.

— И что же теперь делать? — Воскликнул Соловьев. — Это же возможное спасение для миллионов больных людей!!!

— А ничего. Мой сын не из робкого десятка и отказываться от исследований не собирается. После того как «кроты» лишили его государственного финансирования мы решили обходиться собственными силами и средствами. Все было подстроено так, будто из-за временных неудач команды Бойля, меценаты и спонсоры сами отказались от финансирования. На самом же деле, они просто были подкуплены и запуганы. Роберт перебрался ко мне и уже тут, в Берне, продолжил исследования. Мы старались держать в тени его работу до поры до времени, чтобы «кротам» не стало о ней известно. А в случае успеха, мы раструбим о новой методике по всему свету, и когда уже все будут знать о ней, «кротам» нечего будет предпринять. Не убьют же они всех на свете врачей, которые заинтересуются этими исследованиями.

— А что это за место?

— Вчера мы получили письмо с угрозами и ультиматумом от наших старых друзей. И после того, как узнали о покушении на вас, решили действовать. Уже полтора месяца мы находимся под колпаком у интерпола. Они согласились нам помочь в обмен на кое-что, для нас не существенное. И вашу жизнь спас именно агент интерпола.

Это их загородная база. Тут надежная охрана и на время проведения эксперимента и операции, мы не будем нуждаться ни в чем.

— Операции? Их же должно быть три, не так ли?

— Так, но в силу событий последних двух дней, наши пациенты отказались от участия. Все, кроме Кристины Громовой.

Глава 10

Крестину разбудили рано, взяли кровь, и девочка, все еще сонная, вновь уснула. В эту ночь ей не снилось ничего внятного. Только небольшие обрывки событий происходивших накануне. Сны для слепой девочки были чем-то вроде цветных картинок со звуком. Никаких образов, никаких форм, только разнообразные цвета и звуки. Все, что она могла слышать и почувствовать в своей жизни, во сне обретало цвет. Девочке очень нравились эти сны, и ей было досадно просыпаться, поскольку она ни с кем не могла поделиться своими чувствами. Она не могла видеть цвета и потому не могла описать, что и какого цвета ей приснилось.

Прошлой ночью девочка проснулась от того, что ее кто-то взял на руки и быстро нес по коридорам особняка. Оказалось, сам доктор Бойль, тот который встречал их в аэропорту, сделал это. Она ничего не могла сообразить и начала волноваться, но, услышав позади голос тети Наташи, успокоилась. Девочку усадили в машину, рядом села ее учительница и их долго везли по улицамерна. Потом в приспущенное окно автомобиля пахло свежестью и прохладой. Девочка сделала вывод, что их вывезли за город. Вопросов она не задавала, поскольку чувствовала напряжение вокруг. Сердце Натальи Ивановны, прижимающей

девочку к себе, билось быстро и неровно, то замирая на секунду, то вновь ускоряясь до галопа. Через какое-то время машина остановилась. Кристина услышала металлический лязг, должно быть какие-то ворота. Затем машина еще некоторое время ехала, но не очень быстро. Наконец, автомобиль остановился, и его двигатель выключился. Дверь открыли и вывели пассажиров в ночную прохладу. Девочку вновь взял на руки молодой доктор и отнес в здание. Кристине не было страшно, было жутко любопытно, почему их перевезли в другое место? Почему ночью? От чего так волновалась тетя Наташа? Много вопросов, ответы на которые точно никто не даст до утра. И потому Кристина молча приняла все перемены и уже через десять минут крепко спала в новой, достаточно уютной кровати.

Утренний сон самый сладкий. Девочке никак не хотелось выбираться из кровати. Тетя Наташа уже несколько раз звала ее из соседней комнаты, но Кристина только невнятно бурчала себе под нос:

— Ещё пять минуточек... Ещё две минутки... Сейчас, сейчас, уже встаю... И каждый раз ей жуть, как не хотелось вставать. В очередной раз, высунув нос из-под одеяла, девочка почувствовала чудесный запах печеного.

— Кристина, завтрак принесли, — донеслось из соседней комнаты, — вставай, а то остынет.

Урчание в животе перебороло сонную лень, и Кристина свесила ноги с кровати. Тапочки оказались на месте, девочка медленно встала.

— Теть Наташ! — Позвала она.

Учительница подошла к девочке и, взяв за руку свою подопечную, обошла с ней палату, в которой их поселили. На этот раз это был небольшой номер с двумя комнатками разделенными шторками. Обе комнаты имели кровать, тумбочку и маленький шкаф. Санузел был в комнате тети Наташи, куда она в первую очередь и отвела Кристину. Ознакомившись с расположением мебели в номере, девочка с женщиной приступили к завтраку. Кристине пришлось по душе свежее испеченные булочки с молоком. Насытившись, Кристина поинтересовалась у тети, с какой целью их перевезли в другое место, но Наталья Ивановна не нашлась, что ответить девочке, поскольку её саму не поставили в известность. Этой ночью, в номер постучался Эдвард Бойль и предупредил, что здание эвакуируют и нужно быстро собрать все вещи. Женщина без вопросов подчинилась, и уже через десять минут их куда-то везли по ночному Берну. Все произошло очень быстро, четко и организованно, как будто всем этим руководили военные. Как только с завтраком было покончено, в номер постучали. Женщина открыла дверь и увидела на пороге Алексея Соловьева. Вид у журналиста был неважным. Он был облачен в больничную пижаму. На лице красовались царапины и отеки, рука и нога были перебинтованы, но на вопрос, что произошло, репортер беззаботно отмахнулся, мол, упал с лестницы, оступившись. Алексей, пригласил дам на прогулку по парку и сообщил, что будет ждать в вестибюле.

Услышав знакомый голос, Кристина заулыбалась и принялась собираться на прогулку. Уже через десять минут они втроем шли по той же тенистой аллее, где совсем недавно Алексею поведали самую странную и запутанную историю которую он когда-либо слышал.

Они дошли до небольшого искусственного пруда и разместились в беседке неподалеку.

— Чудесный день, — констатировал Алексей, и его спутницы охотно согласились. Несмотря на спешку и таинственность, им нравилось это место. Кристина наслаждалась теплым ветерком и свежим воздухом, а тетя Наташа рассказывала ей по дороге обо всем, что видела.

— А почему нас увезли из клиники? — Спросила Кристина.

— Утром я разговаривал с Эдвардом Бойлем, — начал Алексей, — он считает, что тебе будет тут лучше. Это загородный филиал клиники "Хоуп". Тут свежо и спокойно. Нет посторонних глаз и..., — журналист запнулся, что Кристина тут же для себя отметила, — ... посторонних людей тоже нет. — Закончил фразу Алексей.

— Но почему нас увезли ночью? — Не отставала Кристина.

— О тебе прознали другие репортеры и начали осаду клиники, в поисках интересного репортажа. Поэтому, чтобы они не узнали, куда мы все делись, решили переехать ночью.

Кристина заметила, что Алексей ответил на ее вопрос сразу, выпалил без подготовки, а, значит, заранее приготовил этот ответ, пришла к выводу юная дознавательница, но решила пока повременить со «штурмом».

— Кстати, — перевел тему журналист, — Доктор Бойль сказал, что твои анализы показали хорошие результаты и смысла откладывать операцию больше нет. Мне поручили сообщить вам, что она пройдет послезавтра в восемь утра. Так что готовьтесь.

— Послезавтра? — Не веря своим ушам, протянула Кристина.

Наталья Ивановна, до сих пор хранившая молчание, встала и обратилась к Алексею:

— Вы сообщили нам важную информацию. О ней немедленно должны узнать родители Кристины. Я вас покину ненадолго, Вы побудете с ней?

— Нет проблем, мы чудно проведем время, — бодрым голосом ответил Алексей, — если конечно Кристина не против моего общества. — Добавил он.

— Кристина? — Окликнула девочку Наталья Ивановна.

Кристина очнулась и с готовностью закивала головой. Было видно, что новость подействовала на ребенка, несколько шокирующе. До сих пор девочка не осознавала того что происходит, а воспринимала все, как будто со стороны. Будто все, что происходит вокруг нее, саму Кристину Громову никак не касается и она лишь сторонний наблюдатель. Но теперь все изменилось. Теперь появились чёткие даты и точные границы между Кристиной до и Кристиной после операции. Все о чем мечтала девочка всю сознательную жизнь, могло случиться уже послезавтра. Эти слова Алексея крутились у нее в голове словно ураган, повторяясь вновь и вновь: «Послезавтра в восемь утра... Послезавтра в восемь утра...»

— Как ты? — Голос Алексея вернул девочку к реальности.

— Я — нормально. Да я нормально, все хорошо. Просто... — Кристина не могла подобрать нужных слов, чтобы описать происходящее в душе.

— Понимаю, — тихо сказал Алексей и взял девочку за руку, — давай пройдемся?

Они встали и пошли по тропинке. Тепло руки ее нового друга позволило Кристине поверить, что все что происходит — реально. Кристина сжала ладонь Алексея и доверилась ему. Впервые доверилась, совсем не знакомому ей, человеку. Его горячая ладонь держала ее маленькую, хрупкую ладошку крепко и, в то же время, бережно, как драгоценность. С этим теплом в душу Кристины входил покой. Минуты две они шли молча, и этого времени хватило, чтобы Кристина успокоилась и осознала все, что, в скором будущем, с ней произойдет. С самого начала прогулки она ощущала до боли знакомый запах вокруг, никак не вяжущийся с ароматом сада. Но теперь, немного успокоившись, Кристина вспомнила этот запах. Бинты. Вокруг постоянно пахло медицинскими бинтами. К тому же ее спутник заметно припадал на одну ногу.

— Почему ты хромаешь? — Спросила она.

— Я упал, — солгал Алексей, — упал с лестницы, глупо вышло. — Криво усмехнулся

он. В этот момент в кровь журналиста мгновенно брызнула доза адреналина, сердце быстро отреагировало и забилося в ускоренном ритме. Артерия в ладони Алексея запульсировала, и высоко развитая рецепторная чувствительность девочки уловила изменение пульса лжеца.

— Не хочешь, не говори, а лгать не нужно. Я слепа, но не глупа, и всегда чувствую, когда мне лгут. — Девочка говорила строгим, поучающим голосом. Алексей густо покраснел и ничего не ответил. Ему стало очень стыдно от этой лжи, но другого выбора у него не было. Не рассказывать же маленькой девочке, как он в одном халате удирал по всему Берну от наемных убийц.

— Ты хочешь со мной дружить? — так же строго спросила девочка?

— Конечно, хочу. — Ответил журналист.

— Тогда не лги мне. Никогда не лги, слышишь? Ложь, первый шаг к предательству, а я предателей на дух не переношу, — как можно серьезнее сказала Кристина.

— Откуда ты знаешь о предателях?

— Мне мама рассказывала. И я сама в книжках читала. Все, что я о них узнала это то, что от них одни беды. Во всех книгах все плохое начинается с того, что одни люди предают других и те от этого страдают. А разве в жизни мало вещей, из-за которых человеку плохо? Зачем же тогда добавлять к ним еще и предательство?

Логика ребенка не поддавалась критике, и Алексею больше ничего не оставалось, как согласиться с ней. Тем не менее, он продолжил дискуссию:

— Но, возможно, предательство и ложь нужны, как раз для того, чтобы отличить хороших людей от плохих?

— Все люди хорошие, и все, по-своему, правы, — ответила Кристина, — просто правда у всех своя. Мне так папа говорил. И когда правда одних людей не совпадает с правдой других, между ними возникают конфликты. Но ведь это не означает, что все должны друг другу лгать и предавать друг друга!?

— Ты права, не означает. Просто, ложь это средство борьбы. Одни люди лгут другим, чтобы навредить им, другие, чтобы защитить их.

— Лгать, чтобы защитить? Это мне не понять никогда. — Безапелляционно заявила девочка.

— Поверь, в мире взрослых очень трудно жить без обмана. Каким бы хорошим человек ни был, ему так или иначе приходится врать. Ложью можно убереечь от неприятностей, как себя, так и других людей. Это называется ложь во благо, и ты наверняка сталкивалась с этим в своей жизни.

— О чем это ты? — искренне удивилась Кристина.

— Вот смотри. Наверняка тебе мама или папа в детстве пели песенку «Баю баюшки, баю, не ложися на краю...»

— Да пели, подтвердила девочка и продолжила, — «... придет серенький волчок и укусит за бочок»

— Но при этом ты прекрасно понимала, что никакой волк не придет и никого кусать не будет. Эта простая форма лжи направлена на то, чтобы приучить ребенка спать у стенки, чтобы не дать ему шлепнуться ночью с кровати. Мама не хотела тебя предавать этой маленькой ложью, она хотела тебе добра. И таких примеров уйма. Просто по мере взросления мы прибегаем к более серьезной лжи, для того, чтобы убереечь любимых от более серьезных проблем, нежели падение с кровати.

Кристина задумалась и через минуту обезоружила Алексея вопросом:

— Значит, ты сейчас солгал мне, желая обезопасить меня, потому что я дорога тебе?

Алексей не нашёлся, что ответить Кристине и неловкая пауза, которая повисла над ними, показалась ему вечностью. Но, к счастью для журналиста, в их разговор вмешалась Наталья Ивановна. Немного запыхавшись, она нагнала пару и обратилась к Кристине:

— С мамой твоей я связалась, она в панике. Видела Доктора Бойля-старшего, он все пригласил в гостиную на завтрак.

Все трое отправились обратно и, спустя несколько минут, Кристина уплетала за обе щеки вкусную кашу из неведомой ей крупы. Между тем она обратила внимание на то, что своими вопросами она легко поставила нового друга в сложную ситуацию, из которой ему еще предстоит найти достойный выход. А пока нужно дождаться операции и её результатов. Это самое главное в жизни — правильно расставить приоритеты. И девочка наметила себе приблизительный план действий на будущее:

— пережить операцию

— оценить ее последствия

— добиться от Алексея признательных показаний.

В его падение с лестницы девочка ни капельки не поверила, и выводы о том, что его ложь была во благо, заставляли девочку испытывать чувства доселе неизвестные.

Глава 11

Весь день Алексей посвятил работе. Операцию действительно назначили на послезавтра, но не из-за отличных анализов Кристины, а из соображений безопасности. Безопасности проекта и его участников. Операцию нужно было провести как можно скорее, чтобы не дать возможности опомниться "кротам" и не дать им начать действовать. А потому Алексею необходимо было сочинить две статьи о подготовке к операции. В Москве уже три дня не получали от него никаких известий. Порохов, должно быть в ярости, подумал Алексей и включил ноутбук, который ему любезно одолжил Роберт Бойль после триумфального бегства из отеля. Все вещи Соловьева остались в номере и, скорее всего, стали добычей его таинственных преследователей. Почтовый агент захлебнулся, выплевывая семнадцать новых писем из редакции. Читать их не было смысла, поскольку журналист итак догадывался какого они все содержания.

Соловьев со студенческой скамьи отличался способностью собираться в самые важные и ответственные моменты. Работу, на которую отводилось две недели, он мог спокойно выполнить за три дня и оставшееся время посвятить себе или другим проектам. А посему, написать две статьи за два просроченных дня не составило ему труда, и уже вечером материалы были отосланы на почту главному редактору журнала «euromedicine».

В этот момент группа оперативного слежения "организации" доложила женщине в строгом брючном костюме о том, что засекала местоположение Алексея Соловьева.

Руководитель Бернского отделения тут же собрала опергруппу для разработки новой операции по вербовке журналиста и по возможности участников эксперимента. Из перехваченного сообщения группе стало известно, что клиника в полном составе переехала из Берна в загородную резиденцию предоставленную "кротами". Кто именно сотрудничает с преступной группировкой, Ми-6 не было известно, а, по сему, под подозрение попадали абсолютно все.

Алексей тем временем завершил работу и отправился пожелать доброй ночи Кристине и Наталье Ивановне. Девочка оказалась одна, учительница отправилась позвонить домой и

сообщить очередную порцию новостей родителям Кристины. Алексей тихо постучал и после звонкого "открыто" вошел в комнату. Кристина сидела за столом и читала книгу, водя пальцами по специальным страничкам.

— Через несколько дней я буду учиться читать заново, тихо сказала Кристина.

— Через несколько дней ты увидишь мир таким, какой он есть, — так же тихо ответил Алексей.

— Лёш, скажи, — девочка запнулась, то ли из-за того, что впервые назвала нового друга таким близким и простым — Лёша, то ли не могла подобрать слов. Алексей подошел к Кристине и сел рядом.

— Скажи, Лёша, стоит оно того?

— Что ты имеешь в виду?

— Стоит видеть этот мир?

— Конечно, стоит! Видеть — это нормальная функция человеческого организма, которой ты была лишена. Почему ты спрашиваешь?

— Просто я не могу понять, как мне относиться к тому, что я теперь, возможно, буду видеть. Мне не страшно, просто я не знаю, хочу ли я этого.

Девочке с трудом давались слова, она делала долгие паузы между предложениями, пытаясь подобрать нужные выражения. Алексей почувствовал, насколько важно было для Кристины донести до него свои внутренние переживания. Он сел ближе и положил свою ладонь на ее руку. Кристина вздрогнула, но руку не отняла.

— Я никогда не видела, — продолжила она, — я привыкла жить именно так. Мне дома знаком каждый сантиметр, каждый гвоздик, мне там комфортно и уютно, а что будет, когда я смогу все это увидеть?

— Тебе откроется остальной мир, Кристина. Ты уже не маленькая и понимаешь, что мир не ограничивается только лишь твоим домом. Если все пойдет так, как говорит доктор Бойль, уже через неделю снимут повязки, и ты сможешь впервые взглянуть на мир по-новому.

— Что я увижу?

— Все! Все, что только пожелаешь! Все, о чём когда-либо читала в книгах, все, что только могла себе представить. Более того, помимо возможности увидеть этот мир, ты получишь нечто большее. С возможностью видеть ты получишь возможность оценивать окружающий мир. Та оценка, которую ты даешь миру сейчас достаточно полная, но, используя зрение, ты сможешь дополнить ее, наполнить красками, чувством.

Успокаивая Кристину, журналист прекрасно понимал, что всё, о чем он говорит, может и не сбыться. Если операция пойдет не так, как планируется, или возникнут какие-либо осложнения — все то, о чем он сейчас говорит, просто рухнет, оставив за собой глубокий шрам в душе Кристины. Но пути обратно не было. На карту поставлено слишком много. Успех в этом маленьком шаге приведет к триумфу мировой медицины. Миллионы слепых людей обретут бесценный дар — видеть. Сэкономят миллионы долларов на бесполезных, дорогостоящих препаратах.

Кристина положила голову на плечо Алексею. Ее ладонь так и осталась лежать в его ладони. Так они сидели несколько минут, и каждый думал о своем. Кристину наполняло чувство страха, в ней росло беспокойство по поводу операции, и сотни разных мыслей роились у нее в голове. Они приходили то по одной, то все сразу. Девочка не могла остановиться на какой-то конкретной мысли. И в итоге она просто уснула на плече своего

нового друга. Алексей поймал потяжелевшую голову Кристины, осторожно поднял девочку и перенес на кровать. Затем он тихо вышел из ее комнаты, дождался Наталью Ивановну в вестибюле и, пожелав спокойной ночи, отправился к себе.

Весь следующий день журналист провёл, наблюдая за подготовкой к операции. Хирурги рассказывали ему о том, как именно будет осуществляться доступ к черепным нервам. Алексею стало известно, что девочку побреют наголо, что наверняка будет для Кристины катастрофой вселенского масштаба. И собственно по этой самой причине девочка вечером отказалась прогуляться по парку, видимо не желая показываться до операции в таком неприглядном виде. Бойль-старший дал очередное интервью о важности и значимости этой операции, и материала, предоставленного хирургом, хватило на одну полноценную статью. А изобретатель методики Роберт Бойль, рассказал Алексею о том, как будет проходить реабилитация пациента после проведенной операции. Оказалось, что на самих глазах никаких манипуляций проводиться не будет, но повязку на глаза наденут. Повязка эта будет достаточно хитрая, в ней будет несколько слоев специальной ткани, которая лишь немного пропускает свет. И как только пройдет время действия препарата, за которое, теоретически, нервные волокна от зрительного нерва начнут передавать импульсы к новым участкам головного мозга, повязку начнут постепенно разматывать. Пройдет около трех недель, прежде чем последний слой повязки снимут и девочке разрешат открыть глаза в темной комнате. Роберт объяснил, что подобные меры необходимы для того, чтобы защитить глаза Кристины от слишком яркого света. И потом никто не знает, как именно новый участок головного мозга отреагирует на сигналы, посылаемые с сетчатки глаз.

День прошел в работе и деловой суете. В воздухе росло напряжение. Все понимали, что через несколько часов произойдет либо чудо, либо провал многолетнего труда, без малого, десятка ученых. Труда, который занимал все их мысли вот уже несколько лет.

Алексей не стал мешать подготовке и вечером не назначил ни одного интервью. Команде ученых нужно было хорошенько выспаться. Операция была назначена на семь утра и должна была продлиться около пяти часов. Завершив очередную статью-отчет, Алексей отправил ее на почту доктора Бойля и, получив через несколько минут добро на ее публикацию, отправил в издательство. День выдался напряженным, но при этом продуктивным, и журналисту захотелось выбраться на прогулку. За работой он совершенно забыл о приключениях, которые, не так давно, ему пришлось пережить. Из-за плотного графика Алексею никак не удавалось обдумать происходящее и, дабы отвлечь себя от мыслей о предстоящей операции, он решил обмозговать ситуацию на свежем воздухе.

Журналист вышел из здания и направился вдоль тропинки вглубь парка. Подводя итоги, Соловьев понял, что на самом деле влип в довольно скверную ситуацию. Сейчас он находится под защитой спецслужб Европы. А за забором его ждут не дождутся «кроты». И что собственно им понадобилось от Алексея? Зачем столь крупной и разветвленной организации понадобилось убирать какого-то репортёра из России? Чтобы никто не узнал о проекте? Тогда любой другой репортёр написал бы об этом, или сами врачи написали бы статью и отдали бы для редакции в любой медицинский журнал. Выходит, смерть Алексея была бы бессмысленна и глупа. А может, его и не хотели убивать? Может всё, что происходило в отеле, чистой воды запугивание? Странная мысль промелькнула в голове Алексея, но он тут же нашел кучу доводов против неё. Во-первых, в него реально стреляли, никаких переговоров или угроз не было, практически с самого порога появилось дуло пистолета и практически мгновенно раздались выстрелы. Убийца действовал наверняка, и

даже ранил его в плечо. Далее погоня и очередные попытки убить беглеца. То есть угроза жизни была вполне реальной, пули реально пронеслись над головой, смачными шлепками впиваясь во все, что было на их пути. Но зачем этим «кротам» понадобилось убивать рядовую пешку? Если бы они хотели навредить проекту, логичнее было бы убрать руководителей проекта, хирургов или пациентов, но никак не журналиста, его освещающего.

Алексей никак не мог нащупать логику в действиях «кратов». Казалось, ответы лежат где-то рядом на поверхности, но вся информация никак не хотела укладываться в стройный логический ряд. Напрашивались два вывода: либо эта организация не так могущественна, как ее описал Бойль-старший, либо они затеяли игру, куда более хитрую, нежели кажется на первый взгляд.

Размышляя, Алексей слишком сильно углубился в парк и в конце его увидел ровный ряд фонарей. Подойдя поближе к ним, журналист заметил, что фонари стояли на высоких столбах, а позади них возвышался массивный забор с колючей проволокой. Это уже становилось интересным, и Соловьев подошел поближе. Вдоль забора тянулась бетонная дорожка, а сам забор уходил далеко в лес. Алексей осмотрелся, вокруг никого не было. Он сломал на ближайшем дереве ветку, повернул налево и пошел вдоль дорожки. Через пару десятков метров Алексей услышал ровный шум шагов и через минуту ему навстречу вышли двое мужчин в плотных черных куртках, на манер военных бушлатов, в темных штанах и берцах. Оба были вооружены маленькими автоматами, кажется в компьютерных играх, такие называют УЗИ. Лица не выражали никаких эмоций. Алексей растерянно остановился, двое патрульных подошли к нему.

— Вы не должны находиться тут, это опасно для Вас. — Сказал один из охранников на ломаном английском.

— Я не знал, что территория огорожена забором и охраняется. — Попытался оправдаться Соловьев, хотя с чего бы ему оправдываться, он ведь ничего не нарушал?

— Вам следует вернуться на территорию, — тоном, не терпящим возражения, продолжил охранник.

— А то что? — Уже начал наглеть Алексей.

— А то нам придется Вас туда сопроводить, мистер Соловьев.

Ага, значит, они знают, кого охраняют, сделал вывод журналист и решил не усугублять ситуацию.

— Прошу прощения господи, не был в курсе, предпочту последовать вашему совету. — С этими словами Алексей развернулся и пошел в обратном направлении. Добрался до сломанной ветки и повернул в сторону здания больницы. Охрана проводила его вдоль дорожки и продолжила патрулировать периметр.

Странно, охрана больше похожа на боевиков, чем на спецслужбу, подумал Алексей. Хотя, откуда мне знать, как выглядит рядовой сотрудник МИ-6? Но все же, что-то не давало Алексею покоя. Решив, что снова накручивает себя, журналист вернулся в клинику. В его комнате было довольно душно. Соловьев разделся, открыл форточку и отправился в душ. Завершив водные процедуры, в одном халате он вернулся в комнату. Внезапно что-то внутри него встрепенулось, какой-то необъяснимый страх свалился вниз живота и стал тянуть тяжелым грузом. Медленно скользя взглядом по комнате, Алексей даже не мог объяснить себе, что именно его насторожило, но мгновение спустя он понял, что именно в комнате было не так. Уходя в душ, он не выключал свет, а сейчас в комнате приглушенно горел лишь ночник, выхватывая из темного угла комнаты силуэт человека.

— Я вооружена, но не собираюсь причинить вам вреда, — сказал женский голос, — мне нужно поговорить с Вами, мистер Соловьев.

Алексей не верил своим глазам, второй раз за неделю в него таращилось дуло пистолета, но на этот раз он ничего не мог поделать, в руках не было ничего, а ноги уже налились свинцом от страха.

Глава 12

Вот уже два дня загородная резиденция «кротов» была под наблюдением оперативной группы Элис Смит. Молодая и амбициозная сотрудница сделала головокружительную карьеру в Ми-6. За каких-то шесть лет она умудрилась выбиться из аналитического отдела, куда попала, пройдя строгий отбор из Британской полиции, в оперативники одного из Европейских подразделений. Начав оперативную работу, Смитт зарекомендовала себя, как четкий исполнитель со склонностями к импровизации в экстренных ситуациях. Руководство агентства заметило ее достижения, и, уже через три года оперативной работы, Элис возглавила небольшую группу в Польше. Она занималась контролем и наблюдением за финансовыми потоками небольших террористических ячеек. Кто контролирует финансовые потоки, тот способен делать прогнозы в отношении готовящихся террористических актов, рассуждала она. Ее тактика приносила ощутимые плоды Агентству или Организации, как она сама выражалась. Ещё, за два года работы, ее группе удалось выявить четыре террористических бригады и предотвратить два крупных теракта. Но основной целью Элис считала выявление каналов, финансирующих эти мелкие ячейки в Европе. Она полагала, что, выйдя на заказчиков, можно будет одним махом ликвидировать всю сеть террористов. Ее аналитическая группа провела колоссальную работу в этом направлении и, уже через полтора года, Смитт стало известно о некой организации под названием «кроты». Продолжив копать, агент Смитт пришла к выводу, что эти самые «кроты» гораздо опаснее и куда более влиятельнее, чем предполагалось ранее. Распутывая клубок, Элис обнаружила, что нити ведут ко многим известным политическим деятелям объединенной Европы, что повергло в шок все ее руководство. Но три месяца назад, после очередного доклада о проделанной работе, Элис вызвал к себе ее непосредственный куратор и сообщил о переводе в Швейцарию. Сказать, что девушка была в шоке, не сказать ничего. Этот перевод для нее означал отстранение от работы. Практически всё, что она нарыла по "кротам" было передано другому подразделению Ми-6, а ее собственная группа расформирована. Элис поручили ведение "проекта-14", основой которого была работа некоего Роберта Бойля. Девушке дали молодую команду и отправили в Берн вести скрытное наблюдение за проектом. Естественно после такого поворота Элис восприняла новое назначение, как некую ссылку, но с начальством спорить не стала и взялась за новую работу с прежним, характерным для нее, рвением. И уже через месяц работы на новом месте группа Смитт пришла к выводу, что львиная доля финансирования "проекта-14" поступает от тех самых пресловутых «кротов», с которыми она вела неравную борьбу в Польше. Этот факт естественно подстегнул её к работе, тем более, что проект к тому времени приближался к своей кульминации.

Проблемой Элис была ее группа. В спокойной и тихой Швейцарии не происходило ровным счетом ничего, и потому оперативники швейцарского подразделения Ми-6 не годились даже к самой простой работе в поле. Проблемы начались, как только в игру вступил новый участник — репортер Российского отделения модного Европейского ресурса "Euro medicine" Алексей Соловьев. Группе Смитт требовалось установить слежку, а после

просто завербовать репортера. Простая задача, с которой и ребенок бы справился, как считала Элис. Но группа провалилась на этом простом задании и «кроты», почуяв неладное, резко активизировались. Они перехватили Соловьева в аэропорту, затем так же ловко увели его от Ми-6 в гостинице и спрятали вместе со всеми участниками «проекта-14» в собственной, хорошо охраняемой загородной резиденции.

Итогом кропотливой двухмесячной аналитической работы был ноль. Полный ноль по всем позициям. Не было ясно: ни что задумали «кроты», ни что уже предпринято, не говоря уже о том, что Соловьев наверняка посчитал команду Смитт наемными убийцами или террористами. Девушка сочла необходимым запросить помощь в центре, но получила твердую установку обходиться "собственными силами". Так как на силы Бернских оперативников полагаться не приходилось, Элис с удовольствием восприняла приказ буквально и, как только выяснилось новое местоположение «проекта-14», принялась разрабатывать собственную операцию по вербовке репортера. Она собрала команду из трех человек, куда отобрала координатора, хакера и прикрывающего отход. Новая группа прибыла в распоряжение к Смитт через полтора часа. Тем же вечером они разработали новую операцию. Исполнителем на этот раз вызвалась сама Элис.

Весь следующий день группа провела в слежке за особняком «кротов». Оказалось, что территория, окруженная забором с колючей проволокой, строго охраняется. Помимо полусотни вооруженных охранников, патрулировавших периметр с интервалом в пять минут, там имелись датчики движения и видеокамеры с инфракрасным спектром. В общем, полный набор, сообщил Смитт координатор. Но, тем не менее, Элис решила провести операцию и окончательно утвердила план действий.

Ровно в десять часов вечера Элис была высажена на шоссе, проходящем в километре от объекта, и углубилась в лесной массив. Достав приспособление, сильно смахивающее на детскую рогатку, разве что жгут был куда более мощный, она выпустила из этого оружия в сторону забора три металлических шарика с шипами. Те, практически бесшумно, пролетели сотню метров и, благодаря шипам, легко прикрепились к стволам могучих сосен, окружающих территорию объекта. Активировавшись, маленькие устройства стали издавать помехи, которые немедленно отразились на работе камер и охранных систем. Как и ожидалось, к месту сбоя системы был выслан внушительный отряд охранников, а сама Элис, не теряя времени, двинулась в обход к противоположной части охраняемой зоны.

Пока одни охранники отвлекались на решение технических проблем, на кпп разгорелся нешуточный скандал. К воротам подъехал небольшой цветной фургон с логотипом местной пиццерии. Молодой водитель азиатской наружности силился понять, что ему втолковывают охранники, но ни французского, ни английского языка он не понимал и упорно твердил что-то на своем наречии, лишь изредка вставляя на ужасном английском: "Заказа выполнена, с ваша тысяча пятьсот евро..." "Никто из охранников не мог ему объяснить, что пиццу не заказывали. Азиат твердо решил добиться причитающиеся полторы тысячи евро и уже начал выгружать коробки с пиццей. Охранники же пытались связаться по радиии с начальством, но странные помехи не давали этого сделать. Наконец к воротам поспел начальник смены и уже с пятью помощниками начал доказывать нерадивому доставщику пиццы, что тот не прав. Азиат, увидев оружие, нехотя отступил, помялся еще какое-то время недалеко от проходной, после чего погрузил свои коробки обратно в фургон и уехал.

Этого спектакля, разыгранного прикрывающим Элис, вкупе с помехами в системе слежения, вполне хватило, чтобы девушка пробралась на охраняемую территорию. Ловко

взобравшись на высокую сосну, Смитт выстрелила из пневматического пистолета в соседнее дерево, которое находилось уже по ту сторону забора и по натянутой, как струна леске перебралась на него. Таким же путем девушка преодолела еще несколько метров. Просканировав местность и убедившись в том, что датчики движения остались позади, девушка спустилась на землю и, пригибаясь, пробралась к зданию. Ее поступь была легка и бесшумна. Специальный маскировочный костюм в темноте не позволял обнаружить агента даже с близкого расстояния, потому, прошагавший буквально в метре от нее Соловьев, не заметил ее присутствия. Смитт проследила за журналистом до самого подъезда. Затем заняла удобную позицию напротив здания и принялась ждать. Через три минуты, на втором этаже в третьем окне от торца, зажегся свет. Цель была ясна и, выждав ещё пять минут, Элис принялась за дело. Убедившись, что вокруг никого, она бесшумно перебежала от своего укрытия до угла здания. Пневматический пистолет с глухим щелчком отправил вверх миниатюрный гарпун. Удостоверившись в том, что леска выдержит её вес, Элис ловко взобралась на крышу. Оттуда, рассчитав позицию, всё по той же леске, она спустилась аккуратно к окну журналиста. Действовала она, как заправский скалолаз. Ее движения были четкими и точными. В который раз она мысленно поблагодарила своего инструктора по горной подготовке, который, к слову сказать, с ее группы драл три шкуры на занятиях. Повиснув вниз головой, напротив нужного окна девушка легонько толкнула ставни, те поддались и открылись бесшумно. Через секунду Элис уже была в номере русского журналиста. Соловьева в комнате не оказалось.

— В душе. — Догадалась Элис по звукам, доносившимся из ванной комнаты, и принялась сканировать комнату. Обнаружив три жучка и одну миниатюрную камеру, замаскированную под противопожарную систему, агент Смитт достала пневматический пистолет и зарядила его дротиками с транквилизатором. На самом деле применять его она не планировала, но, учитывая прыть русского репортера, решила перестраховаться. Элис погасила свет и уселась в кресло в углу комнаты напротив входной двери. Таким образом, она контролировала и дверь ванной комнаты, из которой должен был выйти объект, и входную дверь, через которую могли войти незваные гости. Вода в душе стихла и Элис приготовилась к сложному процессу вербовки.

Глава 13

Крестину разбудили в семь утра. В отличие от Натальи Ивановны, не- сомкнувшей в эту ночь глаз, девочка спала, как сурок. Еще в постели Мэри ввела девочке катетер, затем они вместе с Натальей Ивановной помогли девочке добраться до ванны. После всех утренних процедур Крестину сразу усадили в кресло-каталку и повезли в операционную. Учительницу попросили не заходить дальше зоны стерильности и забрали у нее Крестину. Наталья Ивановна так и осталась стоять без движения в коридоре, глядя, как увозят ее подопечную. Через минуту вышла Мэри, приобняла, еле сдерживающую слезы, Наталью Ивановну и отвела ее в зал ожидания. Девушка налила ей зеленого чая и усадила на мягкий диван.

— Знаю, что просить вас вернуться в номер бессмысленно, все равно никуда не пойдете, но, все же, посоветую вам немного расслабиться. Мэри села рядом с опекуном Крестины и взяла женщину за руки. Из своего опыта медсестра знала, что никакие слова тут не помогут и это состояние легкого шока продержится у Натальи Ивановны до конца операции. Еще через пять минут Мэри, извинившись, удалилась на операцию.

Наталья Ивановна так и не притронулась к чаю и вспомнила о нём только, когда он остыл. Через полчаса в зал ожидания вошел Соловьев и сел в кресло напротив. Журналисту

принесли кофе и предложили обоим свежей выпечки. Выпив остывшего чая, учительница немного пришла в себя, — должно быть медсестра подсыпала немного успокоительного, — промелькнуло у нее в голове. Зато беспорядочный поток мыслей начал укладываться в привычное русло. Женщина начала успокаивать себя, затем перебрала в памяти все моменты из жизни, где она оказывалась свидетелем тех или иных медицинских манипуляций, и пришла к выводу, что неудачных из них не было ни одной. Остановившись на мысли, что и эта операция не должна быть исключением, она перевела свое внимание на журналиста. От ее женского взгляда не ускользнул тот факт, что Соловьев, как и она не сомкнул глаз этой ночью. Помятый, растрепанный вид, круги под глазами и легкое нарушение координации говорили о бессонной ночи.

Неужели он так переживает за Кристи? — Пронеслось в голове учительницы. Женщина подошла к кофейному столику, налила себе еще чаю и решила первой нарушить молчание:

— Бессонная ночь, Алексей? — Журналиста, будто током ударило — так он дернулся от ее слов.

— Нет, то есть да... — промямлил он, — впрочем, как и у всех.

— Ну не скажите. Кристина отлично спала всю ночь, такое впечатление, что все происходящее вокруг ее никак не касается.

— Это ее способ защищаться, — предположил Алексей, — она отрицает сама для себя то, чего боится и сама себя обманывает, делая вид, что ничего особенного не происходит. — Соловьев помолчал минуту и добавил. — Жаль, не все взрослые могут так же легко переживать неприятности.

Сам же журналист перекручивал в голове всё, что приключилось с ним за последние сутки. После общения с ночной гостьей в его голове начала выстраиваться ровная и стройная картина происходящего вокруг. И те выводы, которые напрашивались сами собой, совершенно ему не нравились. Он настолько глубоко погрузился в анализ ситуации, что не сразу заметил, как к нему вновь обратилась его собеседница. Наталья Ивановна уставилась на него с таким выражением лица, будто ожидает от него ответа.

— Простите, Бога ради, — сконфузился он, — ночь выдалась бессонной и я не совсем адекватно себя веду, вы что-то спросили?

— Я говорю, кофе остынет. Вы уже десять минут смотрите в одну точку и держите в руках чашку. — Женщина встала и вновь подошла к кофейному столику. — Давайте я лучше вам чаю налью, меня он довольно быстро в чувство привел. — С этими словами Наталья Ивановна забрала у репортера остывшую чашечку «эспрессо» и вручила ему чашку с чаем. Алексей поблагодарил ее и еще раз извинился за невнимательность.

Следующие два часа они провели, рассказывая различные истории из прошлого. А когда самые интересные рассказы подошли к концу, на смену оживленной беседе пришло тяжелое молчание. Каждый погрузился в себя и в свои раздумья. Время начало растягиваться и превратилось в итоге в бесформенную консистенцию из секунд и минут, которые никак не хотели идти быстрее. Тяжелее всего дался последний час. Оба начали нервничать. И если Наталью Ивановну ещё как-то отвлекали постоянные звонки от, сходящей с ума матери Кристины, то Алексею этот последний час ожидания дался с огромным трудом. Более томительного ожидания он в своей жизни еще не испытывал. И дело не только в тревоге за Кристину, хоть эта тревога и занимала львиную долю внимания Соловьева. Перед журналистом стояла еще одна дилемма. Он решал, как себя вести в свете новых событий. Девушка, представившаяся агентом Ми-6, поведала ему историю абсолютно

противоположную истории, которую ему рассказал Бойль-старший. Из её рассказа выходило, что на самом деле они находятся в хорошо охраняемой резиденции «кротов». Что Эдвард Бойль не просто бывший член этой организации, а один из ее лидеров, по крайней мере, в Швейцарии. Но тогда встает вопрос о том, почему он все-таки взялся за выполнение этой операции? Ответ напрашивался сам собой: либо отец совершенно не верил в успех проекта, либо не хотел разоблачаться перед сыном и общественностью. Допустим, операция не даст никаких результатов, и Кристина останется слепой. Тогда угрозы прибылям от фармацевтических компаний не будет, и для «кротов» проблема решится сама собой. В другом же случае, если операция принесет определенные плоды и в медицине назреет переворот, всем, кто причастен к «проекту 14» и, особенно Кристине, несомненно, грозит опасность. Ведь в данный момент, по словам агента Смитт, все они находятся в логове «кротов». Объект хорошо охраняется, и в этом Соловьев убедился вчера лично. Покинуть незаметно данное заведение не представляется возможным, а в случае положительного исхода операции, добровольно, никто никого не выпустит. С другой стороны, верить на слово, якобы агенту Ми-6, тоже не хотелось, даже несмотря на все, предоставленные ему, доказательства. Неожиданностью оказалось наличие прослушки в его номере и скрытая видеочкамера, что не играло в пользу тех, кто их в данный момент принимает, кто бы они ни были. От всех этих размышлений у журналиста шла кругом голова. И в итоге Алексей принял решение не кидаться из огня да в полымя и действовать исходя из ситуации. Посмотрим, как пройдет операция, и дальше решим, как поступить. Главное защитить Кристину, а для этого необходимо первым узнать о положительных результатах операции, если таковые будут. Чтобы события развивались именно так, как нужно Соловьеву, он решил частично открыть карты перед Кристиной, как только ему удастся наладить с ней контакт после операции. В любом случае, первое время она будет вся в бинтах и повязках, и результаты будут ясны лишь через пару недель. Значит, у Алексея есть время подготовить Кристину к неприятным для нее новостям, а главное подговорить ее притвориться слепой, как и прежде, для того, чтобы попытаться обмануть «кротов». Расчет был прост: неудача проекта снимет все угрозы для этих бандитов, и они, в свою очередь, смогут спокойно отпустить всех, кто имеет к проекту какое-либо отношение, и, тем самым, не привлекут к себе лишнего внимания общественности и спецслужб.

Его размышления прервал звук приближающейся каталки. Вскоре из отделения операционной вывезли спящую Кристину. Она была под капельницей, одета в больничную сорочку, а голова вместе с глазами была перевязана белым бинтом. Девочка была еще под наркозом и никак не отреагировала, когда Наталья Ивановна взяла ее за руку. Следом вышла бригада, оперировавшая Кристину. Самыми последними шли оба Бойля. Сын, по всей видимости, контролировавший ход нейронной части и отец, выполнявший основную часть. Оба остановились перед учительницей и репортером.

— Все прошло замечательно, — начал Эдвард, — операция прошла штатно никаких неожиданностей и сюрпризов.

— Остаётся надеяться на лучшее, — подхватил Роберт с теплой улыбкой. Алексей почему-то подумал о том, что должно быть в медицинских университетах преподают специальный курс постоперационной улыбки. Что-то было утешающее и ободряющее в этой улыбке. Она, как бы сама говорила за доктора, выполнившего операцию: мол, все в порядке, волноваться не из-за чего. Улыбается такой доктор после операции и говорит, что все хорошо, а ты ему беспрекословно веришь.

— Как долго она будет без сознания? — Поинтересовалась Наталья Ивановна.

— От анестезии она отойдет довольно скоро, но мы дали ей снотворное, так что она, скорее всего, проспит до следующего утра, — ответил старший Бойль. — Первое время она пробудет в отделении интенсивной терапии, а после мы переведем её в палату, и вы сможете быть с ней постоянно.

Затем оба Бойля попрощались и покинули зал ожидания. Алексей посмотрел на Наталью Ивановну, еле сдерживавшую слезы, и попытался приободрить ее.

— Ну, все самое страшное позади. Кристина жива и нормально перенесла операцию, а остальное приложится. — Он постарался сказать это, как можно бодрее, но увидел на лице учительницы лишь натянутую улыбку.

Они вместе отправились к лифту. Каждый вышел на своем этаже. День для всех на том и завершился. Без сил оба рухнули на свои кровати.

Глава 14

Холод. Кристина всем телом ощущала жуткий холод. Девочке хотелось залезть под одеяло, укрыться им с головой и, наконец, согреться, но холод не давал даже пошевелиться. Он проникал во все поры, во все клеточки ее тела, сковывая его все сильнее. Невозможно было даже сделать вдох — настолько одеревенели все ее мышцы. Какая-то неведомая сила заставляла двигаться ее грудную клетку. Вдох, выдох. Раз за разом. Кристина, казалось, не принимала никакого участия в акте дыхания.

Ещё девочке было очень страшно. Причем, было не понятно, что сильнее сковывает тело — страх или холод. Страшно было именно от того, что собственное тело её не слушалось. Очень не хватало воздуха и хотелось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы напиться им, насладиться каждой его молекулой. Но глубоко вдохнуть не получалось и приходилось довольствоваться тем, что было. Вдох, выдох, вдох, выдох.

Кристина попыталась успокоиться и сосредоточиться на происходящем. Доктор просил её считать от ста до нуля, но она быстро сбилась и не запомнила на какой цифре. Может семьдесят три? Или семьдесят два? Сомнение проникло глубже, и она уже не была уверена в том, что это вообще имеет какое-либо значение. Зачем её вообще просили считать, да ещё и в обратном направлении? Бред какой-то. И собственно кто этот самый доктор? Почему он с ней разговаривал? Она, что болеет?

Память тоже отказывала. Кристина силилась вспомнить последние дни, но на ум не шли даже последние минуты. В голове все перемешалось. Лица, даты, свет... Свет? Откуда тут свет? Что такое свет? Она же никогда не видела свет? А почему? Почему она находится в полной уверенности в том, что не знает что такое свет? Девочка задавала себе вопросы, а ответы, казалось, лежащие на поверхности, тут же ускользали от неё. Единственное, что она знала наверняка — это то, что этот самый свет ей очень нравится. Он тёплый, он начал согревать девочку, и ей в нем было очень приятно находиться. В голове появился образ мамы. Не лицо, не внешность, а именно образ. Некое существо, излучающее тепло и нежность. Она не могла различить черты и не могла вспомнить, как выглядит ее мама. Самое тёплое, самое дорогое, что только может быть на свете — образ мамы. Но и он начал отдаляться от нее, причем отдаляться в бесконечную высь. Все быстрее и быстрее, все выше и выше и, наконец, пропал вовсе. Но тут Кристина поняла, что это не мама поднимается вверх, это она сама падает, да еще с такой скоростью, что голова пошла кругом. Девочка посмотрела вниз и ужаснулась. Ей навстречу приближалось нечто огромное и бесформенное, на фоне окружающего ее света, совершенно черное. И как только она упала в

это нечто, вокруг стало беспроглядно темно.

Кристина боялась пошевелиться. Тьма проникала всюду. Она прилипла к ней, как грязь — не отмыться. И когда девочка испугалась основательно, ее окликнули. Чей-то голос позвал ее, сначала тихо и робко, но затем громче и настойчивей. Она узнала этот голос.

— Кристи! Девочка моя, проснись! Кристина!.. — Наталья Ивановна крепко держала подопечную за руки. Та вырывалась и кричала, била ногами и, чуть было, не упала с кровати.

Как только девочка успокоилась и задышала часто-часто, учительница поняла — проснулась.

— Ну и здорова же ты спать, подруга, — как можно теплее сказала она, — целые сутки продрыхла.

— Я кричала? — Хриплым голосом спросила Кристина. — Горло болит.

— Нет, ты не кричала — это последствия интубации трахеи.

— Чего, чего? — Картинно скривилась девочка?

— Это когда в горло вставляют трубку, чтобы подавать наркоз и кислород, — с улыбкой поведала учительница, — это я от медсестер узнала. Как ты малышка?

— Голова болит немного, а так ничего. Я посплю еще немного, тетя Наташ?

— Ну, отдыхай, отдыхай. Только учти, в обед к тебе придет целая делегация, я тебя разбужу заранее.

— Хорошо, — сонным голосом согласилась Кристина. Она перевернулась на другой бок и тут же уснула.

Следующее пробуждение далось Кристине гораздо легче. Сознание просто включилось, выдергивая ее из безмолвной пустоты. Слух сразу дал понять девочке, что в комнате она не одна — в комнате были слышны голоса Натальи Ивановны и Алексея Соловьева. Но просыпаться Кристина не спешила, вернее не спешила показывать, что уже не спит. Напротив, она затаилась и постаралась следить за своим дыханием. С самого раннего детства она играла в эту игру и, порой, довольно успешно. Сначала она делала это исключительно забавы ради, но однажды, проснувшись в новогоднее утро раньше обычного, услышала, как папа ходит по ее комнате. Дыхание у отца было тяжелое, с хрипотцой, ни с кем не спутаешь. Он прошел мимо ее кровати, зашуршала елка, зазвенели стеклянные шары, затем папа так же "тихо" удалился. Кристина подождала, пока отец уйдёт в свою комнату, и тут же вскочила с кровати. Добравшись до ёлки, она обнаружила под ней традиционный новогодний подарок. Со сказкой про Деда Мороза можно было попрощаться, но девочка еще целых два года специально в него верила, чтобы не расстраивать родителей, так старавшихся устроить для дочери праздник. Зато, она всегда заранее знала, что ей подарят, успевала вдоволь нарадоваться подарку, а потом, почти искренне, порадоваться ему вновь, специально для мамы с папой.

Так и в этот раз Кристина предпочла послушать разговоры взрослых. От наркоза она уже отошла и прекрасно осознавала, где находится, что происходит и помнила, что накануне состоялось, возможно, самое важное событие в её жизни — операция. О её итогах она пока судить не могла, голова была туго перебинтована, и никаких особых ощущений девочка не испытывала. Ей было до жути интересно, как прошла операция, а так как от всех пациентов такие подробности тщательно скрывают, она решила узнавать все из чужих уст — наверняка тетя Наташа уже в курсе всего.

Но, в следующие пять минут, Кристина узнала, отнюдь, не то, на что рассчитывала. Алексей говорил очень тихо, но, видимо, сидели они близко, так что девочке было слышно

все:

— И по-вашему эти, как их там — "кролики"...

— «Кроты», поправил Алексей, — «кроты», «кролики» — не важно! — Начала заводиться Наталья Ивановна. — По-вашему, они могут причинить Кристине вред, в случае положительного исхода операции?

— И не только ей. Под ударом окажутся все, кто имел доступ к сведениям об операции. Поймите, это миллиарды долларов — целая индустрия! Они не станут рисковать курицей, несущей золотые яйца! — Голос у Соловьева был взволнованный, и ему постоянно приходилось сбавлять тон до шепота. — Как только станет ясно, что Кристина видит всё, мы будем представлять для них угрозу, угрозу их деньгам. И, поверьте мне, такие люди очень легко избавляются от подобного рода угроз.

В комнате повисла тяжелая тишина. Первой ее нарушила Наталья Ивановна:

— И что, в таком случае, вы предлагаете?

— Нужно помягче объяснить Кристине ситуацию и приготовить ее к роли, убитой горем, девочки. Нужно, чтобы она продолжала притворяться слепой. Особенно когда все бинты снимут окончательно. В таком случае у нас появится шанс.

— Думаете, тогда нас не тронут?

— Им незачем будет нас трогать! Я напишу трогательную статью о том, как не оправдались хрупкие надежды маленькой девочки из России на спасение зрения. Мир убедится, что затея Бойля-младшего оказалась фикцией. В противном случае, наша пропаша только усилит подозрения. Так что я почти уверен, нас не тронут.

— Ну а что если они начнут проводить всякие медицинские исследования? Что если они почуют подвох и раскусят нас? — Голос у Натальи Ивановны дрогнул, и Кристине стало страшно. — Она ведь еще ребенок! Как ей удастся убедить всех в своей слепоте?

— Во-первых, я с рождения слепая, — вмешалась в разговор Кристина, которой стало скучно быть статистом в пьесе, где ей отведена главная роль, — и потому изобразить слепую мне не составит большого труда. А во-вторых, не факт, что операция поможет. Я не взрослая, но прекрасно все понимаю — не все операции проходят так, как нужно.

Учительница и журналист так и застыли с открытыми ртами:

— Давно ты подслушиваешь? — Сурово поинтересовалась опекунша.

— Лет с пяти, — невозмутимым тоном ответила девочка, — а теперь мне интересно узнать все поподробнее. Ты обещал мне не лгать, Лёша, так что сдержи обещание и расскажи все как есть. — Кристина постаралась вложить в свой голос, как можно больше серьезных ноток и, по всей видимости, ей это удалось.

Минут десять ушло у Соловьева, чтобы посвятить девочку во все подробности этой запутанной истории. Затем они втроем разработали основной план действий. По нему выходило, что Кристина остается слепой до самой выписки и, ни при каких обстоятельствах, не выдаёт истинное положение вещей. Не должны знать об истинном результате операции и они сами, так будет проще играть собственные роли. Агент Смитт предупредила Алексея о том, что глушилки сигнала перестанут работать сегодня в обед, так что все условились, что общаться на эту тему они больше не будут, чтобы прослушка не могла их разоблачить.

Буквально через минуту в палату постучали и, не дожидаясь ответа, вошли оба Бойля и почти вся операционная бригада. Маленькая комнатка забилась до отказа. Роберт Бойль подарил юной пациентке огромный букет алых роз, с пожеланием увидеть их воочию в скором времени. Затем все поочередно подходило к Кристине и жали ей руку. Девочка

получала комплимент за комплиментом и растерянно благодарила каждого члена операционной бригады. Длилось это представление не более пяти минут. Затем Роберт Бойль трижды хлопнул в ладоши и препроводил всех на выход.

— Кристине нужен покой и уют, — громко скандировал он, — господа, освободите помещение! Минут через пять в комнате осталась только Наталья Ивановна и сам Роберт Бойль.

— Итак, юная мисс. — С каким-то странным огоньком в глазах начал ученый. — Как ваше самочувствие?

Кристина на слух уловила странное возбуждение в голосе Роберта Бойля.

— Я чувствую себя хорошо, доктор, только голова кружится немного.

— Это из-за наркоза, малышка, скоро пройдет.

Младший Бойль не мог скрыть волнения. Наталья Ивановна тоже заметила это и решила немного разрядить обстановку.

— А когда начнем снимать бинты, доктор Бойль?

— Завтра и начнем. Плотность повязки не позволяет проникать свету к глазам. Будем снимать по слою в день и завтра снимем первый. Ближе к концу начнем снимать энцефалограмму — нужно знать, реагирует ли мозг на новые раздражители.

Наталью Ивановну бросило в холодный пот, и она не смогла промолвить ни слова. Кристина сориентировалась быстрее:

— Что ж, я в предвкушении результатов мистер Бойль, — весело сказала она.

— Я тоже Кристина, я тоже, — тепло ответил Роберт, — это, без преувеличения, дело всей моей жизни!

Роберт выдержал небольшую паузу и, удалился, не забыв дать напоследок несколько советов относительно режима сна и бодрствования.

Как только он удалился, Наталья Ивановна начала говорить что-то несвязное, но девочка, предвидев реакцию учительницы, приставила палец к своим губам и тихо шикнула, мол, вслух, ни слова. Учительница поняла, что чуть было не нарушила договоренность и решила, впредь, тщательнее контролировать эмоции. Кристине же явно легче давались все эти шпионские игры.

Остаток дня они провели в номере, пользуясь возможностью наспаться вдоволь. Операция была позади, и позади остались все тревоги, связанные с нею. Ближе к вечеру они отправились в холл, где располагался, единственный доступный им, телефон и связались с родителями девочки. Успокоить маму Кристина не могла минут десять. В трубку лились рыдания вперемешку с причитаниями Елены Александровны. Мама Кристины не могла себе простить свое отсутствие в столь тяжелый для её дочери период жизни. А Кристина, в свою очередь, пыталась объяснить маме, что ее присутствие никак не помогло бы ей. Скорее даже помешало. Затем трубку взял отец Кристины и коротко, по-военному, расспросил девочку о ходе операции. Папина дочь так же четко отрапортовала отцу, заранее подготовленный доклад и попросила унять свою маму, которая никак не успокаивалась. На том сеанс связи с домом и завершился.

Вернувшись, они обнаружили медсестру Мэри. Та привезла тележку с ужином и собиралась помочь Кристине с приемом пищи, но Наталья Ивановна наотрез отказалась уступать столь деликатную процедуру чужому человеку и настояла на своей кандидатуре. Она мягко, но настойчиво вывела медсестру из палаты и, извинившись за свою "старческую" назойливость, захлопнула перед ошеломленной Мэри дверь.

Глава 15

Соловьев проснулся среди ночи в холодном поту. На часах был четвертый час. Уснуть после очередного ночного кошмара ему так и не удалось. Как и всегда в подобных случаях, он решил уйти от реальности в другое измерение. Таким измерением для Алексея всегда была работа. Только она возвращала его к нормальной жизни.

Очередной кошмар практически ничем не отличался от предыдущих. Вот уже два года его преследовал один и тот же сон. Он стоит напротив погребального костра. На кострище лежит девушка в ритуальных одеяниях. На её глазах монетки, в руках длинный меч. Огонь медленно слизывает сантиметры ее одеяний и, через несколько мгновений охватывает полностью. Стоять возле костра становится невозможно, но Алексей не двигается. В его душе глубокая скорбь, и боль, настолько жгучая, что с нею может сравниться лишь боль от жара огня. И потому он продолжает стоять, не двигаясь, даже когда опаляются его ресницы и брови, когда слезы не успевают скатываться по щекам, испаряясь прямо с кожи.

После этих снов Алексей каждый раз просыпается в холодном поту от собственного же крика. Никакие психологи не смогли помочь ему избавиться от, преследовавшего его, панического состояния. Сон периодически повторялся, мешая ему в повседневной жизни. Конечно, Алексей знал, в какой момент его жизни появился этот сон. И для него причина появления этого сна была вполне объяснима, но этот факт никак не помогал избавиться от кошмара. Два года назад он, тогда еще выпускник журфака Московского Университета, попал в серьезную автокатастрофу. Он и Марина, его невеста и, по совместительству сокурсница, ехали в загородный коттедж к друзьям. Погода выдалась чудесной, теплый майский воздух врвался в салон автомобиля, развивая их волосы. Дорога, по которой они ехали, была пустой, и Марина, любившая под настроение поддать газку, и на этот раз непустила шанса дать машине порезвиться.

Алексею позвонили.

— Ну, где вы там, Сэр? — раздался в трубке, уже не совсем трезвый, голос хозяина коттеджа. Алексей посмотрел на Марину. Такой он ее и запомнит навсегда — развивающиеся светлые локоны, горящие золотом в бликах заходящего солнца, залиvistый смех, азарт в глазах...

— Подожди, Серег, карту достану, — с этими словами Алексей расстегнул ремень безопасности, чтобы достать с заднего сидения внедорожника карту области. В следующий момент время резко замедлило ход. Раздался оглушающий хлопок и машина, будто ужаленная взвилась носом вверх. Описала полукруг в воздухе и, с гулким скрежетом, вылетела с трассы в кювет. Перед Алексеем начали свою дикую пляску все вещи, которые были в машине. Сумки и дорожные карты бешено скакали то вверх, то вниз. В голове у него успела пронестись мысль, что в данный момент они кувыркаются вокруг собственной оси, и что он нашел не самое подходящее время для того, чтобы отстегнуть ремень безопасности. Но, по воле случая именно этот факт и спас ему тогда жизнь. Его непристегнутое тело принялось вращаться синхронно с машиной и в один из оборотов, налетев на пригорок, внедорожник в очередной раз взмыл в небо. Алексей почувствовал страшной силы удар в голову и уже в следующую секунду обнаружил себя летящим отдельно от машины. Соловьева попросту вышвырнуло из искореженного автомобиля и сильно ударило о землю. Метрах в пяти от него остановил свою безумную пляску и сам автомобиль. Как ни странно Алексей не потерял сознания. Он не чувствовал боли, страха или каких-либо других эмоций. Он просто лежал, не в силах пошевелиться, и смотрел на груды металлолома, в котором угадывались

черты авто. Он видел висящую вниз головой Марину, видел, как она пытается освободиться от ремня безопасности и выбраться из западни. Также он видел как, занявшееся еще на капоте, пламя медленно подступало к его девушке. Он слышал, как Марина начала кашлять, задыхаясь от едкого, черного дыма. Капли горячей жидкости капали вниз, раскаленной лужей подтекая под автомобиль. Алексей слышал как Марина, слабым хриплым голосом позвала его по имени. Он слышал, как закричала она от боли, видел, как отчаянно она боролась за жизнь. Он видел все ступени ее агонии. Его невеста сгорела заживо у него на глазах за считанные секунды. Это только в кино после серьезного ДТП, главный герой способен вскочить, как ни в чём не бывало, и спасти всех налево и направо. Жизнь преподносит более суровую реальность. После падения о землю Алексей в трех местах сломал позвоночник, и потому не мог даже пошевелиться. Он просто лежал и смотрел на полыхающую машину, в полном сознании, понимая все, что происходит. Жар от сгорающей машины обжигал его тело, но он ничего не чувствовал. Алексей просто лежал и смотрел... Он лишился чувств только после какой-то инъекции, которую ему сделала бригада скорой медицинской помощи через двадцать минут после автокатастрофы.

Алексей тряхнул головой, избавляясь от наваждения. Картина автокатастрофы, которую ему пришлось пережить однажды, всплывала после каждого кошмарного сна. Единственное, чего не мог понять Соловьев это то, почему на погребальном костре, в преследовавшем его сне, не Марина, а какая-то другая девушка.

Журналист поднялся, накинул халат и отправился в столовую в надежде раздобыть чашечку кофе. Бесшумно преодолев длинный коридор, он вышел на винтовую лестницу, ведущую прямоком в буфет на первом этаже. Обнаружив искомую комнату, Соловьев принялся, впотьмах, обшаривать содержимое, висящих на стене, кухонных шкафов.

— Не спится? — Внезапно раздавшийся, голос испугал Алексея. Он пригляделся и увидел, как слабое, алое свечение сигары выхватило из темноты лицо Эдварда Бойля. Тот сидел в плетеном кресле в самом углу буфета рядом с окном.

— Дурной сон, — не стал скрывать Соловьев, — мой личный сорт паники. Я бы с вами поделился, но, боюсь, у нас вкусы разные.

— Дурное настроение, — констатировал Бойль. — Понимаю. Позвольте предложить сигару, гаванские, мои любимые. Думаю, они способны перебить дрянной вкус того, что здесь называют кофе. Вы ведь за ним пожаловали в столь ранний час, не так ли?

— Вы прозорливы, мистер Бойль. Уснуть мне вряд ли удастся, а кофе поможет сосредоточиться на работе.

— Третий ящик справа, — уточнил доктор, — банка кофе там. Я и сам, периодически, балуюсь этой гадостью, за неимением лучшего.

Алексей приготовил себе кофе и занял соседнее кресло возле небольшого кофейного столика.

— Я думал вы здесь, как и все мы, впервые. — Заметил он. Бойль сделал вид, что не заметил укол журналиста, хотя и понял, что допустил оплошность, проболтавшись.

— Я бывал тут раньше. Это здание, некогда, принадлежало городскому дому престарелых. Я организовал небольшой благотворительный фонд, и мы оказывали свои услуги всем желающим. Бесплатно, разумеется.

Это не было ложью, сообразил Алексей, скорее не было всей правдой. Может когда-то здесь и был дом престарелых, но явно не в этом веке. Охрана такая, что не совсем понятно: это стариков охраняли от общества или наоборот? В любом случае, забор с колючкой и КПП

с камерами по всему периметру соорудили не вчера. Алексей не стал озвучивать эти мысли. Что ж, эту раздачу он проиграл, выдав себя, своим недоверием. Нужно быть поаккуратнее с этим меценатом. Дабы сгладить промах Алексей потянулся к открытой коробке и воспользовался предложением собеседника. Эдвард протянул Соловьеву зажигалку и тот закурил. Несколько минут они сидели молча. Лишь еле слышный треск тлеющих сигар нарушал мертвую тишину. Алексей решил прервать затянувшуюся паузу:

— Как вы оцениваете шансы на успех операции? — Спросил он, выпуская клуб густого дыма.

— Шансы, господин Соловьев, настолько щекотливая тема в мире экспериментальной медицины, — ответил Бойль, немного подумав, — что ни один, уважающий себя врач, не станет опрометчиво рассуждать о них вслух. К тому же есть понятие "шансы", а есть "статистика". К первому, помимо объективных оценок, всегда примешиваются наши надежды и чаяния. Второе же, представляет собой сухие цифры.

— Хотите сказать, что первое, есть не объективная оценка реальности?

— Именно! И потому, отвечая на ваш вопрос, могу сказать, что шансы у Кристины на успешный исход операции довольно велики. Она молода, практически здорова. Её организм прекрасно адаптирован к окружающей среде. — Эдвард отвлекся на сигару и продолжил. — Что же касается второго понятия, то здесь могу расстроить вас. По статистике только двадцать процентов экспериментов в медицине приносят плоды и лишь пять процентов полностью совпадают с теоретическими раскладами.

— Вы не верите в собственного сына? Ушам своим не верю! — Возмутился Алексей. — По-вашему, шансы на успешное завершение его экспериментальной методики составляют всего пять процентов?

Бойль многозначительно посмотрел на истлевающий конец сигары и, выпустив огромное облако дыма, спросил:

— Господин Соловьев, представьте, что у вас есть маленький сын. Лет пять, шесть не больше. Вы учите его держать равновесие на двухколесном велосипеде. Вы подробно описали сыну, что нужно делать для того, чтобы поехать и не свалиться. Каковы, по вашему мнению, шансы у вашего ребенка на успешный старт?

— Вероятно, не очень велики, все падают с велосипеда в процессе обучения. Но как это относится к моему вопросу?

— Сейчас я разовью мысль. — Сказал Эдвард Бойль. — То есть я правильно понимаю? Вы, любящий отец, отнюдь не желающий причинять вред собственному сыну, преспокойно допустите возможность получения им травмы?

Эдвард еще раз затянулся дымом сигары и лукаво посмотрел на Алексея.

— Я сознательно позволю упасть моему ребенку, — медленно начал рассуждать Соловьев, — чтобы тот получил собственный опыт. И на основании его, сделав определенные выводы, в конечном счете, добился положительных результатов. К этому вы клоните, мистер Бойль?

— Именно, мой друг, вы абсолютно правы! — Радостно воскликнул доктор. — Вы прекрасно развили мою мысль. Мы даем своим детям возможность работать над собой и совершать ошибки, даже тогда, когда заведомо ясен результат.

— И что же, по-вашему, результат заведомо ясен в случае с вашим сыном?

— Не совсем, есть определенные шансы на успех. Это медицина, порой случаются самые невероятные вещи. Но, признаться честно, я не одобрял работы Роберта. Для своих

изысканий он выбрал одну из самых бесперспективных тем в медицине.

— Но постойте, вы же сами говорили, что помогали сыну с финансовой частью вопроса. К тому же вы сами делали операцию Кристине! Я не вижу логики в ваших словах. Получается, вы работали с Робертом над проектом, который для вас лично не представляет никакого интереса и, более того, вы сейчас откровенно признаетесь в том, что практически не верите в успех проделанной вами работы. Тогда зачем все это нужно было?

Бойль улыбнулся и затушил сигару о керамическую пепельницу:

— Для Роберта, как это ни кощунственно звучит, мистер Соловьев, Кристина это тот самый велосипед. Мой сын молод и амбициозен. Его научная работа заслуживает всяческой похвалы и, я не сомневаюсь, в итоге он станет ученым с большой буквы. Он сотворит свой шедевр и покорит научный мир. Но, для этого ему придется несколько раз падать с велосипеда.

Алексей взглянул на свою сигару, затушил ее о пепельницу и молча встал.

— Знаете, доктор, — сказал он, — иногда люди от природы наделены способностью держать равновесие. Доброй ночи.

С этими словами Соловьев пошел обратно к себе.

"Что ж, для всех нас будет проще, если велосипед упадет" — подумал Бойль, закуривая очередную сигару.

Глава 16

Вот уже третий день подряд группа Элис Смитт трудилась без сна и отдыха. Успешная вылазка Элис в стан врага воодушевила команду, и агенты работали не покладая рук. Во время операции девушке, помимо вербовки русского репортера, удалось установить считывающее устройство на кабель мощной антенны, размещенной на крыше главного здания. Тут же на сервер, в импровизированном штабе группы, начала поступать практически вся информация, циркулировавшая в логове «кротов». Интернет, телефонные линии, сотовая связь, даже кабельное телевидение — все проходило через этот мощный информационный узел.

Крепость была хорошо укреплена и оснащена по последнему слову техники. Естественно, при таком оснащении, «кроты» не могли поставить себя в зависимость от внешних источников питания и стандартных городских информационных узлов. База питалась собственной электроэнергией, снабжалась водой из подземных источников и имела мощные коммуникационные узлы, что позволяло работать практически в автономном режиме.

За территорией «кротов» было установлено круглосуточное наблюдение. С этой работой могли справиться и зелёные сотрудники. Более опытным агентам Элис поручила слежку за всеми, кто покидает территорию объекта.

Три дня спустя, Смитт решила подвести итоги и соединить воедино все сведения, собранные за это время. Оказалось, что противник вел себя крайне осторожно. Мониторинг сети не дал практически ничего. Было перехвачено несколько писем Алексея Соловьева своему начальству в Москву. Письма имели сугубо рабочий характер, и, кроме статей для редактора, журналист больше ничего не отправлял. Других сообщений перехвачено не было. Из наблюдаемого объекта за три дня звонили лишь семь раз, и все семь раз это были переговоры русской учительницы с родителями Кристины Громовой. Сотовой связью на территории наблюдаемого объекта вовсе не пользовались, будто ее там и не было. Больше порадовало наружное наблюдение. Оказалось, что территорию объекта в день операции

покидал лишь Эдвард Бойль. В семь часов вечера его серый седан выехал в направлении Берна. Через четверть часа наблюдение отметило первую остановку. Бойль посетил небольшой мотель на окраине, где оставил конверт на имя некоего Боба Салливана — имя естественно подставное. Далее хирург направился в центр города, где ужинал в итальянском ресторане с пожилой дамой. Личность женщины удалось выяснить. Бойль встречался с женой Вильяма Града — главы крупной инвестиционной компании "KORALL-INVEST" с штаб-квартирой в Цюрихе и отделениями чуть ли не во всех столицах старого света. Аналитический отдел навёл справки, и выяснилось, что в сферу интересов Градда входит один из крупнейших фармакологических концернов Швейцарии. Его инвестиционная компания семь лет назад вложилась в умирающее предприятие и вытянула его за столь небольшой срок на лидирующие позиции. А затем Градд и вовсе скупил контрольный пакет акций и преобразовал его в дочернее предприятие своего холдинга.

Таким образом, Элисс стало понятно, откуда ноги растут. Но все эти события доказывали причастность Эдварда Бойля к деятельности «кротов» лишь косвенно и никаких конкретных улик или записей разговоров у Смитт не было. В конце концов, может же именитый хирург иметь приятное знакомство с семьей известного инвестора! Это ничего не доказывает и ни о чем не говорит. Но Элис все равно была в хорошем расположении духа. Во-первых, она знала в каком направлении ей теперь следует копать. Во-вторых, она окончательно убедилась в связи Эдварда Бойля с людьми, бесспорно заинтересованными в провале затеи его сына. И, в-третьих, она, наконец, получила результаты своей работы. Пусть минимальные, пусть косвенные, но все же это было лучше, чем ничего.

После небольшой вечерней летучки, Элис собрала костяк группы, чтобы определить тактику на следующие дни. Она оставила под наблюдением территорию базы и приказала аналитикам рыть дальше в направлении "KORALL-INVEST".

Первые сутки после операции Кристина провела в кровати. Наталья Ивановна не отходила от девочки ни на минуту и, признаться, порядком надоела ей своей гиперактивностью. Но Кристина и не думала злиться на своего опекуна. Девочка знала, что психика взрослых устроена несколько иначе, чем её, детская психика. Этих взрослых хлебом не корми, дай о ком-нибудь попереживать да понервничать. Девочка оказывалась в подобных ситуациях сотни раз. Родители были далеко не исключение, особенно мама. Та тряслась над дочерью по любому поводу. Неважно, была ли это очередная госпитализация или банальная ссадина. Малозначимых ситуаций в жизни Кристины не могло быть по определению. К счастью девочка быстро сообразила, что кратчайший путь избавления от подобной опеки является полная и абсолютная покорность во всем. Чем безропотнее она принимала заботу о себе, тем быстрее проходил этот жар альтруизма. И потому, тактику девочка выбрала постельно-сонную. Кристина практически не вставала, ела только то, что приносили и ни на что не жаловалась. Поначалу Наталья Ивановна поминутно спрашивала подопечную, не нужно ли ей что-нибудь. Но, получая раз за разом вежливый отказ, учительница постепенно успокаивалась. К вечеру первых суток количество первичных обращений с предложением попить снизилось с десяти до двух в час. Статистика с предложением поесть была еще позитивнее.

Посетителей в первый день было немного. Трижды заходила медсестра Мери, приносила таблетки и ставила капельницы. Трижды привозили еду. Привилегию кормить Кристину Наталья Ивановна оставила себе. Девочка особо не сопротивлялась и покорно

открывала рот, принимая пищу по расписанию. К вечеру терпение Кристины принесло первые плоды. Учительница, осознав за день дежурства, что ее подопечная в полном порядке, расслабилась и крепко уснула. Кристина же, уловив замедление дыхания и мерные похрапывания Натальи Ивановны, смогла, наконец, встать и самостоятельно приготовить себе чай со сливками. Затем девочка взяла начатую накануне операции книгу и с наслаждением прочла несколько глав. Утолив жажду знаний, которую, к слову сказать, не давала утолить гиперзаботливая учительница, девочка принялась размышлять на тему своих отношений с Соловьевым. Никаких, собственно, отношений не было и быть не могло. Кристину занимал другой вопрос. Почему Лёша ввязывается в столь опасную авантюру? От нее самой не ускользнул тот факт, что в последние дни, про себя, журналиста она называла только ласковым "Лёша" и никак иначе, причем сама не могла понять почему.

Кристине казалось, что с его стороны нет никаких причин впутываться в, подобного рода, авантюры. Из секретного разговора накануне девочка вынесла несколько вопросов на повестку дня. Во-первых, ситуация действительно серьезная. Хотя ей и было всего четырнадцать лет, она все же понимала, что такое организованная преступность. Телевизор никто не отменял, а уж там наслушаешься о подобных организациях чего угодно. Алексей не стал скрывать того, что сам накопал. Он считает, что очень важно координировать свои действия так, чтобы не вызвать подозрения у тех кто может причинить им вред. Сыграть роль слепой девочки ей удастся на пять, тем более, что пока кроме легкого головокружения, она и впрямь ничего особенного не испытывала. Тут её беспокоила другая проблема. Что будет, если её энцефалограмма, действительно, будет показывать активность? Можно обмануть кого угодно, но врачи по своей сути скептики и никакие субъективные ощущения не смогут убедить их в том, что операция прошла впустую. Даже если она будет всеми правдами и неправдами доказывать всем, что ничего с ней не происходит и никаких ощущений она не испытывает, ее будут выдавать приборы, и тогда врачи не отстанут от нее, пока не докопаются до истины.

Обдумав всё как следует, Кристина решила, что нет смысла переживать из-за того, что пока не произошло. В ближайшие дни никто не собирается лепить на ее голову датчики, а раз так, то и трястись попусту нет смысла. Она допила остывший чай и встала, чтобы вымыть кружку. До раковины было несколько шагов. Еще до операции девочка тщательно запомнила место расположения своей комнаты относительно всего номера. Сделав два шага вдоль кровати, она повернула направо, обогнула кровать и повернула налево, оказавшись перед дверным проемом, за которым была ванная комната. По её левую руку оставалась комната Натальи Ивановны. Еще три шага и Кристина оказалась возле раковины. Включив холодную воду, она вымыла кружку. Но не успела она закрутить вентиль крана, как до ее слуха дошел странный ритмичный звук, напоминающий звук биения сердца. Девочка от неожиданности замерла. Она и раньше слышала, как учащается сердцебиение у людей, но для этого ей необходимо было находиться в непосредственной близости от источника звука. Сейчас же этот звук доносился откуда-то изнутри. Поначалу Кристина приняла этот звук за биение своего собственного сердца, но, по мере усиления звука, она все явственней ощущала, что ее сердце так биться просто не может. Для верности она даже проверила свой пульс. Как только Кристина убедилась, что звуки не совпадают, ее собственное сердце, будто рухнуло вниз живота. Страх ледяным потом пробежал по спине, а звук биения сердца все не унимался в её голове. Наоборот, с каждой секундой он становился все отчетливей и громче. Немая от ужаса, Кристина попыталась выйти из ванной комнаты, но уже не могла

сосредоточиться на движении. Её шатало из стороны в сторону. Она натыкалась на всё, что раньше не являлось для нее препятствием. Сорвав с сушилки первое попавшееся полотенце, она постаралась намотать его на голову, но это никак не помогало заглушить страшный звук. Девочка даже не могла понять, что больше её испугало, сам факт возникновения этого звука или характер этого сердцебиения. Из ровного и ритмичного звук превратился в быстрый, скачущий галоп, который то и дело замирал, грозя и вовсе остановиться. Ее логики хватило на то, чтобы сообразить — стук, который она слышит, не норма! Тем временем звук, казалось, достиг в голове Кристины своего апогея. Перепуганная на смерть, она, скорее механически, нежели осознанно, сунула полотенце под холодную воду и обмотала им пылающую голову, намочив и свои бинты. Девочка уже не надеялась на чудо, но это импульсивное действие принесло свои плоды и уже через секунду дикая пульсовая скачка в ее голове начала стихать. Бледная и мокрая, Кристина дрожащими руками попыталась открыть дверь и выйти из ванной комнаты, но её с силой дернуло вперед вслед за дверной ручкой. Кто-то дернул дверь с другой стороны с такой силой, что Кристину, буквально, внесло в комнату. От неожиданности девочка вскрикнула и, в тот же миг, в голове с новой силой ударило зловещее сердцебиение. От страха, а еще больше от неожиданного рывка, Кристина потеряла равновесие и начала падать вперед. Она уже приготовилась к жесткому удару о пол, но его не последовало. Вместо твердого пола под собой Кристина почувствовала человека. Она не сразу сообразила кто это, но обоняние и тактильная чувствительность помогли ей узнать в лежащем на полу человеке Наталью Ивановну. Женщина лежала на спине, непроизвольно взмахивая руками, словно пытаясь ухватиться за пустоту. Ее рот открывался в тщетных попытках захватить побольше воздуха для вдоха. Кожа учительницы была покрыта холодным липким потом, а сердце... Тут Кристину осенило. Сердце, ну, конечно же, сердце! В голове продолжался страшный звук трепещущего сердца Натальи Ивановны, которое из последних сил боролось с инфарктом. Кристина быстро осознала, что произошло. В ту же секунду она поборолла свою панику и бросилась к входной двери. Буквально выбив ее, она выбежала в коридор и начала звать на помощь. Девочка кричала так громко, как не кричала никогда. Слезы душили ребенка, но из-за повязки на глазах они не убывали, а скапливались в полости носа, сильно затрудняя дыхание. На крик вскоре прибежали люди. Кристина в этот момент уже была в истерике и кричала не останавливаясь. Кто-то крепко ее обнял и попытался увести из коридора, но девочка, не осознавая того, начала отбиваться, пытаясь вернуться обратно в комнату. В следующее мгновение она почувствовала теплые руки у себя на лице. Кто-то взял ее голову горячими и сильными ладонями и зафиксировал в одном положении. Ровный и настойчивый голос сначала показался просто набором звуков, но по мере того, как Кристина приходила в себя, звуки превращались в слова, а слова в предложения. Еще через мгновение девочка узнала голос Алексея Соловьева:

— ...слышишь меня? Все будет хорошо, слышишь?! — Доносился голос журналиста. — Слушай меня, Кристина! Слушай мой голос! Слышишь? — Девочка закивала головой судорожно глотая слезы.

— Что с тётей Наташей? — Наконец, смогла внятно спросить Кристина.

— С ней все в порядке, ей уже оказывают помощь. — Уверенным, ровным голосом говорил Соловьев. — К ней уже прибежали врачи, они помогут ей. Нам лучше не мешать, давай-ка уйдем отсюда.

Алексей увел шокированную девочку по коридору в сторону гостиной. Усадив ее в

глубокое кресло, он быстро приготовил крепкий сладкий чай и заставил Кристину выпить его. Уже на последнем глотке Кристина поняла, что, наконец, приходит в себя. Шум в голове полностью прекратился, руки перестали трястись, а слезы перестали скатываться градом в горло.

— Нам нужно поехать с ними. — Успокоившись окончательно, твердо сказала Кристина.

— Поехать куда? — Удивился Соловьев. Девочка молча повернула голову к окну, и тут до слуха журналиста долетел звук отъезжающего автомобиля. Алексей быстро вскочил с кресла и выглянул в окно. Из ворот выезжал небольшой реанимобиль, очевидно, имевшийся у клиники "Хоуп". Алексей в очередной раз подивился проницательности своей юной знакомой и внимательно посмотрел на Кристину:

— Что произошло, подруга? — Как можно мягче спросил он.

— Я толком сама не поняла, — медленно начала девочка, — я проснулась, и мне захотелось чаю. Наталья Ивановна спала, не хотелось её будить. Я встала, приготовила себе чай и после того как выпила его, пошла мыть кружку. Затем я услышала шум в комнате, а, выбежав из ванны, наткнулась на лежащую Наталью Ивановну.

Девочка медленно встала и осторожно подошла к окну, где стоял Алексей:

— Я очень испугалась, — тихо произнесла Кристина.

— Я знаю малышка, — по-доброму отозвался Алексей, прижимая ребенка к груди, — любой бы испугался на твоём месте. Но ты молодчина! Ты вовремя позвала на помощь! Если бы не ты, — Соловьев запнулся, — неизвестно, как бы все сложилось. А так, твоя учительница сейчас спокойно едет в больницу, где есть квалифицированные врачи. А через пару часов мы попросим нашего дорогого Эдварда Бойля устроить нам поездку к Наталье Ивановне в больницу.

— Это она из-за меня переволновалась! — Со слезами в голосе начала Кристина. — Не нужно было ей вообще ехать со мной! Это из-за меня её сердце не выдержало!

— Сердце? С чего ты взяла, что у нее сердце отказало? Может она просто упала в обморок. Устала, перенервничала, проснулась, увидела, что никого нет рядом, и резко поднялась с кровати. Закружилась голова и она потеряла сознание, так бывает. — Как можно добродушнее произнес журналист.

— Нет, Лёш, это сердце, уже шепотом произнесла девочка, стараясь дотянуться до его уха, — это оно отказало, я слышала это!

— То есть ты послушала ее сердце, когда она упала? — так же тихо спросил Соловьев.

— Нет, — протянула Кристина, — я слышала, как ее сердце рвется на части, ещё стоя в ванной. Понимаешь? За несколько метров это слышала. Звук был настолько сильным, настолько осязаемым, что я практически это видела у себя в голове!

Девочка шептала так быстро, так взволнованно, что Алексей даже не подумал усомниться в ее словах. Он приложил палец к её губам и попросил остановиться. — Кругом одни камеры и прослушка, — он старался говорить, как можно тише, одновременно ведя ее к выходу из здания. Но на крыльце их догнал знакомый голос Эварда Бойля.

— Молодые люди, можно вас на минуточку. — Довольно дружелюбным тоном прокричал он им вслед. Молодые люди остановились и подождали спускающегося по лестнице хирурга.

— Как вы мисс Громова?

— Я сильно испугалась, но уже взяла себя в руки, спасибо мистер Бойль. Алексей

помогает мне. С ним я гораздо быстрее успокаиваюсь. — Ответила девочка, стараясь поворачивать лицо в сторону от врача.

— Уверю, вам не стоит беспокоиться! Наталья Ивановна в руках лучших врачей Берна, они ее в два счета на ноги поставят! — Сказал Бойль, как можно бодрее, — и, предугадывая следующий вопрос, предупредил. — К сожалению, поехать к ней мы сегодня не сможем. Я созванивался с доктором, который с ней уехал, он считает, что на ЭКГ, снятой в машине скорой помощи, есть признаки поражения миокарда.

— У Натальи Ивановны что-то с сердцем? — искренне удивившись, уточнил Соловьев?

— Боюсь, что да, но, повторяюсь, я не призываю вас к панике. В Берне прекрасные кардиологи, если у Натальи Ивановны и есть проблемы с сердцем, они решат их в кратчайшие сроки. Я отвлек вас от прогулки, молодые люди, — с той же добродушной улыбкой продолжил хирург, — прошу меня извинить, нужно бежать, — Бойль кивнул Алексею и удалился.

Какое-то время Алексей и Кристина молча бродили по аллеям парка, но любопытство журналиста взяло верх над тактом.

— Так ты, говоришь, услышала, что твоей учительнице плохо?

— Я услышала стук её сердца, а затем оно начало страшно биться. Казалось, оно хочет остановиться вовсе.

— Ты раньше такое уже слышала? — Осторожно продолжил Алексей.

— Я конечно лучше слышу, чем многие вокруг меня, но не до такой степени, чтобы различить звук биения сердца на расстоянии в три метра, да еще и за закрытой дверью.

Соловьев видел, что девочка сбита с толку так же сильно, как и он сам.

— А моё сердце ты сейчас не слышишь?

Кристина остановилась, повернулась к Алексею и затаила дыхание.

— Нет, твое сердце я сейчас не слышу, но могу поклясться, то ощущение было реальнее, чем это только можно себе представить. Реальнее, чем наш разговор сейчас.

Алексей не мог уложить в своей голове то, о чем говорила Кристина. Он посмотрел вверх, на макушки исполинских сосен, величественно покачивающихся на ветру, сцепил руки в замок на затылке и потянулся, разминая затекшие суставы. Вновь повернувшись к своей собеседнице, он обнаружил ее застывшей на месте. Девочка глубоко и часто дышала, а ледяная бледность и дрожь в руках выдавали в ней страх. Алексей испугался:

— Что? Что случилось Кристина?

— Сделай так еще раз, — попросила она.

— Сделай что? — Не понял Соловьев.

— Ты же сейчас потянулся, да?

— Да, но как ты... — Алексей не закончил вопрос, ответ на который уже вырисовывался в его разуме. Он медленно проделал всё тоже самое: поднял голову вверх, затем сцепил руки за затылком и потянулся всем телом.

Кристина тут же вздрогнула. Перед ее взглядом, словно на мониторе ультразвукового аппарата появилось изображение позвоночника Алексея. Она увидела три источника звука и три отходящих от них волны, бегущих по всей длине позвоночного столба. Суставы в трех позвонках Алексея Соловьева были сильно деформированы, и при больших амплитудных движениях поврежденные суставные поверхности терлись друг о друга, что сопровождалось тишайшей звуковой волной, но мозг Кристины, каким-то непостижимым образом, улавливал эти звуки.

Глава 17

После событий вечерней прогулки, которые, мягко говоря, породили больше вопросов, чем что-либо разъяснили, Кристину попросили пройти на осмотр. За ней спустился Роберт Бойль и увел в смотровой кабинет, находящийся неподалеку от ее палаты. Внезапный интерес к самочувствию девочки был спровоцирован несчастным случаем с Натальей Ивановной. Молодой доктор был обеспокоен состоянием своей пациентки и хотел убедиться, что шокирующие события, произошедшие в столь ранний срок после сложнейшей операции, никак не отразятся на состоянии Кристины.

Дав девочке время, чтобы прийти в себя, он попросил медсестру Мери сделать Кристине успокаивающий укол и после процедуры отпустил девушку отдыхать. Как только Мери вышла, Бойль собственноручно измерил Кристине давление и температуру. Выглядела девочка взволнованно, даже на фоне успокоительного. Роберт старался делать все процедуры как можно мягче, но в данный момент успех всей проделанной работы был под угрозой срыва. Ученый волновался, и движения выходили, несколько, скованными. От Кристины также не ускользнули и нотки волнения в его голосе.

— Как вы себя чувствуете мисс Громова? — Спросил он, разматывая всё еще влажные бинты, заранее приглушив свет.

— Чувствую я себя хорошо, мистер Бойль, — стараясь скрыть нарастающую в ней тревогу, произнесла Кристина, — я очень волнуюсь за тетю Наташу! Мне кажется, это я причина тому, что произошло. Она так сильно за меня переживает... И если бы ничего этого не было, — девочка обвела головой комнату, — то и с тетей Наташей было бы всё хорошо.

Бойль младший закончил разматывать бинты. Он предупредил Кристину о том, что собирается поменять повязку и, что ей не стоит открывать сейчас глаза.

— Ну вы же понимаете, Кристина, что произошедшего вернуть нельзя. То, что однажды произошло, останется фактом из прошлого, уже свершившимся фактом.

— Конечно, я это понимаю, доктор, но волнение от этого никуда не деваются.

— Волнение из-за произошедшего останутся, я не говорил, что вы перестанете волноваться за Наталью Ивановну. Но осознание того, что уже произошло и отменить произошедшее нет никакой возможности, позволит вам взглянуть на ситуацию с другой стороны.

Кристина не была уверена, что правильно перевела фразу доктора и уточнила:

— Хотите сказать то, что произошло это плохо, но нужно принять это, как уже свершившееся?

— Вы абсолютно правильно поняли то, что я пытаюсь сказать, Кристина.

Роберт окончательно снял повязку и проверил швы. Убедившись в их состоятельности, он хотел, было, наложить повязку заново, но в его голове родилось сильное желание заглянуть на несколько дней вперед. Не сумев побороть искушение, он начал готовить электроэнцефалограф и, для того, чтобы скрыть от Кристины свои намерения, продолжил отвлекать ее разговором.

— В нашем мире есть события, которые случаются независимо от нашей воли. Землетрясения, цунами, болезни, да что угодно может произойти. Люди, как правило, стремятся познать причину произошедшего и это тоже важно! Но большинство упускают самое главное.

— А что самое главное? — Заинтересовалась Кристина.

Роберт закончил подготовку сложного прибора и начал смазывать контакты на

специальной шапочке для считывания показаний биоэлектрической активности мозга.

— Многие слишком сильно увлекаются поисками причин произошедшего, — продолжил он. — И при этом забывают, что прошлого не вернуть. Можно провести анализ случившегося, с целью предотвращения подобного в будущем, но заикливаться на этом не стоит. С чем люди сталкиваются, когда попадают в беду? Они сталкиваются со свершившимся фактом. Событие произошло и точка. И, на мой взгляд, после того, как все свершилось, рациональнее тратить силы и средства на решение уже имеющейся проблемы, вместо того, чтобы искать причины в себе и окружающем мире.

С этими словами он аккуратно надел на голову Кристины шапочку энцефалографа ещё до того, как она сообразила, что происходит.

— Вы сейчас, пожалуйста, не двигайтесь, Кристина. Я проведу кое-какие исследования, чтобы исключить негативное влияние стресса на ваше самочувствие. — Произнес Бойль, внимательно устанавливая на приборе нужные параметры.

Кристина же слишком поздно сообразила, что происходит. Но деваться было некуда. Изменение поведения только разбудит подозрения, решила она и постаралась успокоиться. Раньше ей уже снимали энцефалограмму, и она была хорошо знакома с данной процедурой. Роберт уложил девочку на, не очень удобную, кушетку и попросил расслабиться. Маленькая пациентка повиновалась. Следующие десять минут прошли в абсолютной тишине. В какой-то момент Кристине показалось, что у Роберта Бойля изменилось дыхание. Но он находился на таком расстоянии от нее, что девочка не могла быть уверена в том, что правильно интерпретировала услышанное. Затем он встал и подошел к стационарному телефону в другом конце процедурной комнаты. Снял трубку и через какое-то время произнес. — Прошу прощения, вы не могли бы зайти в процедурную?

У Кристины сердце ушло в пятки. Вот оно! Началось! Энцефалограмма показала что-то и Роберт Бойль сейчас похоронит её заживо, сам того не желая. Доктор, тем временем, спокойно снял шапочку энцефалографа с головы Кристины и аккуратно наложил повязку.

— Ну, вот и всё на сегодня, мисс Громова. — Совершенно спокойным голосом произнес он. — Надеюсь, до вас дошел смысл сказанного мною. Не переживайте о случившемся. Не в наших силах исправить прошлое, но мы можем сделать все, чтобы будущее, которое еще не наступило, было лучше. Наталья Ивановна в руках лучших врачей Швейцарии и мы приложим все усилия, чтобы вернуть ее к нам в полном здравии.

Кристина почувствовала, что Роберт Бойль говорил с теплой улыбкой на лице, и хотела, было, аккуратно спросить о результате исследования, но ее вопрос опередил осторожный стук в дверь процедурной. Учёный молча впустил того, кого вызывал пять минут назад по телефону.

— Вы, несколько, застали меня врасплох, — произнес Алексей Соловьев, и Кристина громко выдохнула, узнав голос друга. Оба повернулись в сторону облегченного вздоха, но решили не акцентировать внимания на подобных мелочах.

— Да, прошу прощения, мистер Соловьев, не хотел отвлекать вас, но, в виду сложившихся обстоятельств, нам необходимо решить один вопрос. Так как официального опекуна Кристины в ближайшее время не будет на месте, мне хотелось бы попросить вас взять на себя часть функций Натальи Ивановны. Мы переселим Вас поближе к Кристине. Всю основную работу по уходу я уже поручил Мери, но, думаю, для моей юной пациентки будет не лишним постоянное присутствие рядом соотечественника. К тому же, мне показалось, вы довольно сильно сдружились за последние дни. Как вы смотрите на мое

предложение?

— Да тут и обсуждать нечего, я и без того не оставил бы Кристину одну, — горячо поддержал Роберта Алексей.

— Конечно, если юная мисс не будет против этого предложения. — Уже обращаясь к Кристине, добавил Бойль. Девочка просияла и радостно ответила:

— Юная мисс совсем не против, а очень даже за! — Уже обронив эту фразу, Кристина спохватилась, не сболтнула ли она лишнего и густо покраснела, опустив голову. Роберт Бойль сделал вид, что не заметил смущения пациентки и разрядил ситуацию.

— Уже поздно, — констатировал он, — вы не отведете Кристину в ее комнату?

— Да конечно.

Они пожелали друг другу доброй ночи, и Соловьев, взяв Кристину за руку, медленно повел ее в палату.

Кристине страсть, как хотелось рассказать Алексею всё, что произошло, но она боялась привлечь к себе внимание прослушки, а потому сдержалась, приберегая рассказ до завтрашней утренней прогулки по парку. Соловьев проводил, теперь уже, свою подопечную до её палаты. Помог разобрать кровать и, интуитивно поняв, что Кристине есть что рассказать, решил удалиться и дать девочке отдохнуть. Вечер выдался богатым на эмоции и после приёма сильного успокоительного девочка моментально уснула.

Алексей же получив от сестры-хозяйки ключи от номера по соседству, перенес туда весь нехитрый скарб и, к своему удовольствию, отметил, что номера на первом этаже гораздо уютнее тех, что были на верхних этажах. Мебель была куда удобнее и дышала домашним уютом. Стены были не выкрашены, как наверху, а поклеены уютными обоями в цветочек. Окна были завешаны нежно-голубыми шторами. Ощущение больницы улетучилось моментально и журналист, приняв вечерний душ, предпочел не задаваться новыми вопросами и дожидаться утра самым, что ни на есть, приятным способом, просто уснув.

Ближе к вечеру наружное наблюдение доложило агенту Элис Смитт о перемещениях за день: территорию «кротов» покинул реанимобиль в сопровождении автомобиля охраны. Кортёж направился напрямик в частную клинику, что располагалась к западу от Берна. Автомобиль наружки передал слежку коллегам из второй зоны наблюдения, и уже через пятнадцать минут был получен доклад о том, что в реанимобиле базу «кротов» покинула Наталья Ивановна Корелина — опекун Кристины Громовой. Хаккерам группы не составило большого труда взломать сервер частной клиники и получить информацию о вновь поступивших пациентах. Оказалось, что у женщины диагностировали инфаркт миокарда вследствие закупорки одной из коронарных артерий. Пациентка Корелина помещена в кардиологическое отделение и уже получает полный курс лечения, предусмотренный внутренним уставом клиники. К ее палате приставлена охрана из двух человек, вероятно из числа охранников на объекте наблюдения. Больше полезной информации докладная записка не несла, и Элис отложила ее в сторону.

С одной стороны эта ситуация не выглядела оптимистично, инфаркт не может вселять оптимизм, но с другой стороны, Наталья Корелина была самым слабым звеном в связке Соловьев — Громова — Корелина. Журналист настоял на том, чтобы рассказать всё опекуну Кристины — Наталье Корелиной, иначе он не смог бы координировать их действия. Но именно Корелина, как эмоционально заинтересованный человек, меньше всего внушала доверия. Рано или поздно ее эмоции выдали бы всех с потрохами. Тогда вывести из игры

всех её участников без потерь было бы практически невыполнимой задачей. Сейчас же ситуация показалась для Элис более выгодной, чем раньше. Лёжа в больничной палате, она никому не сможет сболтнуть лишнего. Да и выкрасть ее и передать Российским властям, было бы гораздо удобнее из больницы. Всё меньше заложников, подумала Смитт и решила, параллельно с основной работой, разрабатывать стратегию в отношении Натальи Корелиной.

Глава 18

Алексей Соловьев собирался проснуться раньше, чем обычно. Этим утром он хотел первым разбудить Кристину и предложить ей прогулку. Прошлым вечером им так и не удалось объясниться, хотя оба испытывали острую в том необходимость. Что-то произошло во время осмотра доктором Бойлем, и Кристина явно желала поведать о том. Всем своим видом она выказывала нетерпение, но не могла позволить себе заговорить в стенах клиники. Вскоре её нервозность, с легкостью передалась Соловьеву. К слову сказать, эта ночь была далеко не самой лучшей в жизни журналиста. Сознание покинуло его, как только голова коснулась подушки, но часа через два "любимое" сновидение вновь заставило Алексея проснуться в холодном поту. Как правило, после таких пробуждений сон больше не задерживался в комнате Алексея и ему, дрожащему от холода и страха, приходилось коротать остаток ночи, занимая себя, чем придется. Конечно, спасала работа, но иногда и ее не хватало. Тогда Алексей просто слонялся без дела по городу. Выходил в ночь и шёл, куда поведут ноги. Чаще подобные прогулки заканчивались у стен здания, где располагалась его редакция. Коллеги по перу не догадывались об этой странной привычке, лишь удивленно разводили руками, мол, каким это образом Соловьеву удается оказываться на работе раньше всех, хотя, путь от его дома до места работы пролегал, чуть ли, не через половину Москвы? Сам Алексей улыбался после каждой колкости на этот счёт и отговаривался простым "рано встаю". Лишь его непосредственный начальник Порохов знал о странной склонности своего протеже. Поскольку сам редактор страдал хронической бессонницей и с той самой работы, зачастую, просто не уходил, ему не раз доводилось видеть ранние визиты Соловьева. Впрочем, подобное рвение к работе трудоголику Порохову льстило и, как следствие, Соловьев у главного редактора ходил в любимчиках.

Наспех натянув больничный костюм и укутавшись шерстяным пледом, Алексей вышел из комнаты и направился вдоль длинного коридора к парадному выходу. Проходя мимо палаты Кристины, он на минуту остановился и приложил ухо к двери. В номере царил тишина, слышно было лишь тиканье часов, что висели тут же в коридоре, прямо напротив дверей. Соловьев постоял еще секунду и продолжил путь к выходу. Добравшись до темной гостиной, он бросил взгляд на кресла, где, прошлой ночью имел не самый приятный разговор с Эдвардом Бойлем. Кресла на сей раз пустовали, и Соловьев побрел прочь от них к выходу. Дверь парадного входа оказалась заперта. Тщетно подергав ручку и убедившись, что без ключа выбраться на улицу ему не удастся, Алексей решил пройти дальше по коридору в соседнее крыло здания. Наверняка же есть и другие выходы, техника безопасности в такой стране, как Швейцария отнюдь не является пустым звуком. Запасные выходы, да еще и в пансионатах для пожилых людей были не просто логичны, а жизненно необходимы. К своему удивлению, пройдя вдоль всего левого крыла здания, журналист не встретил ни одного запасного выхода. Комплекс состоял из трех блоков — центрального здания и двух корпусов, соединенных между собой остекленными коридорами. В боковых корпусах, вероятно, находились хозяйственные помещения и основная часть палат. Но при этом, как

внимательно ни всматривался Соловьев в тускло освещенные ночными фонарями стены коридоров, ни одного запасного выхода он так и не обнаружил. Несколько озадаченный, он пошёл обратно. Проходя мимо стеклянных дверей лестничного пролета, журналист обратил внимание на то, что в отличие от крыла, где раньше жил он сам, эта лестничная площадка имела еще один пролет вниз. Профессиональное любопытство взяло верх над опасением быть обнаруженным, и Алексей решил выяснить, куда ведёт, столь неприметная, лестница. Возможно, это и есть запасной выход, перебирал варианты Соловьев, или там дверь в подвал. Причем если это действительно так, то подвал у подобного здания должен был быть внушительным. Здания, предназначенные для медицинских нужд, всегда имеют массивные подземные коммуникации, которые в мирное время служат складами, котельными, насосными и энергетическими станциями, а в случае чрезвычайных ситуаций и надежным укрытием для персонала и пациентов.

Соловьев, стараясь не создавать много шума, медленно спустился на один пролет вниз, затем лестница делала разворот на сто восемьдесят градусов и уходила глубже. Заинтригованный Алексей медленно спускался по тёмной лестнице. Внизу виднелось слабое зелёное свечение, служившее Соловьеву ориентиром. Добравшись до странного света, журналист наткнулся на массивную металлическую дверь. Ни замков, ни петель Алексей не обнаружил. Слабым зелёным свечением оказался небольшой экран с дружелюбным предложением коснуться большим пальцем левой руки и ввести код. Последний раз подобные двери Алексею приходилось видеть в шпионских боевиках. Оценив ситуацию, как бесперспективную, а иной оценки тут и быть не могло, поскольку дверь сама не открылась бы, а нужного пальца поблизости не было, Соловьев быстро поднялся на первый этаж. Если не удалось сразу выяснить, что скрывают за потайной дверью, так пусть лучше думают, что он и не знает о ней ничего. Вернувшись в свою палату, Алексей уселся за стол. Ноутбук из его номера в отеле все еще не привезли, а пользоваться предоставленным ему стационарным компьютером журналист не захотел. Алексей просто взял ручку и чистый лист бумаги, но размышления вновь отвлекли его от написания очередной статьи в редакцию. Его вылазка, кажется, осталась никем не замеченной, и потому можно было записать её на свой счет. Во-первых, выяснилось, что покинуть здание не так то и просто. Любое перемещение по периметру фиксировалось камерами, а внутри самого здания круглосуточно писался звук, хотя наверняка скрытые камеры тоже были. Во-вторых, Алексей обнаружил странную потайную дверь с высокой степенью защиты. И все это на фоне отсутствия каких-либо запасных выходов. Нет, это здание явно не предназначалось для размещения пенсионеров. Подобные меры безопасности годились для того, чтобы жить в автономном режиме месяцами. Почувствовав, что нить рассуждений ведет его в правильном направлении, Соловьев продолжил рассуждать. Итак, хорошо охраняемая база с забором, окруженным колючей проволокой под напряжением. Всего один вход, он же и выход. Круглосуточная видео и аудио слежка за постояльцами. Плюс массивная дверь в подземелье. Алексей был готов поклясться, что за той дверью скрывалось сердце всей базы. Все коммуникации, возможно автономные источники электроснабжения укрытия, бункер и, Бог знает, что еще могли скрывать подземные коридоры этого странного сооружения. Ещё одна мысль промелькнула в голове журналиста. Создатели этой цитадели не могли сами себя загнать в ловушку, оставив себе всего один выход и всего один контрольно пропускной пункт на территории. Наверняка подземная часть здания имеет соединение с внешним миром. Может тоннель или подземные реки, размышлял Алексей, а может и что посерьёзнее.

С этими тревожными мыслями Соловьев встретил рассвет. В половине седьмого утра он услышал, как по коридору кто-то прошел. Шаги стихли лишь на пять минут и затем вновь стали приближаться, сопровождаемые непонятным позвякиванием. Соловьев открыл дверь и увидел медсестру Мэри, вкатывающую в палату Кристины небольшую тележку с завтраком и утренней порцией медикаментов.

— Доброе утро, Мэри! — как можно бодрее поприветствовал Соловьев медсестру. Но та от неожиданности вскрикнула и, чуть было, не выронила связку ключей. Кое-как уняв поднявшийся звон, Мэри воскликнула:

— Бог ты мой, мистер Соловьев, вы меня до смерти напугали! Я никак не ожидала встретить вас так рано!!!

Алексей смутился, такой реакции на свою персону он явно не ожидал.

— Прощу простите, я не хотел вас напугать. — Начал оправдываться Соловьев. — Вчера мистер Бойль попросил меня приглядывать за Кристиной, и я переехал поближе к ее палате.

— Что ж, мистер Соловьев, — несколько успокоившись, произнесла медсестра, — тогда давайте разбудим Кристи.

Они вместе вошли в палату к Кристине, но девочка уже не спала. Она сидела посередине кровати в своей пижаме и сладко тянулась.

— Доброе утро, Мэри, доброе утро, Лёша! — Промурлыкала Кристина, потягиваясь и постели.

— Доброе утро, Кристина! — Хором ответили они. Мэри изумленно взглянула на журналиста, но удивления на его лице не обнаружила.

— Как тебе это удастся? — Воскликнула Мэри?

— Что именно мне удастся? — Наслаждаясь смятением медсестры, спросила Кристина.

— Ты же не видела нас, как ты поняла, что мы вдвоем и что вошли именно мы?

Алексею стало интересно, как выкрутится на этот раз его смышленная подруга и с неммым вопросом уставился на Кристину.

— На самом деле все просто, — начала девочка. — Когда ты, Мэри,ходишь, комната наполняется сладким кокосовым ароматом твоего парфюма, и я понимаю, что это ты, задолго до того, как ты заговоришь. А о том, что сегодня ты не одна я узнала по крикам за дверь. Поскольку Лёша единственный постоялец, отныне проживающий неподалеку, то напугать тебя мог только он, и я предположила, что вы зайдете вдвоем, после столкновения в коридоре.

Алексей похлопал в ладоши, отдавая должное дедуктивным способностям Кристины и, еще раз, пожелав ей доброго утра, удалился к себе.

Мэри поставила девочке очередную капельницу и принялась сервировать стол для завтрака.

— Мэри, вы не могли бы спросить у мистера Бойля, когда мы поедем в больницу? У Роберта Бойля, — уточнила Кристина, подумав, что молодой Бойль более сговорчив, нежели его отец.

— Конечно, Кристина. Я спрошу у него, как только он появится у себя.

— А разве мистер Бойль не у себя? — Изображая самую наивность, поинтересовалась девочка.

— Нет, он покидает территорию каждый вечер, ночует в городе, а каждое утро возвращается обратно, как, впрочем, и его отец.

Кристине слова Мэри показались правдоподобными, по крайней мере, никаких

признаков лжи она не уловила. Но, тем не менее, девочка понимала, что медсестра либо искусно лжет, либо сама глубоко обманывается. Ни разу за все время пребывания в этой клинике девочка не слышала с улицы звуков отъезжающих автомобилей. Разве что вчера, когда увозили Наталью Ивановну. А значит, ни один из Бойлей не покидает клинику, или делают они это, не прибегая к помощи транспортных средств. Свои выводы Кристина оставила при себе и не стала больше расспрашивать Мэри. Завершив все положенные процедуры, медсестра сняла с повязки девочки еще один слой, как и предписывал Роберт Бойль. Затем Кристина попросила помочь ей переодеться и после сама зашла за Соловьевым. Передав свою подопечную в руки журналиста, Мэри удалилась по своим делам, а Алексей и Кристина, весело болтая о пустяках, не сговариваясь, пошли на прогулку в парк. Парадная дверь уже была открыта, и утро встретило молодых людей чистейшим, прозрачным воздухом, бодрящим лучше всякого кофе.

Глава 19

Дежурство подходило к концу. Джон Глоу ждал сменщиков, которые должны были появиться с минуты на минуту. Его напарник был не особо разговорчив, и беседу завязать не удалось. Джон поступил на службу три месяца назад. Тогда он остро нуждался в деньгах. Завод, на котором он работал охранником последние пять лет, обанкротился, и весь персонал остался на улице. Тогда ему и предложили эту работу в Европе. Совершенно случайно, в одном из баров Торонто, Джон встретил бывшего сослуживца. Они вместе прошли Ирак и были довольно близки. Несколько серьезных заварушек, из которых они вышли вместе, сделали их братьями, но война закончилась и судьба раскидала всех ее участников по свету. Вернувшись домой в Лондон, сержант Глоу не поладил с новым начальством и был вынужден уволиться со службы. Пришлось податься к родне в Канаду, где обещали стабильную работу в охранном предприятии. До поры до времени размеренная жизнь в деревушке неподалеку от Торонто нравилась Джону. Он обзавелся новыми знакомыми и, поскольку по натуре своей был прост, как валенок, умудрился влезть в азартный мир покера. Первое время ему везло, но жизнь всегда все расставляет по своим местам. Одного везения в покере явно не хватало, а поскольку особым даром к математике Джон не обладал, то вскоре начал обрастать долгами. Чем крупнее становились его задолженности, тем сильнее был соблазн погасить их одним махом, сорвав большой куш. Но чудес не бывает и каждая новая попытка выползти из бремени долгов оканчивалась еще большим оброком. Ситуация начала выходить из-под контроля, и в то же время накрылся и его единственный источник дохода — работа в охране небольшого завода по переработке рыбы. Кредиторы начали угрожать и для того, чтобы рассчитаться с долгами Джону дали всего неделю. В поисках решения бывший военный решил податься в вышибалы и начал обивать пороги всех близлежащих баров. Там-то он и встретил бывшего сослуживца Тома Гэрроу. Встреча была радостной, но обременительное положение Джона, естественно, всё омрачило. Герроу угостил бывшего сослуживца крепким виски, и когда они оба изрядно «накидались», Джон поведал другу о своих несчастьях. Герроу несколько не удивился и, подливая Джону очередной стаканчик, пообещал поразмыслить над тем, как помочь другу. Расстались под утро. Джон даже не помнил, как оказался в мотеле, где проживал в последнее время. На кофейном столике Глоу обнаружил плотный конверт с надписью "твоя новая жизнь". В конверте лежала тугая пачка денег и билет на самолет в один конец до Женевы. Конверт сопровождала записка, из которой стало ясно, что деньги это аванс и предназначены они для оплаты долгов Джона. Отказаться от подобного подарка судьбы Глоу

не мог, а потому не стал рисковать, внезапно свалившимся на него счастьем, и просто рассчитался с кредиторами. Хотя для этого Джону пришлось пройти через медные трубы искушения отыгратья и остаться в плюсе. Но выбор был сделан в пользу Европы. Через двое суток он вылетел в Швейцарию. В аэропорту его встретил Герроу и на личном авто отвез за город. Место, куда привезли Джона, оказалось каким-то загородным полигоном, где проходили обучение и аттестацию такие же, как и он наемники. Том, как выяснилось позже, служил в штабе этой организации и занимался поиском и подбором персонала. В свете этих новостей Джон даже начал сомневаться в случайности их встречи. Бывшему военному дали понять, что организация эта глубоко законспирирована и основной ее функцией была защита объектов, сооружений и людей. Своеобразное частное охранное предприятие, только с правом на ношение огнестрельного оружия. В первый же день, Глоу дали решить несколько тестов, наподобие тех, что ему приходилось решать, будучи морпехом её Величества. По итогам тестирования его распределили в отряд охраны и сопровождения. Началось шестимесячное обучение. Помимо физической и огневой подготовки в лагере обучали подрывному делу, основам диверсионной деятельности и делали сильный упор на тактическое обучение. Каждый день курсанты просматривали короткие личные дела потенциальных объектов защиты. Они представляли из себя тонкие папки с фотографиями и краткими сведениями об объектах. Как выяснилось позже, это было необходимо, для того, чтобы, в случае необходимости, боец организации, получивший приказ, мог, не тратя времени на изучение объекта, приступить к выполнению задания по охране или сопровождению. Джон осознавал, что проходя обучение в лагере он, фактически, вербуетя в организацию, о которой до этого момента не был ни сном, ни духом. Но менять он ничего не хотел. Во-первых, каждый курсант с первого дня обучения получал приличное жалование. Во-вторых, эта организация одним махом решила все его проблемы с кредиторами, а это обязывало Джона на определенную отдачу. И, в-третьих, Джон Глоу, потомственный военный, которого поперли из вооруженных сил Великобритании, по сути в жизни больше ни чем и не мог заниматься. А в этой организации он мог работать и быть полезным. А кого охранять и от кого охранять было, в общем-то, не важно, лишь бы деньги платили, да в душу не лезли.

После завершения стажировки Джона отправили в Берн охранять объект под названием К-34. То был небольшой с виду комплекс, оборудованный по последнему слову техники. Объект оказался полностью автономным, с широко разветвленной системой подземных тоннелей и бункеров. Подобное здание с хорошо обученной охраной могло месяцами держать оборону против любого врага. Поначалу Джон удивлялся, кому и, собственно, зачем в центре тихой страны понадобилось выстроить столь укрепленное сооружение? Но со временем природное безразличие Джона взяло верх, и он просто стал выполнять свою работу. Не лучше и не хуже остальных. Никто вокруг не задавал лишних вопросов, и Глоу решил придерживаться именно такой тактики. Он знал свое непосредственное начальство и отлично справлялся со всеми поставленными задачами. Его все устраивало, и всех вокруг все устраивало, а это означало, что лишние вопросы в подобном месте просто ни к чему.

Джон в очередной раз бросил взгляд в сторону напарника, дежурившего в эту ночь с ним. Убедившись, что общение не конёк его сослуживца, Глоу потянулся за рацией, чтобы узнать, когда их сменят. Пошло двенадцать часов с момента, как их приставили к палате русской женщины. А спал Джон последний раз уже больше суток назад. Усталость тянула веки вниз, и голова начинала заполняться дремотным бредом. Мысли путались, перед

глазами мельтешили мушки. Для того чтобы не уснуть Джону приходилось развлекать себя, разглядывая происходящее вокруг. По рации ответили, что смена прибудет через полчаса, и надо было как-то продержаться оставшееся время, не уснув на посту. Глоу стал вновь разглядывать людей, то и дело появлявшихся в коридорах клиники. Санитары и медсестры проходили мимо, увлекаемые срочными делами. Врачи появлялись реже, но отличались от среднего медперсонала. Это была почти неуловимая разница, но все же в движении врачей была какая-то вальяжность и стать. Они не торопились, как медсестры, но все же их перемещения были стремительными, никаких лишних движений, никакой лишней болтовни. За ночь дежурства Джон запомнил почти весь персонал на этаже и даже двух пожилых пациенток, попеременно курсировавших от своих палат до автомата с кофе и обратно. Внимание Джона привлекло новое лицо. Стройная брюнетка вышла из лифта и направилась в их сторону. Судя по форменной одежде и подносу с медицинским инструментарием, это была медсестра, но за последние двенадцать часов он ни разу не видел ее на этом этаже. Девушка уверенно прошла мимо охраны на пост дежурной медсестры, задержалась там на минуту, изучая какую-то документацию и, так же уверенно, прошла обратно к палате пациентки Карелиной. Джону была дана инструкция никого не впускать в палату, не убедившись, что это именно медперсонал клиники. Оба охранника синхронно преградили дорогу незнакомой медсестре с подносом в руках и Глоу вежливым, но не терпящим пререканий тоном произнес:

— Предъявите ваш пропуск мисс...

— Лейн, Дана Лейн, медсестра, — представилась брюнетка, несколько смутившись, и тут же затараторила, — мне передали, что палата 37 под охраной, но я не думала, что все так серьезно.

Девушка протянула Джону пропуск, удостоверяющий личность. На пластиковой карте красовалась ее фотография, фамилия, имя и микрочип. Глоу внимательно изучил пропуск и перевел взгляд на медсестру.

— За последние сутки я впервые вас вижу, мисс Лейн. — С ноткой недоверия протянул Джон. Девушка улыбнулась.

— Ну не думаете же, вы, что врачи и медсестры бессменно работают в больнице круглыми сутками?

— Хотите сказать...

— Да, — перебила медсестра, — я сменила Кетрин и заступила на дежурство полчаса назад. И следующие сутки вы мистер... — девушка сделала паузу.

— Мы не представляемся, — смущенно ответил Джон, понимая, что проявил излишнюю бдительность, — и я сменюсь через несколько минут, так что мы больше не увидимся.

— Не важно. В любом случае я должна выполнять свою работу. Вы пропустите меня?

Девушка явно разозлилась из-за задержки. «Должно быть, у неё дел невпроворот», — подумал Джон и отошел в сторону, пропуская медсестру в палату. Ему стало несколько совестно, но вида он не показал. Медсестра Лейн зашла в палату и закрыла за собой дверь. Джон остался в коридоре и взглянул на своего молчаливого напарника. Тот пристально смотрел на пропуск медсестры, который так и остался у Джона в руках. Нужно отдать его ей, как только выйдет, подумал Глоу, но вдруг над палатой зажглась красная лампа и начала мигать. К сигналу лампочки присоединилась звуковая сирена и на нее тут же отреагировала медсестра на посту. Она вызвала бригаду реанимации, выкрикнув что-то неразборчиво в

трубку телефона. Джон не стал дожидаться врачей и быстро зашел в палату.

— Не стойте столбом, помогите переложить ее! — Грозно прокричала медсестра, одевая на лицо русской женщины кислородную маску. Джон подбежал к постели больной и помог переложить пациентку на специальную каталку.

— Что произошло?

— Я не знаю, я не врач! — Огрызнулась медсестра. — Я зашла в палату, приборы молчали. Я начала собирать капельницу, и вдруг сработала сигнализация. Тут все на автоматике, похоже у нее остановка сердца. А в данный момент она без сознания, как видите.

В это же время в палату вбежал врач, и уже через секунду подтвердил догадку медсестры.

— Везем в реанимацию! — Коротко скомандовал реаниматолог, и начал вывозить каталку из палаты. Все втроем выбежали в коридор и направились к лифту. Врач попутно отдавал указания медсестре, а та беспрекословно выполняла их, поочередно вкалывая то один препарат, то другой. У Джона сложилось впечатление, что он на съемках сериала про скорую помощь. Мелькали кабинеты, окна, персонал отлетал в сторону, завидев каталку. Они неслись с бешеной скоростью по коридору, минутное ожидание лифта и вот они уже втроем бегут по отделению реанимации. Большие стеклянные двери, в середине отделения, открылись автоматически, пропуская каталку. Но Джона и его подоспевшего напарника, который, по-видимому, поднялся по лестнице, не пустили в отделение реанимации. Выбежал какой-то азиат в маске и преградил охранникам дорогу. В суматохе никто не обратил на него внимания. Он, почти со злобой, прокричал что-то про антисанитарию и стерильность, указал на свои бахилы и вытолкнул Джона с напарником за пределы стерильной зоны реанимационного отделения. Двери закрылись перед их лицами, и автоматически сработал кодовый замок. Напарник Джона с досадой толкнул дверь, но та не поддавалась.

— Ты сдурел? — Заорал он на Глоу, который успел отметить, что это первые слова за дежурство, которые он слышал от напарника. — Нам дали четкий приказ, ни при каких обстоятельствах не спускать глаз с русской!

Джон опешил, до сей поры он искренне полагал, что его сослуживец немой.

— Ну не переться же в реанимацию в таком виде, там же стерильность и..., — вспомнив азиата тыкающего на ноги, добавил, — ...и бахилы! К тому же куда они денутся из отделения? Я просмотрел план здания. Из каждого отделения есть только два выхода — по лестнице и на лифте. Ты останешься у входа на лестницу, а я у лифта, а как встретим того врача или сестру попросим выдать халат, маски и бахилы или, что там еще нужно?! Тогда и продолжим дежурить.

— Я против! Нам дали приказ, и никакие врачи нам не должны быть помехой.

Охранник с силой толкнул дверь в отделение, но она не желала открываться без ключа. Оба внимательно оглядели дверь, и взгляды их остановились на маленьком прямоугольном сканере пропусков. У каждого врача отделения, равно, как и у каждой медсестры должна была быть карточка-пропуск, которая открывала бы им любую дверь. Охранники переглянулись и Джон, уловив ход мыслей напарника, начал рыться в карманах костюма. Он понял, что на самом деле сплеховал, и его сослуживец был прав: упускать из виду, пусть даже и в реанимации, объект наблюдения не стоило. Наконец он нащупал во внутреннем кармане пиджака карту, забытую медсестрой и поднес ее к замку. Тот истошно завопил, но

дверь не открылась. Джон попробовал еще раз, но дверь так и оставалась запертой.

— Одно из двух, либо карта не работает на этом этаже, — начал Глоу.

— Либо она поддельная, — закончил его напарник и тут же потянулся к рации, вызывая подкрепление.

— К черту подкрепление! — Заревел Джон, чувствуя, что их и в самом деле могли обвести вокруг пальца. Он выхватил из кобуры «Беретту» и со всей силы ударил рукоятью по стеклу запертой двери. Послышался глухой треск, потянулись паутинки трещин, но стекло выдержало и не разбилось. Должно быть специальное, ударопрочное, подумал Джон и начал методично высаживать его ударами рукояти. Через минуту оно начало выдавливаться из двери на уровне дверной ручки, и вскоре в образовавшееся отверстие могла протиснуться рука. Джон открыл изнутри дверь, нажав на кнопку, и оба охранника ворвались в реанимационное отделение. Им на встречу с криками и бранью выбежала какая-то работница, но, заметив у обоих пистолеты, поспешила убраться в ближайшее открытое помещение. Оба охранника бежали по отделению, заглядывая в каждый кабинет. В ординаторской на полу они обнаружили того самого реаниматолога, который минуту назад оказывал помощь умирающей женщине. Врач лежал без движения. Добравшись до конца отделения, где обнаружился лифт на вертолетную площадку, боевики «кротов» поняли, что их опасения подтвердились. Крыша больницы была оснащена для приема вертолетов экстренных служб, и очень удобно было соединить реанимационное отделение с вертолетной площадкой прямым лифтом. Это было сделано уже после строительства главных корпусов больницы, и потому шахты лифта не было на планах, которые изучал Джон Глоу, заступая на дежурство. Дождавшись лифта, оба охранника поднялись наверх и, к своему разочарованию, увидели взлетающий вертолёт, выкрашенный в цвета спасательной службы Швейцарии. Открывать огонь было поздно, да и убивать охраняемый объект не входило в планы начальства. Джону Глоу оставалось только лишь взять рацию, которая уже и так надрывалась, вызывая их на связь, и доложить о том, что они упустили объект.

Элис Смитт ликовала. Очередная, разработанная ею операция увенчалась успехом. Эти болваны «кроты» остались с носом и, судя по всему, даже не поняли каким образом. Элис разработала эту операцию строго под себя. Ее излюбленная тактика "меньше народу больше кислороду", в очередной раз, сработала на отлично. В группу она отобрала только двоих — японца Озуку, для прикрытия их отступления, и пилота вертолета. Изображая разносчика пиццы, Озука отработал на все сто и Элис, не колеблясь, взяла его себе в помощники. От него требовалось лишь на минуту сбить с толку тупых охранников и выиграть время для подъема на лифте. Озуке же удалось ещё и выпихнуть «кротов» за дверь и, как ни в чём не бывало, уйти сухим из воды. Остальную работу Элис взяла на себя. Годы обучения не прошли даром. Пришлось срочно воскресить курс лекций по медицине, ведь ей нужно было убедить всех, что она реальная медсестра. Даже доктор из реанимации копился, не без удовольствия подумала Смитт, не каждая медсестра способна на ходу делать внутривенные уколы по указанию врача.

План был до безобразия прост. Проникнуть в больницу, прикинуться медсестрой, имитировать остановку сердца у больной Карелиной и, через отделение реанимации, где был лифт на крышу, покинуть здание. Хаккерская группа наспех изваяла для Элис липовый пропуск, а природное актерское мастерство позволило спокойно довершить начатое. Оказавшись в палате у русской заложницы, Смитт, первым делом, вколола ей

транквилизатор. Конечно, рискованно, учитывая постинфарктное состояние Карелиной, но поскольку женщине и так грозила опасность, выбирать не приходилось. Как только подействовал препарат, Элис отключила больную от приборов, и те истошно завопили, объявляя всем об остановке сердца. В палату вбежал охранник, но агент быстро сориентировалась, и тот даже помог ей переложить пациентку на каталку. Затем прибежал реальный врач реанимации и, не желая разбираться на месте, решил везти пациентку к себе в отделение. Дальше в игру вступил Озука и мастерски провел обоих охранников. Те опешили и оказались по ту сторону двери с кодовым замком. Выигранного времени с лихвой хватило на то, чтобы вырубить реаниматолога, спрятать его в ординаторской и подняться на крышу, где их уже ждал вертолет. Оставалось передать женщину российским властям и, «вуаля», одним заложником меньше.

Глава 20

Роберт Бойль проснулся раньше обычного. Жить с родителями в их особняке он отказался, поскольку терпеть не мог, когда отец вмешивался в его работу. Дома Роберту всегда думалось лучше, чем в лаборатории и, зачастую, ученый брал все наработки с собой. Небольшую двухкомнатную квартиру он снимал на окраине Берна. Ему было не столько важно, каков статус его жилища, сколько удобство его расположения. Отсюда он легко мог добраться как до базы отца, так и до центра города. Но сегодня он проснулся раньше обычного не для того, чтобы поработать. Со вчерашнего вечера ему не давала покоя одна дилемма. Молодой ученый никогда не принимал важных решений на ночь глядя, предпочитая серьезные вопросы решать на свежую голову. Еще с вечера отец искал с ним встречи, и Роберт прекрасно знал, какой именно вопрос он хочет поднять. Сославшись на важное дело в городе и перенеся встречу с отцом на следующее утро, Бойль младший выгадал для себя несколько часов. Время ему нужно было для того, чтобы поразмышлять. Открывшиеся накануне обстоятельства требовали незамедлительных действий, и Роберту было необходимо принять правильное решение. Возможно, самое важное в своей карьере.

Утро он начал, как обычно. Чашечка крепкого черного кофе и эклер разбудили его тело. Холодный душ привел в порядок мысли и зарядил бодростью на весь день. Далее Роберт разложил на письменном столе ленту с записью энцефалограммы Кристины Громовой и, в очередной раз, досконально ее изучил. Сомнений не оставалось, да и быть не могло. Результат никак не укладывался в голове молодого ученого. Еще раз взвесив все за и против, Роберт убрал ленту в папку под названием "проект 14", быстро оделся и вышел из дома.

Серебристый Фольксваген-роло ученого завёлся и медленно выехал с парковки в сторону центра. В тридцати метрах от него завелся двигатель желтого такси. Водитель нажал неприметную кнопку на панели управления и отправился следом за машиной Роберта Бойля. Такси держалось на приличном расстоянии от машины ученого, так что Роберт, не заметив слежки, воплотил в жизнь все задуманное. Каждое место, где он останавливался, водитель такси пеленговал, нажимая специальную кнопку возле счетчика. Таким образом, в специальной программе, доступ к которой имели лишь руководители организации «кроты», отмечался подробный маршрут объекта слежки. Покончив со всеми делами, Роберт отправился в небольшое кафе, что располагалось неподалеку от их родового поместья. Там у него была запланирована встреча с отцом.

Эдвард Бойль уже ждал сына за столиком кафе, листая на планшете утреннюю почту и потягивая ароматный утренний кофе. Увидев вошедшего сына, доктор привстал и помахал рукой.

— Роберт, я сегодня за этим столиком. — С, плохо скрываемой, досадой сказал Эдвард. — Какой-то джентльмен еще с утра занял мой любимый столик, так что официант смог предложить только это место.

Бойль-старший говорил таким тоном, что легко можно было заменить слово джентльмен на слово олух, и смысл сказанного был бы передан куда яснее. Роберт заметил сарказм отца и улыбнулся.

— Что ж, иногда можно поступиться вековыми традициями, пап.

— Ну, брось, — поддержал шутку Эдвард, — я не так уж и стар, как некоторым могло бы показаться.

Роберт уселся напротив отца и заказал двойной «эспрессо».

— Ты хотел со мной поговорить? Почему здесь? Мы могли побеседовать и на объекте...

— Решил сразу перейти к делу, вот всегда ты так. Когда мы просто сидели и болтали, как сын с отцом?

Роберт развел руками, всем своим видом, показывая, что ответить точно на этот вопрос никто на свете не смог бы.

— Ты знаешь, пап, наверное, никогда этого не было. Я, по крайней мере, этого не припомню.

— И это плохо, сын. — Уже серьезно сказал Бойль-старший. — Ладно, давай ближе к делу. Я знаю, что вчера ты снимал энцефалограмму Кристине Громовой.

— Понятия не имею о чем ты. — Небрежно протянул Роберт, принимая из рук официанта горячий кофе.

— Да брось! Мы оба знаем, что ты не стал бы терпеть до следующей недели. Ты сам перевязывал Кристину вчера, об этом мне сказала Мери. Полагаю, ты специально отослал ее, чтобы она не видела, чем вы там занимаетесь. А, принимая во внимание твой нетерпеливый характер, я предположил, что ты решил немного опередить время и посмотреть результат операции немного раньше запланированного.

— Почему сразу такие выводы, — с улыбкой ответил Роберт, делая первый глоток из чашки, — после истории с Натальей Корелиной, девочка пребывала в шоке. Я просто хотел убедиться, что этот неприятный инцидент никак не отразится на её здоровье.

— И снял энцефалограмму. — Не унимался Эдвард.

— Ну да, снял. Что с того?

— А то, что ты ничего не сказал мне! — Уже сердито воскликнул Бойль-старший. — Этот проект не только твое детище...

— Но и твоя головная боль. — Съязвил сын.

— Да, представь себе! Более точного определения я и не придумал бы.

Эдвард Бойль сделал несколько глубоких глотков, уже остывшего кофе, и, немного успокоившись, продолжил.

— Мы, кажется, договаривались, что все результаты будут у меня на столе в тот же час, как ты их получишь.

— Ты так приказал, это да. Но мы ни о чем не договаривались, отец.

— Пустой разговор. Я стараюсь наладить с тобой контакт уже третий год! Я пожертвовал ради тебя и твоего idiotского проекта своей репутацией, не говоря уже о деньгах.

— Которые ты мне дал в долг. Расписка у тебя в сейфе, не забыл? И потом, если мой, как ты выразился, idiotский проект настолько плох, с чего же тебе волноваться о

результатах?

— Ты прекрасно знаешь с чего! Не доводи меня, Роберт! Где результаты?

— У меня в портфеле. — Почти безразлично ответил ученый, допивая кофе. Эдвард Бойль не стал дожидаться и достал из портфеля сына папку с названием "проект 14". Жадно вчитываясь в отчет и вглядываясь в ленту энцефалограммы, Эдвард нетерпеливо барабанил по столу пальцами. Но уже через минуту внезапно замер и перевел взгляд от бумаг на сына.

— И это все? — несколько смущенно спросил Эдвард Бойль.

— А чего ты ждал? — С ехидной улыбкой поинтересовался Роберт. — Что там расскажут, кто Кеннеди убил? — Бойль-старший, похоже, не заметил колкости.

— Но ведь это ничто, — недоуменно ответил Эдвард, — энцефалограф ничего не показал.

То есть это абсолютно нормальная картина.

— Да, пап, абсолютно нормальная картина, абсолютно нормальной девочки. Она не эпилептик и не вундеркинд. А операция, похоже, ни к чему не привела.

Роберт выхватил из рук отца папку и, холодно попрощавшись, вышел из кафе. Эдвард Бойль даже не пошевелился. В голове крутилось слишком много мыслей, которые никак не могли уняться. Энцефалограф Кристины не показал никаких результатов. Ни намека на аномальную активность, ни всплесков, ни падений. Ровным счетом ничего. Могло ли это означать, что операция прошла впустую? Или мозг Громовой отреагировал на столь крупное вмешательство полной нормой? Могло ли это быть правдой? Он лично присутствовал на операции. Он своими глазами видел манипуляции, которые проводили его хирурги и сын с открытым мозгом Кристины. И после всего этого полная тишина? Как такое возможно? Роберт выглядел озлобленным. Это ли его рассердило, или он что-то скрывает таким образом? Нужно все проверить, сделал единственный вывод Эдвард Бойль. Завтра нужно снять энцефалограмму повторно. На этот раз я лично проведу исследование, решил доктор. И если, то, что сегодня показал Роберт окажется правдой, то все проблемы решатся сами собой. Девочка останется слепой. Роберт окажется опозоренным и займется, наконец, делом. Никого убирать не придется, а значит, и эта стерва из Ми-6, которая увела у них из-под носа Наталью Корелину, отвяжется на какое-то время.

Так, размышляя, Эдвард просидел за пустым столиком еще несколько минут. Затем доктор достал мобильный телефон и набрал номер.

— Ситуация прояснится завтра утром. — Докладывал он. — Мы потеряли Наталью Корелину, но на объекте пока все спокойно.

— Усильте охрану. — Ответили ему на другом конце. — Если завтра поймете, что сценарий не благоприятен для нас, подчистите хвосты.

— Понял. — Кротко ответил Бойль и тут же услышал короткие гудки в трубке.

Как только мысли более или менее улеглись в голове, Эдвард заказал еще одну чашечку кофе и с удовольствием пересел за свой столик, который к тому времени уже освободился.

Роберт Бойль вышел из кафе, сел в машину и направился напрямиком на базу отца. На какое-то время отец проглотил ту ложь, которую он ему подсунул, но этого времени слишком мало. Не сегодня, завтра, отец спохватится и проведет собственные исследования. И пока этого не произошло, нужно придумать, каким образом вывезти девочку и репортера с объекта.

Всю дорогу за серебристым поло ехало желтое такси, держась на приличном расстоянии. Как только машина младшего Бойля съехала на проселочную дорогу, таксист

нажал очередной раз на черную кнопку возле счетчика, развернулся и припарковался возле небольшого кафе напротив съезда, куда только что отправился Роберт Бойль. Следовать за объектом далее не имело смысла. Таксист знал, куда ведет эта неприметная дорога.

Глава 21

Соловьев молчал уже несколько минут, напряженно думая над тем, что поведала ему Кристина. Он медленно ходил перед скамейкой, на которой тихонько сидела девочка, тревожно прислушивалась к его дыханию. У Кристины было ощущение, будто ее друг только что пробежал стометровку. Не желая мешать, она молча сидела на скамье и считала про себя удары его сердца. В какой-то момент Кристина поймала себя на мысли, что делает это, даже не дотрагиваясь до Алексея. Сначала она испугалась. По спине пробежал уже знакомый холодок, все начиналось так же, как и в случае с Натальей Ивановной. Тихие удары нарастали в её голове и, в какой-то момент, стали слышны так, будто она слушает сердце в стетоскоп. Но вскоре девочка поняла, что слышит нормальное биение сердца, только учащенное.

Он волнуется. Это просто волнение, решила Кристина. Значит каким-то образом, я слышу любое изменение в организме людей, которые находятся рядом. У Кристины зачесался лоб под повязкой, и она машинально его потерла. Это движение напомнило ей о зрении. Интересно, если таких способностей у меня раньше не было, а после операции они появились, значит ли это, что и мое зрение, возможно, тоже восстановится? Она улыбнулась, но поспешила стереть со своего лица эту странную улыбку. Ей даже стало немного стыдно улыбаться в столь напряженный для них момент. Лёша так волнуется, размышляя над тем, как вытащить их отсюда, Наталья Ивановна находится в больнице с инфарктом, а она сидит тут и улыбается, как дурочка. Но робкая улыбка, стертая с лица усилием воли, никуда не делась из головы. В душе девочка ликовала, и никакие угрозы и трудности не могли сейчас изменить ее морального подъема.

Наконец, сердцебиение журналиста унялось, и его пульс практически пришел в норму. Он остановился и сел рядом с Кристиной. Еще немного подумав, он начал размышлять вслух.

— Итак. Мы знаем, что Роберт Бойль знает о результатах операции, но, по какой-то причине не предпринимает никаких действий. Это означает, что либо результаты оказались не такими, каких он ожидал, либо операция вовсе провалилась. Мы, в свою очередь знаем, что у тебя появился... — он замялся на минуту, подбирая определение тому, что хотел описать.

— Дар? — Помогла ему Кристина.

— Дар. Да, мы знаем, что у тебя появился дар, — он произнес это слово несколько тише, — дар, которого у тебя раньше не было. Это означает, что твой мозг начал работать не так, как у простых людей. Ежу понятно, что подобные изменения профессионал вроде Бойля не заметит просто не мог. Скорее всего, он просто медлит с решением. Уже полдень, но ни младшего, ни старшего из Бойлей мы не видели. Значит, они еще не приехали.

— Вернее мы не видели, что они приехали. — Поправила Кристина.

— Прости?

— Прощаю. Мы не видели, как они заезжают на территорию через центральные ворота, но это не означает, что они не здесь.

— Я не понимаю тебя, поясни! — Смутился Соловьев. — Ведь Мери тебе сказала, что они каждый день покидают территорию и ночуют в городе.

— Верно, так она и сказала, и у меня нет оснований не верить ее словам.

— Тогда к чему ты клонишь?

— А ты хоть раз слышал, чтобы вечером кто-нибудь выезжал или утром кто-нибудь заезжал в эти ворота? — Кристина ткнула пальцем в сторону ворот, что несколько смутило Соловьева. Слепая девочка умудрилась заметить то, чего не замечал он, будучи зрячим.

— А ты неплохо ориентируешься в пространстве. Неужели тебе достаточно слышать все вокруг, для того, чтобы понять где, что находится?

— Нет, конечно, половину информации мне предоставляет тот, кто со мной находится, в моем случае это была Наталья Ивановна, ну а другая половина приходит в виде всех остальных органов чувств, в том числе и при помощи новых.

Кристина улыбнулась и смущенно опустила голову. Алексей немного задумался, но потом воскликнул:

— А ведь действительно! Никто не покидает пределы территории открыто. Возможно, есть другой способ покинуть объект. И, мне кажется, я знаю какой, — уже тише продолжил Соловьев. — Вчера ночью я бродил по зданию и узнал немного больше о здешних порядках.

— Ночью? — Удивилась Кристина.

— Долгая история, — отмахнулся Алексей, — так вот, вчера я узнал, что центральный выход из здания закрывают на ночь. Причем открыть его без ключа невозможно.

— А запасные выходы?

— То-то и оно, что никаких запасных выходов в здании нет.

— Как это нет?! — возмутилась Кристина?

— А так. Не предусмотрены изначально. Видимо здание строилось не как медицинское учреждение, а как учреждение закрытого типа, из которого не так уж и просто выйти незамеченным.

— Тогда как они сами покидают объект? — Резонно заметила девочка.

— А на этот счёт, как раз, мыслишки у меня есть. Не найдя никаких иных способов выйти из здания, кроме как через парадный вход, я стал бродить по коридорам и наткнулся на скрытую от посторонних глаз лестницу, что ведет в подвал. Она находится в другом крыле здания, где, похоже, сейчас никто не размещается. Так вот, эта лестница заканчивается массивной дверью, которая открывается либо кодом, либо посредством отпечатка пальца. Как тебе?

— Тогда все сходится! Эта дверь ведет в подвал, а он выходит в потайной тоннель.

— Точно! — Воскликнул Соловьев. — Осталось только узнать, как открыть эту дверь и куда она ведет.

— А дальше? — немного понизив голос, спросила Кристина.

— А дальше мы на свободе! Можно будет связаться с Ми-6, и тогда мы спасены!

— Лёш, ну ты, как маленький!

Соловьев опешил от такого заявления.

— Что значит маленький?

— Ну, представь. Допустим, мы каким-то непостижимым образом овладеваем секретным кодом или, что менее вероятно, нужным пальцем. Попадаем в подземелье, где, скорее всего, есть еще двери с кодовыми замками. Преодолеваем их. Далее непонятно какой протяженности тоннель, в конце которого, скорее всего, тоже охраняемая территория. Предположим нам, каким-то чудом, удалось преодолеть все эти препятствия и мы на свободе. Выход из тоннеля наверняка находится в такой глуши, из которой выбраться не так

то и просто. К тому же у нас нет ни денег, ни документов. Твои, насколько я поняла, остались в отеле, а мои у тех, кто нас тут охраняет. У тебя даже собственных штанов нет. И это я уже не говорю о том, что будет с Натальей Ивановной!

Соловьев взглянул на свои пижамные штаны и куртку-форму постояльцев клиники. Эти мысли не успели проскочить в его голове, и он понял, что его юная подопечная права. Без чьей-либо помощи им не удастся и ста метров пройти на открытом пространстве, даже если они и выберутся наружу.

— Что ж, — подытожил он, — выходит, нам придется ждать вестей от твоей учительницы и уж только тогда решать, как выбираться. Но, боюсь, что промедление может нам дорого обойтись. В любом случае нужно что-то делать.

— Да, вот только что? — Тихо спросила Кристина.

Роберт Бойль съехал с шоссе на неприметную грунтовую дорогу, уходившую вглубь леса. Петляя между деревьями, уже через десять минут он добрался до развилки, где принял левее и вскоре выехал из леса на небольшую поляну. Посреди поляны стояла деревянная постройка без окон, больше походившая на складское помещение. Вокруг не было ни души. Подъехав к зданию, Роберт набрал на своем телефоне номер — свой личный код. Через минуту стена здания отъехала в сторону, обнажая широкую площадку для парковки. Изнутри небольшое здание казалось гаражом, в котором свободно разместилось бы пять легковых автомобилей. Машину ученый припарковал прямо по центру, но выходить не стал, лишь заглушил двигатель. Через минуту дверь гаража закрылась. Зажегся мягкий свет под потолком. Роберт почувствовал легкую вибрацию и тут же пол под ним начал скользить вниз. Спустя минуту грузовой лифт с машиной Роберта Бойля внутри остановился. Отъехали вбок двери, и Роберт тронулся вперед по длинному тоннелю, тускло освещенному фонарями. Спустя десять минут тоннель сделал поворот под прямым углом и почти сразу же оборвался большим залом подземной парковки. Въезд на нее был заблокирован массивными шипами, торчащими из бетонного пола. К машине подошел вооруженный охранник. Бойль опустил окно и предъявил пропуск. Охранник убедился, что данный автомобиль можно пропустить без досмотра и дал команду напарнику опустить, преграждающие путь, шипы. Бойль припарковал машину на привычном месте, вышел, захватив с заднего сиденья небольшую спортивную сумку, и направился к лифту, на этот раз пассажирскому. Уже через минуту он оказался в подвале штаб-квартиры отца. Проходя по длинным коридорам, Роберт подумал о том, что еще три месяца назад он ничего не знал о том, кто его отец на самом деле. Всю свою жизнь Роберт был опутан ложью. Его представления об отце и его положении в обществе оказались крайне далеки от реальности. Правда, открывшаяся перед ним не так давно, никак не укладывалась в голове молодого ученого. Всё, что поведал ему Эдвард Бойль три месяца назад, больше походило на утрированный шпионский детектив, в котором могущественным спецслужбам мира противостояла не менее могущественная тайная организация, одним из руководителей которой был его родной отец. Сказать по правде, Роберт больше поверил бы в то, что его родитель сошел с ума, нежели в то, что ему рассказали. Но, к его великому сожалению, всё, что говорил ему Эдвард, подтверждалось тут же. Также как сейчас, Роберт оказался в этом мрачном подвале. Отец вел своего сына по коридорам своего творения. Если бы не все эти потайные шахты лифтов и вентиляции, секретные тоннели, двери с кодовыми замками Роберт не поверил бы ни единому слову отца. Но тот решил разом обрушить на сына весь объем информации, проводя экскурсию по

самому защищенному объекту из всех, что доводилось видеть Роберту.

Три месяца назад, еще ничего не подозревавший о тайной деятельности своей семьи, Роберт обратился к отцу за помощью в организации заключительной части своей научной работы. Кандидаты для эксперимента были подобраны, и Роберту не доставало денег на банальную организацию всего задуманного. Его группа ученых была готова идти до конца и без оплаты своего труда. Но они остро нуждались в хорошо оборудованной клинике. К тому же, без участия Эдварда Бойля и его команды нейрохирургов не удалось бы осуществить медицинскую часть амбициозного проекта. Роберт был абсолютно уверен в том, что отец не откажет ему. Но, к его большому удивлению, Эдвард вместо ответа пригласил Роберта прокатиться с ним за город. Не объясняя ничего, отец привёз его сюда на базу и провел его через все уровни охраны на территорию объекта, который сам же и создал. Затем отец усадил шокированного Роберта в своем кабинете, сам сел напротив и начал разговор. Именно тогда, будучи полностью уверенным в поддержке сына, Эдвард поведал Роберту о том, кем является на самом деле. Отец рассказал Роберту обо всех крупных проектах, которые возглавлял лично. Затем он более подробно остановился на самой организации «кроты». Эдвард рассказал историю возникновения этой структуры. О ее взлетах и падениях. Поведал и о том, каким путем они добились столь большого влияния на мировую политику. Сказать, что Роберт после всего, что он узнал, был в шоке — не сказать ничего. Ему, идеалисту и романтику от природы, было невероятно сложно поверить в то, что поведал ему отец. И единственным вопросом, которым задался в тот вечер Роберт, был вопрос "зачем?". Зачем отец ему все это рассказал? Зачем открылся и обнажил то, что должно быть спрятано за семью печатями? В тот же вечер Роберт получил ответ на свой вопрос — "преемственность". Власть в этой сложной и запутанной структуре передавалась по наследству. От отца к сыну или от учителя к ученику. Организация постоянно росла, и со временем стареющая верхушка становилась не способна управлять столь сложной структурой. В какой-то момент, нужно было передавать бразды правления в молодые руки. И желательно, чтобы эти руки были энергичны и имели отличное прикрытие. Каждый из руководителей «кратов» в течение жизни воспитывал себе преемника и, в конце концов, передавал все свои знания и всю свою власть именно в тот момент, когда в этом нуждалась организация.

Открываясь перед сыном, Эдвард Бойль рассчитывал на то, что он правильно поймет весь смысл создания этой организации, что произойдет передача власти и круг замкнется. Эдвард подробнейшим образом объяснил Роберту, как сильно повредит организации его проект, в случае его успешной реализации. Попутно он сообщил, что никогда не верил в то, что сама идея на практике окажется состоятельной. В заключении Эдвард выразил свои намерения по поводу передачи власти в руки Роберта. Со временем Младший Бойль должен был стать одним из самых влиятельных людей на земле. Ему лишь нужно было дать согласие и принять новую жизнь, и новую судьбу, как данность. Эдвард распланировал все. Учел каждую деталь и мелочь, вплоть до маскировки Роберта, коей должна была стать его научная работа. Так же, как и для него самого была маскировкой его работа в клинике, им же и основанной. Эдварду Бойлю не удалось учесть только одну деталь — мнение самого Роберта. И эта деталь стала камнем преткновения в отношениях между отцом и сыном. Узнав всю правду о своем отце и мире, в котором он жил, Роберт наотрез отказался впутываться во всё это. Его возмущала одна лишь мысль о том, что за него расписали и распланировали всю его жизнь. Роберту нравилось то, чем он занимался, и для него именно

его проект был настоящей жизнью. Его работа была тем, что заставляло его двигаться дальше, развиваться и совершенствоваться. Алчность и слава его не зацепили, и Роберт, который никогда не испытывал нужды в средствах, привык не обращать на них внимания. Отец сделал все, чтобы Роберт не нуждался ни в чём в годы своего обучения. За это Роберт был безгранично благодарен ему, но принять новую жизнь и поступиться всеми принципами, рожденными в годы становления, он не мог.

Роберт был ошеломлен и чувствовал, что вскоре ему предстоит сделать самый важный выбор в своей жизни. Будучи, от природы, наделенным чувством такта он не стал рубить с плеча, поскольку понимал: в случае отказа, отец просто напросто перекроет ему кислород и сделает так, что его имя в научных кругах, в лучшем случае, будет вызывать лишь ироническую улыбку. В его силах было погубить всю карьеру Роберта, а потому Бойль-младший решил сыграть в свою собственную игру. Он не стал устраивать красивых сцен, мол, мораль не позволяет принять подобное предложение. Вместо этого он предложил отцу сделку на обоюдовыгодных условиях. Он обещал подумать над его предложением и при этом выразился такими словами, что отец остался в полной уверенности, что сын в итоге примет его предложение. В обмен на это он попросил позволить ему завершить проект, на который положил столько сил и энергии. Доводом послужило то, что в случае провала операции никто ничего не теряет. В случае же успеха, их организация всегда может прикрыть проект и задвинуть его в долгий ящик. Таким образом, в их руках останется новейшая технология, и это не повредит фармацевтическим гигантам, обеспечивающим треть всей легальной прибыли «кротов». К большому удивлению Роберта, отец купился на этот блеф. Таким образом, Роберт отсрочил свое решение по вопросу вступления в организацию и обеспечил себе достаточно времени и средств для завершения дела всей своей жизни.

Время шло. Проект подходил к концу и отец начал давить на сына, поторапливая его с решением. Верхушка «кротов», естественно, была в курсе всех событий в Швейцарии. Им было не по душе то подвешенное состояние, в котором находился Эдвард Бойль и они начали задавать вопросы. Эдвард же в свою очередь знал, что эти вопросы означали лишь одно, если в кратчайшее время он не разберется с сыном, за него это сделают другие, такова уж политика конфиденциальности организации. Потому ему не оставалось ничего другого, как торопить Роберта с принятием решения.

Минуя подвальное помещение, которое больше походило на бункер, Роберт строил последовательность своих действий. Четкость и скрытность — два пункта, которых всегда придерживалась организация отца. Теперь эти два гаранта надежности должны были сыграть на руку самому Роберту. План был идеален, но его успешная реализация целиком и полностью зависела от того, поверит ли ему Соловьев. Роберт знал, что русский журналист уже осведомлен о том, что происходит в клинике. Неизвестными для него оставались лишь детали. И потому предложение побега из уст самого Роберта будет выглядеть для Алексея слишком подозрительным. На этот случай у Роберта Бойля был припасен козырь, который он скрывал ото всех на протяжении нескольких дней. Уж этому Алексей Соловьев непременно поверит, думал Бойль, поднимаясь по лестнице наверх. Добравшись до массивной двери с кодовым замком, Роберт приложил большой палец левой руки к считывающему устройству. Раздался негромкий сигнал, и дверь с шипением открылась.

Глава 22

Эдвард Бойль допил свою чашку кофе и хотел было уходить из кафе, но его внимание привлек звуковой сигнал электронной почты. Входящее письмо заставило Эдварда

задуматься. Помимо интерактивной карты, с отмеченными на ней контрольными точками, оно содержало подробный отчет, из которого следовало, что объект наблюдения с самого утра побывал в разных уголках Берна. Слежку за сыном руководитель швейцарского отделения «кротов» установил сразу же после доклада медсестры Мэри. Роберт явно что-то скрывал, и старшему Бойлю было крайне важно выяснить что именно. Оказалось, что его сын перед их встречей в кафе посетил банк, где открыл на свое имя ячейку камеры хранения. Далее Роберт отправился в отель, в котором проживал Алексей Соловьев до того, как его вывезли на объект. Сын пробыл там пятнадцать минут и вышел со спортивной сумкой в руках. Далее он направился на встречу с отцом, но по пути заскочил в интернет кафе и уже через пять минут покинул его.

Из доклада было ясно — Роберт ведет свою игру, и в ней, похоже, есть место третьим лицам. С кем вступил в контакт этот бестолковый мальчишка? Полиция? Наемники? Или, не дай Бог, Ми 6? В любом случае Эдвард больше не мог ждать у моря погоды. Все, что говорил и делал Роберт, служило оттягиванию времени. И сейчас он был на шаг впереди. Уж не замышляет ли он устроить побег Соловьеву и Кристине? В таком случае придется принимать упреждающие меры. В отеле Соловьева Роберт мог встретиться с кем угодно. Так же он мог захватить с собой и вещи журналиста, так удачно оставленные им при побеге.

Мысленно выругав себя за то, что сам не догадался позаботиться о вещах и документах журналиста, Эдвард решил действовать жестче. Выйдя из кафе, он сел в припаркованный неподалеку черный лимузин.

— На объект! — коротко бросил он водителю, набирая телефонный номер. Длинные гудки оборвались хриплым женским голосом.

— Слушаю.

— Начинаем второй акт.

На другом конце ничего не ответили. Бойль спрятал телефон в карман пиджака и погрузился в раздумья. Лимузин уже мчал его к объекту.

Как же неудобно было ехать в багажнике седана. У Элис затекла нога, и сильно болел ушибленный на очередной яме локоть. Роберт, похоже, забыл о том, что едет не один. В очередной раз, чертыхнувшись на кочке, Элис решила мысленно повторить весь план, который, по словам ее подчиненного Озуки, отличался особой безбашенностью.

Когда в головное отделение Ми-6 поступил звонок из Швейцарии, никто не поверил в такую удачу. Работу с информатором тут же передали группе Элис Смитт. Какого же было её удивление, когда выяснилось, что информатор ни кто иной, как Роберт Бойль — сын Эдварда Бойля, одного из руководителей Бернской ячейки «кротов». Роберт вышел с ней на связь со всеми предосторожностями, которые ему были предписаны её лондонскими коллегами. Он приобрел новый телефон с номером, зарегистрированным не на свое имя. Разговаривал только в посторонних местах, где его не могли прослушать. Электронную почту он завёл со всеми полагающимися предосторожностями на сервере, который ему указали, с "ником" и паролем, которые ему опять же сообщили из центра. Таким образом, первичная вербовка произошла даже не группой Смитт, а дистанционно из центра. Когда объект вербовки сам желает быть завербованным, то современный мир предоставляет все возможности для этого.

План был опасен и сопряжен с большим риском разоблачения, как самой Смитт, так и её группы. При помощи Роберта Бойля Элис намеревалась проникнуть на базу «кротов» и

похитить Соловьева и Громова. Судя по информации, которую передал Ми-6 Роберт, времени у них было в обрез. Даже если Бойль-старший и купился на игру сына, то не проверить его данные он просто не мог, иначе грош цена его медицинской карьере, пусть даже и подставной. При таком раскладе у Кристины Громовой было не больше суток для того, чтобы покинуть территорию «кротов» и укрыться в безопасном месте. Сами они ни за что на свете не смогли бы сбежать, но если у Элис получится добраться до заложников первой, то у них появится шанс выбраться из этой передрыги живыми. Как ни странно, идею проникнуть на базу невольно подбросил Элис сам Роберт. В их короткой беседе в номере отеля, где проживал репортер, он упомянул о том, что ни его машину, ни машину отца никто никогда не досматривает ни при въезде, ни при выезде с базы. После этих слов у Элис в голове уже нарисовалась картинка того, как она проникает в подземный гараж в багажнике автомобиля Роберта и, через некоторое время, сама выбирается оттуда при помощи запасного брелка сигнализации. Затем Элис планировала незамеченной добраться до точки сбора возле потайной двери, ведущей непосредственно в здание. Роберт же пойдет первым, предупредит Соловьева и Громова и доставит их к той самой двери. Дальше в дело должна была вступить она сама и её группа.

Смитт доводилось испытывать трудности и похлеще, а потому она вскоре позабыла о физическом дискомфорте и всецело отдалась настрою на сложную операцию. Она мысленно повторила план всего подземного гаража и пробежалась взглядом по запутанным коридорам укрепленного убежища. Через несколько минут машину затрясло так, что пришлось задействовать практически все группы мышц, чтобы не получить серьезной травмы от ударов о нутро автомобиля. Видимо съехали на грунтовую дорогу, решила Элис и приготовилась к операции. Она вынула свой любимый "Глок" с глушителем из кобуры на бедре и, как только автомобиль остановился, привела его в боевое положение. Хоть ученый и уверял, что ни его машину, ни машину его отца никто не досматривает ситуация могла измениться в любое время. Томительная минута показалась Элис часом, но агент услышала лишь щелчки какого-то механизма и затем, сменивший их, ровный гул грузового лифта. От томительного ожидания угрозы организм Элис получил изрядную дозу адреналина. Она и раньше такое ощущала, и именно это чувство ей нравилось больше всего в её работе. В такие моменты она переставала быть собой и превращалась в идеального солдата — человека со сверхспособностями. В таком состоянии она могла часами выслеживать объект своих интересов. Могла вести бой, используя практически все современные виды оружия и подручные средства. Причем без оружия Элис была не менее опасна. Не знаящая усталости, со сверхвысоким порогом болевой чувствительности и в полной боевой готовности, Элис Смитт представляла собой, практически идеальное смертельное оружие. Но в Ми-6 её ценили не столько за физические данные, сколько за способность рационально мыслить в критической ситуации. Именно способность мгновенно принимать решения в экстремальных условиях, выделяла её из общего числа рядовых оперативников. Подготовить путевого боевика для Британской разведки труда не составляло, а вот кадры, способные действовать автономно ценились куда выше. Элис относилась именно к таким агентам. Получая задания из центра, она максимально точно представляла себе суть дела и четко понимала, каких результатов от неё ожидают. Дальнейшие её действия начальство контролировало на расстоянии и, за редким исключением, никогда не вмешивалось в ее работу.

Но скажи ей кто-нибудь в её семнадцать лет, какой она будет в тридцать, скорее всего,

она сочла бы этого человека безумцем. Элис росла в семье полицейского и поскольку была единственным ребенком, родители в ней души не чаяли. Элис же в свою очередь обожала отца всей душой. С матерью у нее были такие же теплые отношения, но все же единственным кумиром в ее жизни был отец. К своему совершеннолетию девочка была полна решимости пойти по его стопам. Конечно, патрулировать беспокойные закоулки огромного мегаполиса она не собиралась. Девушка занялась юриспруденцией и, получив соответствующее образование, с блеском прошла все необходимые нормативы и тесты для службы в полиции. Ее жизнь так и пошла бы по ровной колее британской судебной системы, если бы не та трагическая ночь. Ее отец вел дело преступной группировки, терроризировавшей ювелирные салоны Лондона. И когда полиция вышла на след налётчиков, те сделали упреждающий удар. Тот киллер был всего лишь исполнителем чужой воли и особой ненависти к объекту заказа не питал. К делу он отнесся, как к рядовому заказу. Проникнув ночью в дом к Смиттам, он бесшумно поднялся в спальню и хладнокровно выпустил обойму в спящих родителей Элис. К тому времени девушка уже жила отдельно от родителей, что и спасло её в ту ночь. Утром она, как обычно, позвонила домой, но дозвониться не смогла, линия была занята. Мобильные также были вне зоны доступа. Это лишь спустя неделю, следователь по этому громкому заказному убийству открыл ей несколько страниц дела. Почерк исполнителя соответствовал, известному на тот момент в преступном мире Европы, киллеру по кличке Кэбмен. Он скурпулезно выслеживал жертву, притворяясь водителем такси. Такая маскировка давала ему практически полную свободу действий. Он мог стоять часами перед одним и тем же домом, собирая нужную ему информацию и практически никто вокруг не мог заподозрить неладное. Проникая в дом к жертве, Кэбмен первым делом устанавливал устройство, которое глушит всю связь. Далее он обрезал все провода, так или иначе отвечающие за связь, чаще всего это были телефон и интернет. Таким образом, жертва таксиста не могла выйти на связь и позвать на помощь. Это делалось на случай непредвиденных трудностей с исполнением заказа. Затем наёмник выполнял заказ и надолго исчезал из города, а зачастую и из страны. Никто и никогда не видел его лица. Свои услуги он предлагал сам, анализируя преступный рынок и потребность в его услугах, а потому с ним просто невозможно было связаться самостоятельно.

Отгоняя дурные мысли, Элис вызвала такси в то утро и отправилась к родителям домой. Дверь никто не открыл, и девушка вошла в дом, воспользовавшись своими ключами. Уже через несколько минут к дому, где было совершено двойное убийство, подоспели судебные медики и криминалисты. Для Элис Смитт в тот день погибли не только её родители. Она сама утратила всякий интерес к прежней жизни. Она взяла бессрочный отпуск и, первые две недели после трагедии, просто сидела дома одна. Связь она так и не восстановила, мобильный, после трех дней нескончаемых звонков, разрядился. Все хлопоты с похоронами взял на себя начальник её отца. Элис же просто на автомате выполняла все, что ей говорили. Если бы её под руки не вывели из дома и не посадили в траурный кортеж, то и похороны родителей она, скорее всего, пропустила бы. Эти первые две недели её рассудок цеплялся за реальность всеми силами и бесконечно срывался в бездну отчаяния. Девушка беззвучно плакала. Слезы, будто сами по себе, крупными градинами выступали на глазах, застилая собой весь мир, укрывая сознание в детских воспоминаниях. Затем Элис поняла, что дышать ей становится все труднее и труднее. Одна из основных потребностей организма потеряла в один миг весь механизм автоматизма. Девушка ловила себя на мысли, что дышит она исключительно за счет активной дыхательной мускулатуры. В случае, если она забывала

делать очередные вдохи, ее сознание туманилось и готово было отключиться, но подобную роскошь Элис не могла себе позволить. И тогда, собравшись с силами, она упорно делала очередной вдох. Она заставляла себя дышать, но пока не знала, ради чего она это делает. К ней в дом приходили какие-то люди, некоторые из них кормили Элис и старались подбодрить. Другие представлялись какими-то, ничего не значащими для сознания Смитт, именами и званиями и подолгу разговаривали с ней. Лишь спустя полгода она поняла, что это были ее друзья и психологи с работы.

И вдруг, в один момент Элис словно включилась. Ее глаза распахнулись в новый, доселе не известный ей мир. Элис Смитт поняла, зачем все это время она заставляла свое тело жить. Она вышла из дома, села в такси и отправилась на работу. В тот же день она уволилась. От родителей ей остался дом и счёт в банке. Денег было не много, но их вполне хватило бы на год безработной жизни. К тому же в тот же месяц Элис продала дом. С тех самых пор Элис пропала. Никто из ее окружения так толком и не понял, куда подевалась девушка. Одни считали, что она уехала в штаты, другие слышали, будто ударилась в религию, но достоверной информации о местонахождении Элис Смитт ни у кого не было.

Грузовой лифт остановился, и двигатель вновь глухо заурчал. Автомобиль проехал ещё какое-то расстояние и вскоре остановился вновь. Роберт Бойль вышел из машины и дважды стукнул по багажнику. Для Элис это был знак, что все чисто и через десять минут ей пора выбираться из багажника.

Глава 23

После замечания Кристины на счёт документов, Алексей сник окончательно. Если вопрос с одеждой можно было еще решить, к примеру, попросить в долг у местных фермеров, или, на худой конец, прямо в таком виде заявиться в полицию, то без документов и денег, их побег обернулся бы провалом в тот же день. Даже если бы им и удалось покинуть резиденцию «кротов» незамеченными, то задача добраться до города без гроша в кармане уже представлялась неразрешимой. Но если предположить, что чудеса все-таки случаются, и они спокойно добрались бы до ближайшего полицейского участка, там им ровным счетом не светило ничего хорошего. Оборванцы с улицы, без денег, без документов, с явным славянским акцентом, вряд ли кому покажутся нормальным явлением. Учитывая дотошность местных властей, разбирательство по их делу затянется на неопределенный срок. К тому времени ««кроты»» их хватятся, а выяснить местонахождение беглецов, в данном случае, для них не составит большого труда, особенно учитывая их сферы влияния. Конечно, еще оставался шанс добраться до российского посольства, где наверняка им предоставили бы убежище, но где оно находится и как туда добраться, без интернета выяснить не удастся, а это лишняя трата времени, которая может обернуться провалом.

Всё время пока Соловьев лихорадочно перебирал в голове возможности и варианты, Кристина сидела молча и вслушивалась в окружающий мир. Вдруг она резко встала и взяла Алексея за руку:

— Пойдем в здание, Лёш.

— Зачем? Что стряслось? — удивился журналист, но Кристина сказала лишь одно слово.

— Ворота.

Алексей сразу смекнул, в чём дело. Девочка слышала звук открывающихся ворот, а это значит, что кто-то приехал. Учитывая, что через эти ворота в норме никто не въезжает, можно предположить, что этот факт не может служить добрым знаком. Сам Алексей ничего

пока не слышал, но за последнее время настолько привык доверять обостренным чувствам Кристины, что ни на минуту не усомнился в правильности ее выводов.

Логика подсказывала, что воротами пользовались исключительно в экстренных случаях, таких, например, как их переброска из клиники Хоуп. Тогда «кроты» опасались, что Кристину перехватят агенты разведки, а потому предпочли не терять времени на конспирацию и просто влетели на собственную территорию через парадные ворота. Если же Кристина услышала звук открывающихся ворот, то через несколько минут к зданию подъедет кто-то, кому позарез нужно проникнуть на базу, не теряя ни минуты. Значит этот кто-то, скорее всего, по их душу. Каким образом их пребывание в здании облегчит ситуацию, Алексей не понимал, но решил положиться на интуицию Кристины. Они, взявшись за руки, быстро преодолели расстояние от парка до парадного и быстро влетели внутрь здания. После солнечного дня глаза Соловьева не успели привыкнуть к темному помещению, и потому он сначала опешил, когда позади них раздался громкий окрик.

— Стойте!

Машина Эдварда Бойля пронеслась мимо таксиста, который не так давно проводил взглядом машину его сына. На всякий случай, Кэбмен отметил это в своей голове. Тот факт, что старший Бойль не свернул на проселочную дорогу прямо перед заправкой, говорил лишь об одном — он сильно спешит. До базы есть два пути, первый потайной, через подземный бункер, второй путь гораздо короче. Он пролегал через лесную дорогу в двух километрах отсюда, но безопасность в таком случае была минимальной. Намечалось, что-то серьезное, а значит, возможно, у таксиста появится работа. Главное быть предельно внимательным и ничего не упустить.

Роберт не стал дожидаться, когда дверь захлопнется. Пароли и замки могли перекодировать в любую минуту, хотя пока этого не сделали, а потому ученый достал из сумки увесистую металлическую трубу и поставил её так, чтобы она не дала двери захлопнуться окончательно. Мало ли что может задержать его самого, а так у Соловьева и Кристины будет шанс выбраться из западни. Убедившись, что конструкция надежно держит дверь, Роберт быстро преодолел два лестничных пролета и оказался в коридоре здания. Быстрым шагом он устремился в противоположное крыло в надежде застать Кристину в её палате. Удача улыбнулась ему, и он встретил девочку и журналиста прямо в холле.

— Стойте! — громко крикнул Роберт и ускорил шаг. Кристина сразу же обернулась на оклик. Ее лицо, наполовину перебинтованное, выражало тревогу и напряжение. Соловьев так же выглядел озадаченно и, похоже, не сразу узнал Роберта. Ученый сразу решил перейти к делу:

— Друзья мои, вы в серьезной опасности, и времени у нас очень мало!

— Вы даже не представляете, насколько мало, — тут же ответил Алексей, и все трое в следующее мгновение повернули голову на звук тормозов возле парадного входа. Роберт сориентировался первым.

— Быстро сюда!

Он увлек Кристину и Алексея в правое крыло здания и закрыл за собой двери перехода. Все трое притаились. Кто-то вошел в вестибюль и быстрым шагом направился в левое крыло, туда, где была палата Кристины. Роберт понял, что опоздал. Отец раскусил его гораздо быстрее, нежели он рассчитывал, но попытаться спасти ребят все же стоило.

— Алексей! — спешно начал объяснять ученый, — в конце этого коридора слева есть лестница. Левее путь вниз. Там есть...

— Массивная железная дверь, я знаю, но она кодирована.

— Сейчас она открыта, — продолжил объяснение Роберт, не успев удивиться осведомленности журналиста, — вам нужно мне верить, я не желал вам зла! Я ученый и хотел лишь решить проблему миллионов... Но мой отец... — Бойль запнулся.

— Редкая сволочь, — подытожил Соловьев.

— Да, наверное, вы правы, это более точное определение. В любом случае, у вас еще есть шанс спастись. Пока он бежит в палату Кристины, вы выбирайтесь через подземный бункер, от двери налево и никуда не сворачивая вниз по переходу. Там вас встретит Элис, она говорила, вы знакомы.

— Да, — согласился журналист, — было дело.

— Все, нельзя терять ни минуты, бегите! Ах да вот! — Роберт сунул спортивную сумку в руки Алексею, — там паспорта, деньги и ваши вещи из отеля. А теперь бегите! Я их отвлеку.

Соловьев схватил сумку и, кивком поблагодарив Роберта, потащил Кристину вдоль по коридору. Девочка, увлекаемая Алексеем, только одними губами успела прошептать.

— Спасибо...

Но Роберт уже открыл дверь в холл и, что есть мочи, бросился к выходу. Ему нужно было, каким угодно способом, отвлечь хоть на минуту внимание отца и охраны от потайного хода. На случай разоблачения, у Роберта не было какого-либо четкого плана, он действовал, скорее, по наитию. Добежав до выхода, он намеренно сбавил шаг и вышел из здания, как ни в чём не бывало. Со стороны казалось, будто Бойль-младший просто вышел прогуляться. Возле подъезда стоял лимузин отца. Водитель курил неподалеку и, завидев Роберта, поприветствовал его учтивой улыбкой. Роберт ответил не менее теплым жестом, изо всех сил стараясь не выдавать своего волнения.

— Чудесный день, мистер Бойль! — эта дурацкая манера англичан проявлять учтивость даже в незначительных бытовых ситуациях всегда бесила Роберта, но в данный момент это сыграло ему на руку.

— Вы чертовски правы, мистер Керолл, — отозвался Роберт, изображая блаженную улыбку, — даже белки выползли из своих нор, — продолжил он, указывая рукой за спину водителю. Тот машинально обернулся, и этих секунд хватило для того, чтобы ученый быстро занял место водителя, завёл двигатель и рванул с места.

В ту же секунду из здания выбежал Эдвард Бойль. Увидев растерянное лицо своего водителя и удаляющийся с диким ревом лимузин, Эдвард выхватил из пиджака рацию и коротко отдал приказ закрыть ворота и любыми способами задержать беглецов.

"Белки вылезли из нор? Из каких, к чертям, нор — белки в дуплах живут!" — думал Роберт, направляя лимузин в сторону ворот. Возможно, отец ещё не успел распорядиться и его машину спокойно пропустят. Тогда появится шанс спастись и ему самому. На худой конец, даже если его задержат, у Соловьева и Кристины появится небольшая фора.

Лимузин на бешеной скорости приближался к КПП. В самый последний момент Роберт заметил перед массивными воротами, поднимающиеся из земли шипы. На такой скорости эта преграда просто с корнем вырвет колеса даже у бронированного лимузина. И решение пришло само собой. Роберт немного скорректировал курс многотонного лимузина и последнее, что он увидел перед столкновением с одноэтажным зданием КПП, было теплое майское солнышко, на миг ослепившее его ярким лучом.

Соловьев тянул Кристину вниз по лестнице. Девочка старалась изо всех сил не замедлять продвижение, но незнакомый путь все же сильно усложнял ей задачу. Она то и дело спотыкалась о небольшие пороги и уже дважды подвернула ногу на ступенях. Алексей заметил свою оплошность — слишком уж быстро он тянул слепую девочку за собой, но, времени извиняться, не было. В данный момент была дорога каждая секунда. Как именно Роберт собрался отвлекать отца и его головорезов, он не знал, но понимал, что в данный момент нужно действовать очень быстро.

Потайная дверь, как и обещал Бойль, была распахнута настежь, подпираемая стальной трубой. Соловьев провел Кристину в холодный коридор за дверью, а сам вернулся и вытащил трубу. Дверь тут же захлопнулась и цифровой замок наглухо ее закупорил. Не долго думая, Алексей, что есть мочи, ударил трубой по кодовому замку. Тот вспыхнул снопом искр и зеленое свечение, нервно помигав, погасло. Возможно, это задержит их преследователей, решил журналист и взял Кристину за руку. Дальше налево и вниз по коридору они не бежали, а просто шли быстрым шагом. Железную трубу Алексей на всякий случай прихватил с собой. Выставив ее вперед, он уверенно шел вдоль стен, выкрашенных в серый цвет. Через каждые пять метров они проходили запертые двери. Выяснить куда они ведут, не было времени, а потому Соловьев предпочёл даже не думать на эту тему. Весь коридор был освещен неприятным зелёным светом, который исходил от люминесцентных ламп, установленных практически возле каждой двери. Как долго нужно было идти вниз по коридору, Роберт Бойль не сказал, видимо из-за спешки или потому, что подразумевалось идти до самого конца. В любом случае у Алексея не было других ориентиров. Вскоре коридор с дверями сменился овальным тоннелем. Видимо в этом месте кладка фундамента здания сменялась прокопанным ходом, укрепленным железобетонными скобами, на подобие тех, что удерживают своды тоннелей метрополитена в Москве. По крайней мере, Соловьеву этот тоннель сильно напомнил его былые вылазки вместе с друзьями-диггерами. Кристина шла молча, крепко сжимая руку журналиста. Звук их шагов гулко разносился во все стороны. Из-за него беглецы не слышали, преследуют ли их или же погоню еще не успели организовать. Останавливаться и прислушиваться было страшно и оба, не стовариваясь, предпочли продолжать путь безе остановок. Кристине было крайне неприятно двигаться в подобном режиме: не касаясь ни стен, ни какой-либо другой опоры. Лишь твердая хватка Алексея, уверенно шагнувшего вперед, а точнее вниз, придавала девочке немного уверенности. Хотя, передвигаясь таким образом, по совершенно незнакомому месту, Кристина сообразила, что разносящиеся во все стороны звуки их шагов каким-то образом вырисовываются в ее голове странным изображением. Она не могла видеть дорогу, но понимала, что чувствует ее. Причем чувствует гораздо больше, нежели мог увидеть ее зрячий спутник. Еще через десяток метров Кристина поняла, что точно угадывает направление предстоящих поворотов тоннеля. А спустя еще какое-то время она сообразила о способе этого своеобразного видения. Она о таком читала в учебнике по биологии. Дельфины и летучие мыши используют отраженный от препятствия ультразвуковой сигнал и таким образом ориентируются в пространстве. Внезапно раздался негромкий щелчок, и Алексей встал, как вкопанный. Кристина по инерции налетела на него.

— Почему мы остановились? — Шепотом спросила девочка?

— Свет погас, — отозвался Соловьев и начал судорожно рыться в своей сумке. — Я, конечно, и не рассчитывал на фонарик или зажигалку, но попытаться все же стоило. Теперь

мы оба слепы.

— Нет, Лёш, среди нас, по-прежнему, только один слепой.

С этими словами Кристина нащупала в руках журналиста металлическую трубу и тихонько ударила ей по стене тоннеля. Звук разнесся на несколько метров вперед и назад. Тут же в голове у девочки отчетливо высветилось продолжение подземного хода. Кристина улыбнулась и смело шагнула вперед. Затем она сделала еще шаг и еще один. Удар трубы. Еще несколько шагов. Чем дальше они продвигались, тем увереннее становилась поступь Кристины. Теперь уже она вела, вконец сбитого с толку, Соловьева. Шли они, конечно, не так уверенно, как при свете ламп, но все же получалось гораздо быстрее, если бы они карабкались на ощупь.

Возле очередного поворота Кристина резко остановилась и тихо шикнула в сторону Соловьева. Сначала она решила, будто ей показалось, но после последнего удара трубы она была почти уверена — впереди кто-то есть. Алексей с трудом сдерживал тяжелое дыхание. В тоннеле повисла гнетущая тишина, и Кристина перестала ощущать пространство вокруг. Кто бы это ни был, он тоже притаился и ждет. Вокруг, по-прежнему, было темно и потому, там в засаде, решили не идти навстречу беглецам, а подождать когда они сами прибегут к ним. Кристина помнила последнюю картинку, которую видел ее необычный взор. За поворотом, шагах в десяти, стояла странная фигура.

Алексей наклонился к уху Кристины и, как можно тише спросил:

— Ты что-то увидела?

Кристина ничего не ответила. Она медленно поднесла трубу к стенке и, затаив дыхание, тихо стукнула ею. В полной тишине легкий удар железной трубы показался ей оглушительным грохотом. Звук мгновенно наполнил тоннель, и девочка тотчас получила четкую картинку. В нескольких шагах от них находились две массивные фигуры с продолговатыми предметами в руках. Неизвестные тоже услышали удар трубы, переглянулись между собой и синхронно двинулись в сторону звука. Было очевидно, что они, так же как и беглецы движутся в кромешной тьме, поскольку шли они очень медленно, стараясь не производить шума. Расстояние, отделявшее преследователей от добычи, неумолимо таяло, и девочка невольно начала пятиться назад. Вот уже две фигуры, выставив вперед свое оружие, миновали поворот и оказались лицом к лицу с журналистом и девочкой, но, по-прежнему, не видели их. Отходить назад уже не имело смысла. Двое вооруженных мужчин легко справятся со слепой девочкой и молодым парнем, самой безобидной профессии. Им оставалось лишь услышать их и нанести два три решающих удара.

Элис максимально напрягла слух. Но, как сильно она ни вслушивалась в мертвую тишину подземного гаража, ничего существенного услышать ей не удалось. Прошло десять минут с тех пор, как Роберт покинул её, и Озука вот-вот должен был выйти на связь. Наконец ее наушник весело чирикнул и знакомый голос доложил:

— Подстанция взорвана, свет вырублен. У тебя есть десять минут, прежде чем они запитаются от генератора. Приём.

— Добро. Приступаю к операции. Приём.

— Тут у нас произошел странный инцидент. Машина Старшего Бойля на полном ходу протаранила здание КПП. Пострадавших куча, непонятно кто был в машине. Тут полный хаос и неразбериха.

— Поняла. Конец связи.

Видимо там наверху что-то пошло не так, раз Эдвард Бойль приехал на базу так скоро. В любом случае, отступать было поздно. Агент надела прибор ночного видения и нажала на кнопку брелка. Багажник открылся. Немного приподняв его, девушка огляделась. Подземный паркинг был пуст, и она смогла спокойно выбраться из машины. Далее сработала память, Роберт подробно объяснил, как добраться до основного здания комплекса. Она легко выбрала нужную дверь, которая соединяла паркинг и помещение, напоминающее проходную. Миновав его, Элис очутилась в длинном, извилистом коридоре. Девушка бесшумно пошла вдоль стены. Преодолев несколько десятков метров, она добралась до первого патруля. Двое охранников, воспользовавшись фонарями, изучали карту. До Элис доносились их речь:

— Начальник охраны сказал, что они могут быть в переходах. Но теперь они появятся не скоро, без света им далеко не уйти.

— Наше дело за малым, перекрывать тоннель на случай их появления. Ты понял, что у них там взорвалось?

— Да черт их знает! То ли КПП, то ли подстанция...

Остальная часть разговора для Элис не представляла особой ценности, и она уже была готова устранить преграду, как вдруг до ее слуха донесся странный стук. Затем еще и еще раз.

— Эй, ты слышал? — Патрульный перешел на шепот.

— Погаси фонарь! — отозвался второй, — кажется это наши гости. Встретим их тут.

Оба достали электрошокеры и встали по обе стороны тоннеля. Западня была готова и те, от кого исходил странный стук, неминуемо попадут в нее. Если конечно не вмешаться, подумала Смитт и осторожно скользнула ближе к охранникам.

Стук становился все громче и помимо него стали слышны шаги. Их было двое, шли они не быстро, но если учитывать кромешную тьму, то было не понятно, как им удастся вообще продвигаться столь уверенно. Вдруг шаги стихли и стук прекратился. Тоннель погрузился в полное безмолвие, и только Элис отчетливо видела что происходит.

Охранники недоумевали. Элис было видно, как оба нервно переминались с ноги на ногу. Их, как и Элис, волновал вопрос — почему беглецы остановились? Неужели почувствовали опасность?

Элис решила выждать и посмотреть, что будет дальше. Вдруг, среди полной тишины, раздался еще один робкий удар. Патрульные вздрогнули, переглянулись, хотя сделали они это, скорее всего, рефлекторно, видеть друг друга в такой кромешной тьме они не могли. Один подтолкнул другого, и оба, пригнувшись, пошли на звук, выставив вперед электрошокеры. Элис кралась следом. От охранников ее отделяло не более двух метров. Миновав поворот, она увидела в трех метрах перед бугаями Громову и Соловьева. Оба, притаившись, прижались к стене, но вряд ли они рассчитывали пропустить мимо себя своих преследователей. Страх сковал их движения и ничего кроме обреченного ожидания им больше не оставалось.

Дальше медлить было нельзя. Смитт аккуратно достала световую гранату и, тихонько выдернув чеку, бросила ее между собой и охранниками. Те рефлекторно обернулись на шум и тут же истошно завопили от дикой боли. В замкнутом пространстве, после полной темноты граната не только ослепила их обоих, но и на какое-то время оглушила. Элис же спокойно подошла к пригнувшимся и стонущим охранникам и с силой потянула их оружие крест-накрест. Те, почувствовав, что лишаются своего оружия, интуитивно нажали на

кнопки, в надежде поразить невидимого противника, но поразили только друг друга. Громкий треск разнесся по тоннелю эхом, и всё стихло. Охранники лежали без сознания, вырубив друг друга, за ними стояла Кристина Громова, вконец сбита с толку. Позади нее корчился от боли в глазах журналист. Он, видимо, не успел зажмуриться, и световая граната ослепила и его. Ничего через пару часов пройдет, подумала Элис и быстро прошла к беглецам.

— Соловьев, вставайте, какой пример вы подаете девочке? — И уже обратившись к Кристине, агент добавила. — Элис Смитт, мы ведь, кажется, не знакомы.

— Кристина Громова. Будем знакомы. — Немного растерянно ответила девочка.

— Времени нет, эти скоро очнутся, пора выбираться отсюда.

С этими словами Элис помогла подняться Алексею. Организовав за собой живую цепь и строго настрого приказав не отпускать друг друга, она повела заложников к выходу. Какое-то время они шли довольно спокойно, но вскоре за их спинами послышались голоса и шаги. Видимо погоню все же успели организовать, и преследователи уже успели наткнуться на, потерпевший фиаско, патруль. Элис же на руках имела двоих слепых заложников и три обоймы от «глока». Не самый хороший расклад, подумала агент Смитт, но ей случалось выбираться из ситуаций и посерьезнее. А потому, она просто решила действовать по заранее отработанному плану, естественно с поправкой на дефицит времени. Миновав проходную, все трое оказались на парковке. Вдруг лампы вокруг начали мигать, и свет вновь наполнил весь подземный бункер. Лампы светили довольно слабо, но все же ориентироваться без прибора ночного видения уже было можно. Элис сняла с головы специальные очки и огляделась. Машина Роберта все еще стояла на своем месте. Выбраться на ней тем же путем не представлялось возможным, поскольку аварийное питание коммуникаций не предусматривало работу грузового лифта. По плану преследователи не должны были так быстро приблизиться к ним. Но выбирать не приходилось, и Смитт приняла решение выбираться тем путем, который сама одобрила при разработке плана побега. Они добежали до кабины грузового лифта, и Элис без труда обнаружила люк, ведущий в шахту. Недолго думая, она прострелила небольшой навесной замок, запиравший его. Сняв с пояса пневматический пистолет, предназначенный для метания альпинистских крючков, она первым выстрелом выбила люк наружу, вторым послала вверх трос, при помощи которого ловко вскарабкалась вверх.

— Алексей, обвяжите Кристину, пока я креплю крюк! — Тонем, не терпящим пререканий, скомандовала Смитт.

— Я же ничего толком не вижу... — начал было возмущаться Соловьев, но тут же услышал вдалеке топот сапог. Приближающаяся опасность подействовала лучше уговоров, и дальше Алексей действовал хоть и не уверенно, но довольно ловко. Будучи студентом, он часто проводил выходные, исследуя Московскую подземку и потайные катакомбы времен второй мировой войны. А потому даже полуслепой, он довольно быстро соорудил для Кристины петлю и зафиксировал в ней ее талию и ноги. Теперь ему нужно было сориентироваться в том, как самому подняться в шахту.

— Руку, быстро! — Услышал он сверху. Слезы мешали Алексею разглядеть что либо, и как он ни пытался увидеть, куда надо прыгать, у него ничего не выходило. Элис, оперевшись на крыше лифта обеими ногами и одной рукой, другую протянула вниз, но тот факт, что Соловьев все еще ничего не видел, сильно осложнял их положение.

А шаги все приближались, причем их интенсивность резко стихла. Охрана понимала,

что далеко уйти беглецы не могли, и потому находятся где-то рядом. В данный момент бойцы «кротов» методично пробирались по окутанной мраком проходной, а за ней на открытом пространстве находились Соловьев и Громова.

Кристина, ухватилась за Соловьева, беспомощно прыгающего в надежде зацепиться за руку Элис, и произнесла:

— Тихо. Стой, не двигайся! — Соловьев замер. — Слушай, — скомандовала она и тут же обратилась к агенту, — Элис, не меняя положения руки, просто щелкайте пальцами!

— Что?

— Просто сделайте, как я говорю! — Элис, начала методично щелкать пальцами.

— Слушай, Лёша! Слушай и прыгай на звук.

Соловьев прислушался, понял, что ему стоит сдвинуться немного левее и сделал очередную попытку. На этот раз он смог дотронуться до руки Элис, но уцепиться не удалось, вторая попытка была более удачной и они смогли хлопнуть ладонями более уверенно. На третий раз Элис удалось ухватить журналиста за запястье и с силой втянуть его в шахту лифта. Соловьев не ожидал от своей хрупкой спасительницы подобной силы и даже успел подумать, что сам он вряд ли бы так просто смог вытянуть её в подобной ситуации. Ухватившись за край люка, он подтянулся и забрался на крышу лифта. Далее был черед Кристины. Агент приказала Соловьеву ухватиться за ее талию сзади и создать противовес своим телом. Он так и сделал, а сама Элис начала аккуратно поднимать девочку вверх. Петли сильно врезались в бока Кристины и больно стянули ноги, но она даже не пикнула. Крепко ухватившись за трос, она изо всех сил старалась не раскачиваться, чтобы максимально облегчить для Смитт задачу. Элис же в кровь стёрла руки, методично перебирая тонкий трос. Наконец голова Кристины показалась в шахте и Элис крикнула Соловьеву, чтобы он втянул девочку наверх. Тот быстро схватил Кристину за руки и начал тянуть её вверх. Спустя мгновение, Громова оказалась в шахте и по крыше лифта зашлепали быстрой трелью удары. Стреляют боевыми, подумала Элис, значит решили все-таки не отпускать девочку живой, подонки. Ничего, на каждую страшную силу есть сила пострашнее. Элис, не глядя, выпустила целую обойму в их преследователей. Пусть думают, что мы тут будем отстреливаться. Далее в дыру полетела еще одна световая граната и, после шумного взрыва, Элис Смитт вскочила на ноги. Было довольно темно, но девушка помнила план шахты лифта наизусть. Закрепив на тросах два приспособления для подъема, она бегло проинструктировала Соловьева, как следует подниматься.

— Держишь кнопку, затем подтягиваешься. Жмешь другую, перебираешь. Понял?

— Понял, — отозвался журналист, хотя так и подмывало сказать, что он не профан в промышленном альпинизме.

Выстрелы в крышу лифта становились все настойчивее. Элис поднималась первой, таща за собой Кристину. Соловьев не отставал. На середине пути сверху послышались странные звуки. Все трое синхронно подняли головы вверх. Но только Элис смогла разглядеть, источник звука. Их преследователи уже подобрались к лифту сверху и пытались открыть закупоренные двери. Соловьев тоже догадался о причине звуков и с отчаянием в голосе выдохнул:

— Не успели... Конец!

— Все продуманно, — подбодрила Элис и тут же со всей силы ударила ногой в стену шахты. Раздался грохот, и стена в этом месте оказалась никакой не стеной, а запыленной решеткой вентиляции, — появление ребят сверху сильно облегчит нам задачу.

Агент Смитт схватила Кристину за руку и, буквально закинула ее в шахту воздуховода. Далее туда забрался Соловьев. Последней шахту лифта покинула Элис и, напоследок, выпустила несколько выстрелов вверх и вниз. Тут же трелью залился автомат сверху. Ему ответили снизу. Таким образом, верхние головорезы посчитали, что огнем им отвечают беглецы, а нижние продолжали считать, что те же беглецы отстреливаются сверху. Подобная неразбериха позволила выиграть Элис Смитт еще несколько минут, за которые они практически на четвереньках преодолели около пятисот метров. Наконец над головой блеснул свет. Элис остановила свою группу и, приложив руку к уху, связалась по рации с помощником:

— Озука, ты на месте?

Сверху посыпались листья и мусор, раздался бодрый голос:

— Ну а где мне еще быть, шеф?

К троице спустили карабин на тросе и, через некоторое время, подняли наверх всех по очереди. Погода стояла потрясающая. Теплое солнце пробивалось сквозь зелень листьев, оставляя на всех предметах пёстрые блики. После холодной вентиляционной шахты, тёплый воздух вдохнул во всех новую порцию энергии. С расстояния в сто метров, в таком лесу уже практически ничего не возможно было заметить, но Озука доложил, что по каналу внутренней связи поступило распоряжение прочесать лес. Так что задерживаться им не стоило. Немного переведя дух, они начали пробираться сквозь чащу к припаркованному неподалеку микроавтобусу. Только когда они отъехали на более или менее безопасное расстояние, Элис позволила себе расслабиться и осмотреть, не ранен ли кто-нибудь. Кроме ссадин и кровоподтеков на теле Кристины больше никаких повреждений не обнаружилось. Соловьев же мучился от сильного слезотечения, но в закрытом микроавтобусе не было солнечного света, который сильно резал глаза, а потому и он постепенно приходил в себя. Ему наложили повязку на глаза. Озука после этого решил немного разрядить обстановку. Глядя на Кристину и Алексея, одинаково перевязанных, он поинтересовался:

— А вы, часом, не родня?

Дружный хохот расслабил всех троих и позволил снять колоссальное напряжение.

Серый микроавтобус таксист заметил уже давно. Этот же фольксваген находился неподалеку от отеля Соловьева всё время, которое таксист следил за ним. К тому же подозрительный автомобиль пропал отсюда в то же самое время, когда журналиста перевезли на объект. Сегодня этот микроавтобус появился за полчаса до приезда Эдварда Бойля.

В совпадения Кэбмен не верил, а потому решил довериться интуиции и проследить за фургоном.

Глава 24

Соловьев вновь стоял перед пламенем. Этот кошмар настолько часто преследовал молодого человека, что, казалось, он мог бы уже привыкнуть, но каждый раз пережитое вызывало в душе Алексея новую волну ужаса. На этот раз он точно так же стоял возле костра, но при этом девушка на полыхающем одре не была мертва. Точнее сказать она была не совсем мертва. Он все еще не мог пошевелиться, его тело, по-прежнему, было налито свинцом, а кожу нестерпимо обдавало жаром. Девушка же, напротив, никак не страдала от языков пламени. Она медленно поднялась над погребальным костром и, сладко потянувшись, словно после долгого сна, начала спускаться к Соловьеву. Она медленно

приближалась к нему, и он всем телом чувствовал ее приближение. Ревущее пламя яростно трепало ее ритуальные одеяния, но, по-видимому, не причиняло ей никакого ущерба. Слезы от адского жара мешали Алексею разглядеть девушку. Сноп искр впивался ему лицо, словно тысячи раскаленных игл, заставляя жмуриться и кричать от боли, но кроме рева пламени Соловьев не слышал ничего, даже собственного крика. Через мгновение девушка вплотную подошла к Соловьеву, и тот почувствовал на своей коже ледяную прохладу, исходящую от покойницы. Она подошла так близко к журналисту, что холод, исходивший от ее тела, полностью окутал его, освобождая от мучительного жара. Алексей медленно открыл глаза и увидел её лицо. Элис Смитт, нежно улыбаясь Алексею, взяла его за руку. Ее пальцы так сильно стиснули запястье Соловьева, что тот невольно вскрикнул. Постояв так с минуту, девушка развернулась и повела Алексея за собой прямо в бушующую бездну пламени. Сделав несколько шагов в сторону костра, Алексей с удивлением обнаружил, что пламя не причиняет ему никакой боли. Элис вела его за собой на тот свет, крепко сжимая его руку. Вырваться не было ни малейшей надежды, настолько сильной была её хватка. Наконец, они оба вошли в полыхающий ад, и Элис вновь повернулась к Алексею. На её лице была всё та же блаженная улыбка, которая источала спокойствие и умиротворение. Она была готова расстаться с этим миром, но огонь, по-прежнему, не трогал её тело. Алексей, замороженный этим страшным зрелищем, начал медленно опускать взгляд вниз. Следующие пять секунд кошмара оказались самыми ужасными в его жизни. Элис Смитт крепко держала его в центре испепеляющей бездны, которая не причиняла ей никакого вреда, но при этом легко плавил одежду на самом Алексее. Он ничего не чувствовал, но видел как кожа на его голых ногах начала покрываться огромными пузырями, которые, в свою очередь, лопались, изливаясь кровавым месивом ему на обгоревшие ступни. От дикого ужаса Алексей пересилил себя и смог сделать глубокий обжигающий вдох. Дикая крик вырвался из опаленного горла и возвестил о его гибели всему живому.

Соловьев проснулся с криком и обнаружил на своем запястье руку Кристины. Девочка испугалась и быстро её убрала. Алексей не сразу сориентировался, но спустя минуту все же взял её руку в свою ладонь. Самолет шел на посадку. Кристина предупреждала его, что перелеты вызывают в её голове очень болезненные ощущения. Журналист не смог бороться с усталостью и отключился вскоре после того, как они оторвались от земли. Теперь он сильно жалел, что позволил себе подобную вольность. Юной Кристине приходилось куда хуже, чем ему.

После побега их отвезли в аэропорт. На их имя уже были куплены билеты. В аэропорту их встретил сотрудник британского посольства, который после звонка из Лондона любезно согласился сопроводить гостей до Праги. Вывозить российских подданных прямо в Москву не решились, мотивируя это не самыми теплыми отношениями Ми-6 с ребятами из ФСБ. Соловьев не совсем понял причину, но догадывался, что в результатах работы Роберта Бойля заинтересованно и Британское правительство, и пока не выяснится, как прошла операция, никто Кристину не отпустит. Естественно Ми-6 сослалось на расследование и на то, что Кристина и Алексей являются важными свидетелями. Самолет легко коснулся полосы. На этот раз Кристина перенесла полет гораздо легче. Сам же Соловьев никак не мог прийти к себе после очередного кошмара. Его сильно поразил тот факт, что неизменно повторяющийся сон на этот раз существенно изменился. Его пугала перспектива переживать самосожжение каждую ночь, слишком уж реалистичными были ощущения во время просмотра этого сна. А посему он сделался, несколько, задумчивым и рассеянным и весь

путь от аэропорта до Праги просто глядел в точку перед собой. Из соображения безопасности им подали тяжелый бронированный внедорожник, с наглухо завешанными шторами, так что полюбоваться чешскими видами Алексей все равно не смог бы. Дорога из аэропорта заняла около часа. По прибытии на место их вежливо попросили подождать несколько минут, пока охрана организует безопасный переход из машины в отель. После короткого инструктажа, который включал простые советы не оглядываться, пригнуться и быстро следовать сквозь коридор охраны прямо в здание, Кристину и Алексея быстро переправили в вестибюль отеля. Не задерживаясь на ресепшн, они, в сопровождении четверых агентов, быстро проследовали к лифту, который уже был подан. На верхнем этаже их так же быстро провели в номер люкс, где их уже ждал Озука.

— Приносим вам тысячу извинений, мистер Соловьев, мисс Громова! Все эти меры предосторожности необходимы для вашей же безопасности.

— На самом деле мы очень рады, что вы вызволили нас из того места, — ответил Алексей, — но все же мне не ясно, почему нас не отправили в Россию?

— Я понимаю ваше недоумение, но организация, с которой мы боремся, имеет обширную сеть представительств. Отправив вас напрямую в Москву, мы рискуем передать вас непосредственно в лапы «кротам», поскольку не имеем достоверной информации об их московских связях.

Озука говорил четко и обстоятельно, совершенно не запинаясь и не подбирая слова. Кристина подсчитала его пульс и поняла, что их собеседник совершенно не волнуется, а значит то, о чём он говорит, во-первых, скорее всего правда, а, во-вторых, было решено изначально. Кристина предпочла не вмешиваться в разговор и всем своим видом давала понять, насколько сильно она устала. Алексей аккуратно подвел её к креслу в углу номера и помог присесть. Озука тем временем продолжил.

— К тому же у нас есть серьёзные намерения обернуть вашу Швейцарскую проблему в свою пользу. — Уловив еле заметный прищур Соловьева, агент тут же поправился, — в нашу пользу, — и расплылся в такой дружеской улыбке, на которую только был способен.

— Сколько времени нам потребуется провести в Праге?

— Не больше недели.

Кристина подняла голову в сторону Озуки и поинтересовалась.

— Мистер шпион, а когда мне позволят позвонить родителям? Я с ними не разговаривала уже несколько дней. Не исключено, что мама уже бежит по Берну с Тором и ищет след.

Озука улыбнулся и ответил.

— С этим, как раз проблем не будет, юная мисс. Как только мы наладим связь, вы сможете побеседовать с родителями. Естественно первое время придется рассказывать не все, вы же понимаете о чем я?

— Я уже большая девочка, конечно понимаю! Да и маме спокойнее будет.

В разговор вмешался Соловьев:

— У меня еще вопрос. Если эти «кроты» настолько организованы и опасны, то не опасно ли выходить на связь с родителями Кристины? Нас же могут прослушать, или запеленговать, или как там у вас это называется?

— На этот счет не волнуйтесь, наши программисты — одни из лучших в мире. Они закодируют сигнал, никто не перехватит. К тому же, чтобы вас прослушать, за нами должны были следить, а Ми-6 все же умеет уходить от слежки. Более того, канал настолько

засекречен, что вы смело можете рассказать родителям о том, где находитесь. Вас же в любом случае будут встречать в аэропорту, и самолёт, прибывший из Праги, с вами на борту в итоге вас выдаст. Начнутся вопросы и подозрения. А так, вы скажете правду, немного её исказив, мол, мы перебрались в филиал клиники Хоуп, чтобы в её стенах завершить эксперимент. Нужно пройти несколько тестов и обследований на оборудовании, которое есть только здесь.

— А что насчет Корелиной? — Кристина ожила, услышав имя своей наставницы.

— С ней все в порядке. Наши врачи быстро купировали приступ. Инфаркт, собственно, и не успел развиваться. За ней отправилась Элис, но правда их рейс задерживают.

Кристина в очередной раз подивилась тому, с какой готовностью отвечает их собеседник. На все вопросы ответ готов заранее. Врёт и не краснеет, подумала девочка. По крайней мере, сердце шпиона более походило на двигатель дорогого автомобиля — работало, как часы и ни на секунду не сбилось с ритма. Такого — поди, раскуси.

Тем временем, самолет с Натальей Ивановной Корелиной на борту совершил посадку в пражском аэропорту. Женщину быстро зарегистрировали на таможне, посадили в бронированный фургон, где её ждала агент Смитт. Всю дорогу Элис напряженно думала над своим планом. Верно ли она все рассчитала? Какие шаги предпримут в связи с последними событиями «кроты»? Не упустила ли она из виду какую-либо мелочь? Вопросы роились в её голове, но все они не имели ответа, поскольку только время могло ответить на них. Машина, не сбавляя скорости, влетела в город.

Наталья Ивановна была посвящена в план Элис и потому абсолютно адекватно воспринимала всё, что происходило вокруг. Она прекрасно осознавала, на какой риск идёт, но всё же, когда к ней на конспиративную квартиру, где её прятали от «кротов», пришла Элис Смитт и рассказала о своей задумке, женщина, не колеблясь, одобрила план. В конце концов, Элис доказала свою надёжность, собственноручно освободив из лап этих извергов. Теперь нужно было сделать так, чтобы эти бандиты отвязались и от бедной Кристины. Отвязались раз и навсегда.

Фургон резко остановился. Оперативники быстро покинули его через заднюю дверь. Одни организовали живой коридор непосредственно до входа в отель, другие ушли в помещение. Наконец, открылась передняя дверь фургона и из нее вышла Элис. Она осторожно подошла к боковой двери фургона и, немного оглядевшись вокруг, открыла ее. Из фургона осторожно вышла Наталья Ивановна Корелина. Учительница еще не могла быстро передвигаться и несколько метров до отеля женщины преодолели лишь за минуту. Этого времени с лихвой хватило Кэбмену, чтобы сделать несколько четких снимков. Значит, информатор не обманул. И в этом отеле действительно могут прятаться Громова и Соловьев.

Чутьё и на сей раз не подвело таксиста. В Берне, вычислив фургон оперативников Ми-6, он не стал дожидаться развязки истории, а просто направился за ним. Добравшись до аэропорта, он легко затерялся в толпе и вычислил, куда направляются беглецы. Информация — деньги. Этой нехитрой мудрости он придерживался всегда. Обладая информацией о местонахождении Громовой, Кэбмен мог диктовать Бойлю свои условия и свои цены. Взяв билет на следующий рейс до Праги, таксист связался со своими людьми в Чехии. В своем ремесле Кэбмен был одним из лучших. За годы, проведенные в Европе, таксист обзавелся широкой сетью информаторов. В каждом городе, где ему доводилось выполнять заказ, он разрабатывал свою небольшую, но крайне эффективную агентурную сеть. Служащие

аэропортов и вокзалов, портье и консьержи, бармены и официанты — все, кто мог поделиться нужной ему информацией, попадали в его список. Каждому из них Кэбмен платил солидные чаевые, в случае, если информация действительно имела высокую цену. И все, кто работал на таксиста, охотно помогали ему. После того, как ассасин вычислил нужное направление, он связался с двумя работниками пражского аэропорта. Предупредив их о том, куда смотреть и на что обращать внимание, он спокойно вылетел следующим рейсом. Добравшись до Праги, первым делом он проверил почту. Служащий зала прилета сообщал, что указанным рейсом из Берна действительно прибыл дипломат, сопровождавший девочку с перевязанной головой и молодого человека с надвинутой на глаза кепкой. Троицу встретила целая делегация людей в штатском, по-видимому, полицейских или военных. У каждого из них была связь через гарнитуру и они, совершенно не скрываясь, встретили гостей и проводили их на парковку. Второй информатор сообщал, что дежуря в такси возле аэропорта, он наблюдал, как в подъехавший кортеж из трех внедорожников, некие люди в черных костюмах усадили девушку и парня. Далее кортеж на высокой скорости направился в город. Таксист похвастал, что угнаться за ними было не просто, но всё же ему удалось выяснить, в какой именно район направлялись машины. Сверив их показания, он щедро отблагодарил обоих денежным переводом. Информация оказалась действительно ценной. В районе, который указал второй информатор, было всего два отеля и ни одного правительственного учреждения. Посольства тоже отпадали, поскольку ни британского, ни российского представительства в той части города не было. Оставалось лишь выяснить, какой из отелей мог стать убежищем для беглецов и тогда начинать свою игру.

В начале своей карьеры таксист действовал довольно просто. Он анализировал ситуацию на своеобразной криминальной бирже труда. Прощупывал преступный мир того или иного города. Находил две три враждующие группировки и предлагал свои услуги одной из них в самый подходящий момент. Как правило, это были лёгкие заказы, связанные с устранением несговорчивых полицейских или политиков. Не брезговал Кэбмен и сложной работой. Попадались довольно интересные цели из преступного мира.

Тактика всегда была проста. Первым делом, Кэбмен выслеживал потенциальную жертву, изучал ее привычки и график передвижений. Выбирал самое уязвимое место и бил именно туда. Для прикрытия киллер, чаще всего, использовал личину таксиста, откуда и пошло его прозвище. Обладая изрядным терпением и наблюдательностью, он мог часами следить за своей жертвой. У него была отличная память. Именно потому он не вел никаких записей или пометок. Практически, всю нужную для дела информацию он держал в голове. От оружия Кэбмен избавлялся в тот же день, да так, что никто и никогда, за всю его карьеру не смог найти после его работы ни единого следа, ни единой гильзы, ни единого отпечатка. Для силовых структур всей объединенной Европы долгое время оставалось секретом само его существование. Только когда его репутация в преступном мире достигла апогея, за его голову была назначена солидная награда. Цели себе Кэбмен выбирал сам. Сам же связывался с потенциальными заказчиками и предлагал свои услуги. Стараясь действовать наверняка, он практически никогда не ошибался с выбором. С особо платежеспособными клиентами таксист работал несколько месяцев, предлагая свои услуги в качестве наемника. Так случилось и с этой сложной и громоздкой структурой, называющей себя «кротами». Приехав в Берн, он довольно быстро разобрался в тонкостях организации Швейцарской власти и выяснил, что за всеми видными персонами столицы стоит некий Эдвард Бойль, в прошлом блистательный хирург. В подобную маскировку Кэбмен не поверил ни на секунду. Слишком

уж много нитей вело к этому доктору. Таксист легко нашел выход на Бойля и предложил ему свои услуги, за вполне умеренную плату. Несколько поколебавшись, Бойль согласился с условием, что Кэбмен проведет несколько операций для него, но не более. Конкретных предложений по устранению неугодных лиц таксист найти не смог, но работа на столь влиятельную персону сулила хорошие дивиденды. До поры, до времени, Кэбмен исправно выполнял мелкие поручения Бойля. Со временем он накопил достаточно информации о своем работодателе и прикидывал, как и кому подороже продать его жизнь. Шанс не заставил себя долго ждать. На радость таксисту Роберт Бойль — сынок главы бернской ячейки «кротов» пошел наперекор отцу и отказался принимать бразды правления криминальной структурой. Естественно, вышестоящему руководству «кротов» этот факт не пришелся по душе, и Бойль-старший получил ультиматум, который предписывал доктору в скорейшем времени разобраться с кризисом власти. Сынок Бойля, тем временем, умудрился перейти дорогу нескольким крупным фармакологическим компаниям и своими разработками поставить под удар целую отрасль, приносящую «кротам» огромные деньги, причём, абсолютно легально. В глазах таксиста картина складывалась, как нельзя лучше. Для разминки он планировал продать жизнь Громовой и Соловьева Эдварду Бойлю, а после продать и его самого вместе с сыном. Поэтому он позволил Ми-6 похитить Кристину Громову.

Таксист не спеша добрался из аэропорта до первого отеля в предполагаемом районе. Сперва, он взял такси до центра, там, перекусив и убедившись, что за ним нет хвоста, на трамвае отправился почти через весь город в тихий безлюдный район на окраине Праги. Там он вновь поймал такси и назвал адрес одного из интересующих его отелей. К полудню он был на месте. Оглядевшись вокруг, Кэбмен спокойным шагом направился к входу в здание. На ресепшн он справился о свободных номерах, сделав вид, что никак не может сделать выбор. Оказалось, что в отеле свободно три люксовых номера из четырех, а все номера классом ниже были либо заняты, либо забронированы и не сдавались. Исходя из опыта, таксист решил, что если Ми-6 и будет прятать своих подопечных в отеле, то только в люксовом номере. Во-первых, это, как правило, последний этаж здания, во-вторых — меньше лишних глаз. Оформив все бумаги, таксист преспокойно поднялся к себе в номер. На этаже было тихо и безлюдно. Никакой охраны, отметил он, никаких запретов передвижения. У носильщика таксист справился о постояльцах на этаже, разминая в кулаке хрустящую купюру в 25 долларов. Словоохотливый служащий подробно рассказал о пожилой паре из Германии в номере по соседству. Взгляд носильщика постоянно останавливался на деньгах. В довершении своей речи он заверил нового постояльца, что пожилые соседи никак не побеспокоят мистера Брауна. Таксист улыбнулся самой теплой улыбкой, на которую был способен и, поблагодарив носильщика, сунул ему в карман его честно заработанную награду. Довольный легкой наживой, служащий вскоре удалился, оставив таксиста одного в огромном люксовом номере.

Что ж, скорее всего первая цель оказалась ложной. Нужно будет вечером прогуляться до второго отеля в районе и прощупать обстановку там, решил Кэбмен. Он переоделся, заказал в номер ужин и сделал звонок еще одному проверенному информатору. Посулив солидное вознаграждение, он приказал ему забронировать номер люкс в отеле Европа.

— Если не получится забронировать люкс, — продолжал давать указания таксист, — бронируй любой номер и въезжай. Нужно любым способом узнать о постояльцах верхних этажей. Любую информацию. Неважно какую. Всё, что сможешь узнать.

Повесив трубку, таксист отправился в душ и затем переоделся. Поужинав, он спустился в бар на первом этаже. От стойки просматривался весь холл отеля. Таксист заказал себе двойной «эспрессо» и, развернув местную газету, принялся следить за холлом. Ровно через полчаса в холле показались супруги из Германии. Убедившись в правдивости слов носильщика, Кэбмен расплатился с барменом и вышел из своего отеля.

Путь до следующей цели занял всего двадцать минут. Кэбмен шёл не торопясь, фотографируя все на своем пути. С виду он ничем не отличался от сотен тысяч туристов по всей Праге. В таком виде он мог находиться практически в любой точке Европы и не вызвал бы никаких подозрений. Оружия он предусмотрительно не захватил, из всего арсенала гаджетов, коими он активно пользовался в работе, было лишь портативное прослушивающее устройство, больше напоминавшее плеер, да отличный фотоаппарат. Типичный набор туриста, не подкопаться. Добравшись до нужной улицы, мистер Браун, а именно на это имя таксист использовал паспорт, спокойно прошел мимо отеля, где предположительно могли прятать русскую девчонку. От его внимания не ускользнул бронированный внедорожник с дипломатическими номерами, припаркованный в десяти метрах от отеля. Не остались незамеченными и двое мужчин в штатском, дежурившие у входа в отель. Кэбмен отплюсовал в голове эти наблюдения и, как ни в чём не бывало, занял столик в небольшом летнем кафе напротив интересующего его объекта. Заказав себе легкий ужин и кофе, мистер Коллер с самым заинтересованным видом принялся фотографировать всю улицу. В свободной Европе никто не запрещал туристам делать фотографии достопримечательностей. И потому, вооружившись объективом помощнее, Кэбмен от души тратил мегабайты на фонари, причудливой формы, уже залившие своим теплым светом улицы вечерней Праги, и фасады зданий напротив, так волшебным и иллюминированным мастерами света.

Через десять минут из отеля вышла группа людей в чёрных костюмах и присоединилась к тем двоим, дежурившим на улице. Таксист приготовился. Один из них, видимо старший, жестикулируя руками, отдал несколько приказов и удалился внутрь здания. Еще через минуту к подъезду подъехал микроавтобус, из которого высыпали еще несколько человек в штатском. Организовав живой коридор, они стали ждать. Как только была дана отмашка по внутренней связи о том, что вокруг все чисто открылась передняя дверь. Из машины вышла та самая девушка, которую таксист заметил еще в Берне. Должно быть, она руководит операцией. Ну что ж, придется вам мисс подвинуться, подумал Кэбмен, продолжая фотографировать воробьев на тротуаре. Как только девушка убедилась, что созданные для трансфера условия отвечают всем требованиям безопасности, она открыла боковую дверь фургона. Из машины медленно вышла Наталья Ивановна Корелина — та самая женщина, которая сопровождала Кристину в Швейцарии. Та самая, которую Ми-6 похитило из больницы после инсценировки сердечного приступа. Таксист сделал несколько снимков двух женщин, медленно преодолевавших расстояние от машины до подъезда.

"Возможно, у Корелиной, действительно, проблемы со здоровьем" — подумал ассасин и быстро заменил флеш-карту в своем фотоаппарате. Вся операция переправки Корелиной не заняла и двух минут, но этого времени вполне хватило для того, чтобы добыть доказательства для Бойля. Фургон быстро покинул улицу, и у входа в отель остались те же двое охранников.

Таксист допил свой вечерний кофе, и с блаженной улыбкой вытянул ноги. Сидя в удобном плетеном кресле, он наслаждался моментом. Один из самых прекрасных городов мира открывал перед ним самые радужные перспективы. Кэбмен вдохнул прохладный

вечерний воздух Праги, напитанный кофейным ароматом и запахами кондитерской неподалеку. Ему всегда нравилось работать в красивых местах. Работа должна приносить не только деньги, но и эстетическое удовольствие, думал он, а потому, имея возможность выбирать место работы, старался побаловать себя самыми чудесными уголками мира. Прага, по праву была одним из его самых любимых городов. Умеренный климат, чудесная архитектура, чистый воздух и жадные люди, готовые продать самую сокровенную информацию, так необходимую таксисту в его работе.

Мысли мистера Коллера были прерваны коротким сигналом коммуникатора. Прочитав сообщение, Кэбмен улыбнулся еще шире.

"Мистеру Б. Снять люкс не удалось, весь этаж забронирован. Удалось заселиться в четыре звезды на третьем этаже. Портье оказался славный малый, жадный до денег. Труда не составило его разговорить. Все люксы забронировали в один день, и заняты они будут три дня. Живет в них молодая пара и их охрана. Кто они и откуда, портье не смог сказать, удалось выяснить лишь то, что оплачена бронь была британской фирмой. Пока все. Жду указаний"

Теперь у Кэбмена не осталось сомнений в том, что он идет по правильному следу. Отель, где укрывают беглецов, он вычислил, осталось лишь выгодно продать эту информацию. Таксист расплатился и отправился в свой отель пешком. Вернувшись в номер, он первым делом отослал Эдварду Бойлю фото Корелиной с пометкой — "Где учитель там и ученик". Ответ последовал незамедлительно, будто Бойль только и делал, что дежурил у компьютера:

— Цена вопроса?

Кэбмен думал не более минуты. Жизнь Кристины Громовой он оценил в полмиллиона евро. Бойль медлил с ответом ровно столько времени, сколько киллеру понадобилось на оценку стоимости своей работы. Видимо добрый доктор видел решение всех своих проблем в физическом устранении самой их сути. Не станет девчонки — не будет угрозы концерну. Что ж, решил таксист, свою работу он выполнит, но дальше будет действовать согласно собственным интересам. Договорившись о способе оплаты, он связался со своим информатором по телефону.

— А ты не хочешь пригласить старого друга на бокал вина?

— С удовольствием! — ответил женский голос, — через час в ресторане "Каро", это в двух кварталах от меня.

— До встречи.

Похоже, работа будет не только прибыльной, но и приятной, подумал таксист и принялся готовить оружие.

Глава 25

Алексей снял с головы Кристины еще один слой повязки.

— Осталось не больше двух, — улыбнулся он, — ты волнуешься?

— Знаешь, Лёш, я не могу сказать, что волнуюсь. Все эти события... — Кристина, запнулась, подбирая нужные слова. — Все, что произошло за последние дни, меня сильно огорчило.

Алексей закрепил оставшиеся слои повязки:

— Ты о состоянии Натальи Ивановны?

— И о ней тоже. Просто... Понимаешь, до этой поездки я жила, как-будто, в вакууме. Меня холили и лелеяли, словно цветок. И я, естественно привыкла к этому. Я была

ограждена ото всех опасностей внешнего мира. Мало того, что я их не видела физически, меня еще и держали в таких условиях, где я не сталкивалась с несправедливостью даже косвенно. Папа военный, мама все время рядом, закрытый военный городок, в котором практически все знакомы.

— Хочешь сказать, ты не была готова к настоящей жизни?

— Да, так будет точнее. У меня была своя жизнь. Свой маленький мирок с собственными правилами и законами. А весь остальной мир был отрезан для меня.

Кристина забралась на кровать с ногами и потянула на себя плед. Алексей встал и, накрыв девочке ноги, вновь сел рядом с ней.

— Просто находясь в этом искусственном мире, созданном специально для меня, я оценивала остальной мир теми же категориями. Не зная ненависти и зла, я считала, что таким и должен быть мир вокруг меня. Вокруг всех нас! А тут такое! Взрослые, серьезные люди желают мне смерти! А я им ничего не сделала плохого, Лёш! Я никому ничего плохого за всю свою жизнь не сделала! — Ее голос дрожал, срываясь в слезы. Она старалась не плакать, но повязка на глазах все же стала влажной за минуту.

Соловьев обнял Кристину. Она обхватила его своими тонкими ручонками и прижалась к нему так сильно, как только могла. Ее тело вздрагивало от рыданий. Больше она не могла сдерживаться и играть роль взрослой. Ей хотелось быть маленькой и хрупкой. Хотелось вернуться в свой теплый и добрый мир, чтобы ничего больше не угрожало ни ей, ни ее друзьям. И еще ей хотелось, чтобы в этом мире был Лёша. Чтобы он был всегда рядом и мог вот так просто взять и обнять ее в трудную минуту. Она чувствовала, что он не такой как все остальные взрослые этого жестокого мира. Она чувствовала, как сильно бьется его сердце, как отчаянно замирает его дыхание при каждом её содрогании. И оттого ей становилось еще больнее. Ведь она понимала, что это всё не навсегда. Что этот миг пройдет, и они вновь останутся лицом к лицу с этой ужасной и враждебной действительностью. А потом, когда все закончится, вернее, если все закончится, она вернется к своей прежней жизни. А Лёша вернется к своей.

Соловьев держал в руках эту маленькую хрупкую девочку и не знал, чем помочь ей, как отвлечь от того, что произошло накануне. А ведь она права! Почему ей грозит опасность? Из-за чего? Только потому, что она сможет видеть? Потому, что бедная слепая девочка сможет увидеть этот жалкий и жестокий мир, он ополчился на нее? Как же несправедливо! Сколько еще ей предстоит вытерпеть ради того, чтобы увидеть изнанку этой жизни с её отбросами и грязью? Получается, что все это зря... Все ради чего страдает это хрупкое создание, станет ей враждебным, как только она сможет видеть. Нет, нет, нет и еще раз нет! — Мысленно крикнул журналист. Он не позволит этому гадкому миру исказить то прекрасное, что в нём еще осталось! И он сделает все, чтобы Кристина смогла увидеть только лучшую часть этого мира! Общалась только с лучшими его представителями! Долгие годы Алексей искал свое призвание. После той автокатастрофы он потерял веру в этот мир. Во вселенную, в которой, как ему казалось, больше нет места добру, он больше не верил. Но сейчас, держа в руках самую чистую и хрупкую душу на земле, он понял, что единственное, чего он хочет, это сделать так, чтобы эта душа осталась кристально чистой! Чтобы, несмотря на всю грязь этого мира, эта девочка видела перед собой только прекрасное! Он еще не знал, как это сделать, но в его душе появилось четкая уверенность в том, что теперь он знает, зачем он тогда выжил!

В дверь постучали. Кристина отпрянула от Алексея и, взяв себя в руки, произнесла:

— Войдите!

На пороге появился Озука. В руках он вертел мобильный телефон. Заметив, что явился не в самый лучший момент, он деликатно кашлянул и радостно сообщил, что связь с родителями Кристины вот-вот будет налажена.

— Только, скажите, что Наталья Ивановна уже приехала и сейчас отдыхает у себя в номере. Все остальное можете не скрывать. Вы в Праге, в замечательном отеле "Ренесанс". Завтра подводим итоги и снимаем повязки. Он улыбнулся еще раз и, с виноватым видом, протянув Соловьеву телефон, удалился.

— Ну что звоним маме с папой? — Как можно бодрее предложил Алексей.

— Звоним.

Впервые за последние сутки Кристина улыбнулась, и от этой улыбки у Алексея на душе сделалось гораздо теплее.

Русского языка Кэбмен не знал, и потому расшифровка перехваченного телефонного звонка заняла несколько минут. Вчера вечером он встретился в ресторане со своим информатором — прекрасной чешкой Полиной. С ней таксист связывало несколько совместных операций. Как информатор она была практически бесценна, поскольку могла добыть практически любую информацию. Девушка зарабатывала на жизнь практически тем же, чем и он сам — продавала информацию, которую добывала всеми возможными путями. После ресторана они под видом влюбленной пары прошли к ней в номер, где таксист установил (мощный прибор для перехвата сигнала). Электроника сработала безукоризненно. После восхитительной ночи в обществе обворожительной Полины, Кэбмен проверил улов. Из отеля за ночь прошло семнадцать звонков. Из них только один был запаролен. Его он и проверил в первую очередь. Результат не заставил себя долго ждать. Звонила Кристина Громова. Она разговаривала семь минут со своей матерью. Судя по разговору, женщина была крайне встревожена. Получив полный перевод текста, таксист начал обдумывать план реализации покушения. Теперь у него не было ни малейшего сомнения в том, что в одном из люксовых номеров находится его заказ. Полину он попросил уйти до вечера, а после вернуться, дабы не вызывать подозрений у персонала. Так она и поступила. Ровно в восемь вечера девушка вернулась в отель с коробкой пиццы. Попросив портье не беспокоить её и её друга, она поднялась к себе в номер.

— Ты сделала все, как я велел?

— Даже больше, я захватила нам перекусить. — Кокетливо промурлыкала Полина, запирая дверь.

— Отлично. — Ответил мистер Коллер и выпустил в девушку три пули из пистолета с глушителем. На лице Полины замерла маска ужаса, и она медленно сползла по стенке на пол. Таксист не стал трогать ее тело. Он погасил свет, сел в комнате на кровать и стал ждать наступления ночи.

Номер утопал во мраке. Тишина звенела так, что можно было оглохнуть. Элис сидела в кресле, стараясь не двигаться и не издавать ни единого звука. Её глаза давно привыкли к темноте, и она могла спокойно различить маленький силуэт на кровати. Она выбрала позицию так, чтобы любой вошедший в номер не мог ее видеть. После входной двери был небольшой холл, из которого можно было попасть в ванную комнату, дальше была гостиная, уставленная резной мебелью. Слева была дверь в спальню. Первое, что видел входящий в нее

человек — большая двуспальная кровать. Элис же сидела на кресле за дверь, а потому её никто не мог обнаружить раньше времени. Когда лицо озарил мобильный телефон, запрограммированный оповещать владельца о потери сети, Элис взглянула на экран. Палочки-индикаторы сигнала одна за другой погасли, и телефон перестал быть полезен.

"Началось" — подумала девушка и взвела курок пистолета. Близилось мгновение, которого она ждала несколько лет. Убийца ее родителей должен был предстать перед ней с минуты на минуту. На сей раз она не испытывала пьянящего чувства опасности, так горячо любимого ею. Сейчас она боялась. Этот страх сжимал её грудь, не давая сделать глубокого вдоха. Единственное чего она не боялась, так это смерти. Она давно привыкла к этой страшной попутчице своей профессии и практически не замечала её. Страх, который одолел в эти мгновения, был порождением её сущности. Она всю жизнь положила на поиски убийцы своих родных. Пожертвовала своей карьерой, личным счастьем, свободой, отдав всю себя на служение этой цели.

После того, как Элис Смитт похоронила своих родителей, она поклялась себе найти их убийцу. На правосудие рассчитывать не приходилось. В тюрьмах Европы заключенным жилось гораздо лучше, чем многим людям, которым не посчастливилось попасть в, так называемый, средний класс общества. Да и вовсе не правосудия она жаждала, а скорее возмездия. Единственное о чем были ее мысли в тот момент, это как можно раньше вогнать обойму, другую в исполнителя заказа. Но для этого нужно было найти заказчика. Пропав из поля зрения всех друзей и знакомых, Элис с головой окунулась в преступный мир Лондона. Она начала копать с самых низов. Покалечив добрую дюжину мелких карманников и медвежатников, она по крупницам собрала информацию о банде, грабившей ювелирные магазины. В конце концов, благодаря своей работе и помощи знакомого полицейского, который передал ей копию дела, над которым работал ее отец, она смогла выйти на их след. Все решил случай. Ей посчастливилось взять информатора, который наводил банду на самые лакомые кусочки. В её руках оказались адреса магазинов, на которые положили глаз бандиты. Выбрав наиболее дорогой, она принялась дни и ночи напролет вести за ним наблюдение. Люди входили и выходили из магазина, и никакой логики в их передвижениях Элис не видела. Но в один из дней она заметила, что в машине неподалеку от неё сидит молодой человек с фотоаппаратом. Он сделал несколько снимков ювелирного и уехал. На следующий день ситуация повторилась. Еще через день тот же парень зашел в магазин под видом покупателя. Через сутки он сделал покупку в этом магазине, и Элис поняла, что объект её наблюдения собирает информацию. Упорство девушки, наконец-то, принесло плоды. Наверняка, это один из членов банды, решила Элис. Никто не может совершать столь изысканные ограбления и оставаться не пойманным на протяжении столь внушительного отрезка времени. Естественно все налеты банды были тщательно спланированы, не смотря на кажущийся сумбур их действий. Девушка переключилась с ювелирного на молодого человека, который с каждым днем питал все больший интерес к фешенебельному магазину. Парень появлялся практически каждый день на протяжении месяца. Он скрупулезно изучал все передвижения персонала. Записывал время, завоза товара и снятия кассы инкассаторами. Часами чертил схемы в блокноте и фотографировал, фотографировал. Через неделю слежки Элис поняла, что сможет вычислить точную дату нападения банды, только поняв их логику. Рассудив, что основным мотиватором должен послужить наиболее благоприятный баланс между наличием выручки и остатком товара, Элис решила последовать примеру своего временного визави. А как бы поступила она на их месте, какой из дней выбрала бы для

ограбления? Изо дня в день Смитт собирала всю возможную информацию о магазине ювелирных украшений. Ей было гораздо сложнее, нежели незнакомцу в соседнем автомобиле. Ведь ей, помимо магазина, приходилось львиную долю своего внимания тратить на него, поскольку он был единственной нитью связывающей ее неумемную жажду мести и заказчиков убийства ее родителей. Дни полетели один за другим в бешеном круговороте работы. Девушка вела наблюдение, записывая все примечательные события. Но никаких выводов сделать не получалось, поскольку информации было слишком много. Дни были похожими друг на друга, как две капли воды, и баланса между наличностью и не проданными украшениями Элис не замечала. Инкасаторы приезжали через день и забирали выручку. Завоз товара же производился по субботам. Существенный сдвиг в статистике был лишь за день до рождества. Элис вновь открыла дело, которое вел её отец, и обратила внимание на даты предыдущих ограблений. Сопоставив их с календарем, она обомлела. Все налеты совпадали с крупными праздниками. Вернее совершались за сутки до того, как Англия отправлялась на гуляния по поводу того или иного торжества. Постепенно вырисовывалась четкая картина. Завоз товара был максимальным за несколько дней до крупного праздника, к которому население покупало украшения. Максимальная касса снималась за сутки до торжества, и, при этом, на прилавках оставалось много нереализованной продукции. Настоящая золотая жила для грабителей: и денег много, и украшений. Наложив свои расчеты на календарь, Элис легко вычислила дату следующего налёта. Перед днём всех влюбленных, ювелирные магазины ломались от количества предложений, а желающих побаловать свою половинку блестящей побрякушкой было великое множество.

Теперь у Элис был точный адрес и точная дата ограбления. Оставалось лишь добраться до исполнителей. Делиться информацией со Скотланд Ярдом, девушке даже в голову не пришло. Эти тупицы не смогли отстоять честь и достоинство собственного сотрудника, убитого в собственном доме. К тому же ей была необходима информация об исполнителе. И прежде, чем она убьет этих подонков, Элис вырвет из их глоток имя того кто нажимал на курок.

Наступило тринадцатое февраля. За несколько дней до намеченной даты в ювелирный магазин поступило большое количество товара. А весь день, накануне праздника, в магазине был ажиотаж. Молодые влюбленные спешили купить своим избранницам милые подарки, респектабельные джентльмены покупали дорогие украшения своим женам и еще более дорогие своим любовницам. Элис, к тому времени окончательно утратившую интерес ко всему человеческому, просто выворачивало от этой картины. Все эти мужчины с толстыми кошельками и надменные женщины в дорогих шубах вызывали в девушке лишь стойкое чувство отвращения. Во всём этом празднике она видела лишь фальшь и лицемерие. Но она старалась отогнать от себя эти мысли. Ее голова должна была оставаться чистой и холодной.

День близился к концу. К вечеру ювелирный опустел, и, после ухода последнего покупателя, на двери магазина повесили табличку — "закрыто". Неужели расчет Элис оказался неточным? Почему грабители до сих пор не появились? Девушку начали донимать вопросы, на которые она не могла найти ответы. Вечер окутал улицу, и фонари робко осветили тротуарную плитку. Фасады зданий украсила вечерняя иллюминация. Элис сидела в своей машине, не зная, что делать, абсолютно потерянная и опустошенная. Схема, которой придерживались бандиты, на сей раз не сработала. Налет так и не свершился. "Возможно, их что-то спугнуло. Что-то или кто-то" — твердил внутренний голос Элис. — "Идиотка! Дура!"

Какая же ты дура! Они подсунули тебе шестерку, который отвлекал твоё внимание все это время! Должно быть, настоящее дело произошло на другом конце города, а ты тут сидишь, развесив уши! "

Элис злилась на себя и слезы градом текли по её лицу. Тушь размазалась и глаза почернели. К магазину тем временем подъехала инкассаторская машина. Снять сливки с этого дня, не составляло труда троим, вооружённым мужчинам в бронежилетах. Элис с досадой смотрела, как один за другим они покидали магазин с тяжёлыми бронированными кейсами в руках. Выручка явно состоялась. Элис в последний раз подняла глаза на выходящих инкассаторов и сквозь слезы она увидела того самого молодого парня, что составлял ей компанию на протяжении целого месяца. В форме он выглядел гораздо старше. На глаза он надвинул форменную кепку, но все же она узнала его.

"Значит, ограбление все же состоялось!" — возликовала Смитт. Она обратила внимание на посадку фургона, на котором приехали лжеинкассаторы. Так и есть, фургон не бронированный, у бронированных фургонов посадка ниже за счёт большой массы стальных листов, которыми он обшит изнутри. А этот фургон выглядел точь-в-точь как настоящий, но рессоры выдавали его. Теперь она поняла весь замысел грабителей. Они, каким-то образом, задержали настоящих инкассаторов в пути, и под их видом вошли в магазин, когда тот уже закрылся. Никаких свидетелей, никаких проблем с проникновением и отступлением. Должно быть, продавцы лежат там связанные или убитые, но это уже мало волновало Элис. Она дождалась, пока фургон не тронется с места. Мысленно досчитала до десяти и двинулась следом. Грабители настолько были уверены в своём плане, что даже не пытались скрыться. Они, не спеша, колесили к окраине Лондона. Выбравшись на загородную трассу, они прибавили скорости, но Элис это было лишь на руку. Фургон был выкрашен в цвета банка и сильно выделялся в потоке. Лишь, когда стемнело окончательно, Элис пришлось подобраться поближе. Наконец у фургона замигал поворотник, и автомобиль съехал с шоссе. Элис выключила фары и габариты и последовала следом. Судя по навигатору, дорога вела к небольшой деревушке, но ехать до нее было около пяти миль, а фургон между тем свернул в небольшой лесок и остановился. Элис перегородила машиной дорогу и заглушила двигатель.

Удивительная вещь память. Что-то мы запоминаем отлично и, на протяжении всей жизни, храним эти воспоминания. Но бывают и такие моменты, от которых наш разум предпочитает избавиться, как можно быстрее. Каким образом Элис удалось незамеченной подобраться к фургону грабителей, она практически не помнила. Ослепленная яростью и жадной мести, она очнулась, лишь, когда в живых оставались двое из четырех налетчиков. Но и эту минуту она предпочла бы не вспоминать никогда. Такой она себя даже представить не могла. Двое здоровых мужчин стояли перед ней на коленях, еще двое лежали рядом. На их окаменевших лицах застыла маска изумления смешанного со страхом. Свет фар бил мужчинам прямо в глаза и искаженного яростью лица Элис они не могли видеть. Девушка держала обоих под прицелом пистолета. Холодным, не своим, почти загробным голосом Элис повторила вопрос.

— 2002 год. Аманда и Джонатан Смитт. Кто исполнитель?

Тот, что был постарше, грубо выругался:

— Чёрт, это был не наш заказ, это всё шеф!

— Имя! — Повторила Элис. Она знала, что никакого шефа у шайки не было. Все криминальные структуры Лондона мечтали избавиться от наглых конкурентов, которые не пожелали делиться и оставались сами по себе.

— Да не знаем мы его имени, ты чертова су... — металлический щелчок не дал закончить фразу. Тело осело на землю. Элис перешла к последнему из четверки.

— Имя? — Настойчиво повторила она.

— Какая мне разница? Имени я не знаю. Да и никто не знает. Я знаю, как его называют.

— Я жду.

— Ты все равно меня убьешь.

Элис взвела курок и увидела, как мужчину передернуло. Это был тот самый молодой человек, за которым она следила на протяжении месяца.

— Если я решу, что информация будет стоить твоей поганой жизни — я сохраню тебе ее. Так что у тебя еще есть шанс.

— Таксист, — охрипшим голосом произнес мужчина.

— Что?

— Таксист! Это всё, что я знаю. В то время меня еще не было в банде. Но Фил говорил что есть некий киллер, который периодически предлагает им свои услуги.

— Когда последний раз ты слышал о нём?

— Полгода назад. Нас прессовал наркокортель. Хотели подмять под себя. Ну, тут Филу и позвонил этот таксист.

Элис поняла, что больше ничего не услышит и оглушила парня рукоятью пистолета. Она поверила в то, что к убийству ее родителей он не имеет отношения, поскольку в то время он должен был быть еще школьником. Она не стала его убивать, а просто уехала. Разбитая и полностью опустошенная. С тех пор у нее появилась новая цель — таксист.

Той ночью Элис вернулась к себе домой. А наутро приехали полицейские, чтобы арестовать ее за тройное убийство. Инкассаторский фургон в лесу привлёк внимание местных жителей, и те вызвали полицию. Обнаружив на месте преступления одного выжившего, полицейские быстро распутали это дело. И уже через несколько часов ими был получен ордер на арест Элис Смитт. При задержании девушка не оказала никакого сопротивления и на первом же допросе рассказала следователю все что знала. Дело взял под личный контроль бывший начальник отца Элис. Обстоятельства складывались далеко не в её пользу и потому, всем сердцем желая помочь девушке, он обратился в Ми-6 по своим каналам. В агентстве заинтересовались столь неординарной личностью. Распутать такое дело в одиночку, выследить и уничтожить целую банду, дорогого стоит. Элис проверили на профпригодность, и было решено вербовать дарование в ряды разведки. Поскольку особого выбора у Смитт не было — либо тюрьма с солидным сроком, либо работа на государство — она, не колеблясь, приняла предложение. Далее были долгие месяцы обучения и реабилитации. Из неё готовили полевого агента экстракласса, и Элис не обманула ожиданий.

Но все годы обучения и работы в разведке, она думала лишь об одном — каким образом выйти на след таксиста?

Глава 26

В своей работе Кэбмен придерживался предельно простых правил. Он не оставлял свидетелей, которые могли бы его опознать, именно поэтому он убил своего информатора Полину. Конечно, нужно было сделать это еще в прошлый раз, но тогда обстоятельства заставили Кэбмена покинуть Прагу в спешном порядке — за ним охотились, чуть ли не все спецслужбы Европы. В этот раз осечки быть не должно. Ми-6 не тот противник, которого нельзя было переиграть, русские спецслужбы пугали таксиста куда больше. Вторым и,

пожалуй, основным правилом его работы была простота. Чем проще было техническое исполнение задания, тем лучше. Все эти трюки «а ля миссия невыполнима», были скорее для широкого экрана. В жизни же эти пируэты с тросами и перчатками-липучками, скорее угробили бы агента. И как показывала обширная практика таксиста, его принцип действовал фактически безотказно.

Для решения практической части задуманного Кэбмену понадобится лишь пистолет с глушителем да электрошокер для нейтрализации охраны. На его стороне внезапность, никто не ожидает нападения. Слабость британской разведки заключалась в том, что её агенты всегда недооценивали противника. Просчитав и проработав, как им казалось, все варианты развития событий они действовали согласно разработанной стратегии: ни шагу в сторону. Но если случалась неприятность, и предсказанный ход событий отличался от шаблона, то все агенты становились похожими на детей, забытых родителями в яслях. Растерянные и озадаченные, они уже не могли действовать самостоятельно до получения нового приказа. А на это нужно было время, которое и планировал использовать таксист. Первым делом он установил строго под номером, где должна была проживать русская девочка, прибор, который глушил всякую связь в радиусе сорока метров.

Переодевшись во фрак, Кэбмен спрятал за пазуху «глок», накинул на руку белое полотенце и взял поднос с, заказанным ранее шампанским и шоколадом. Взглянув в зеркало и оставшись довольным своим видом, он вышел из номера. Коридор был пуст, таксист быстро шмыгнул к лифту. Короткий звонок возвестил пустой коридор четвертого этажа о прибытии лифта. Отсутствие какой-либо охраны, несколько, озадачило киллера. Картинка не складывалась в его голове. По всем канонам Громову должны были охранять минимум трое оперативников. Двое на этаже и еще один в номере, но коридор пустовал. Липовый официант даже оглянулся, чтобы проверить этаж. Но он знал, что не мог ошибиться, этаж был четвертым. Теперь уже ему предстояло принимать решение в нестандартной ситуации. Решив, что отступать поздно, да и более удобной ситуации может не подвернуться, Кэбмен аккуратно поставил на пол поднос и, приготовив оружие, дослал патрон в патронник. Осторожно продвигаясь к номеру, он вслушивался в каждый сантиметр этажа, но ни единого подозрительного звука не слышал.

"Какова вероятность того, что охрану просто не выставили?" — размышлял таксист. — "А может быть в планы разведки вовсе не входило обеспечение безопасности русской девочки? Тогда зачем было похищать ее из рук Бойля? Нелепица какая-то..."

Киллер был сбит с толку и не мог оправдать действия противника. В голове промелькнула мысль о ловушке, но ее таксист отменил в первую же очередь. Не могли они знать, что на Бойля работает таксист. К тому же цели он выбирает себе сам, и еще никому и никогда не удавалось сделать ему упреждающий удар.

Таксист осторожно приблизился к номеру, в котором, по его расчетам, должна была находиться Громова. Он вслушался в тишину. Ни звука. Киллеру не верилось, что британская разведка могла так сплеховать. Не выставить ни одного часового, рискуя при этом жизнью для вызволения Громовой из плена, было не только подозрительным, но и провоцирующим. "Не могли они быть настолько самоуверенными!" — внушал себе Кэбмен. Но собственного голоса он так и не послушал — слишком уж была сильна жажда наживы. Таксист тихонько дернул за ручку. "Ну, хоть дверь заперли" — съязвило внутреннее "Я" убийцы. Предельно осторожно, стараясь не создавать шума, он взломал электронный замок и проник в номер. На фоне царившей тишины, стук собственного сердца казался таксисту барабанным боем.

Дав привыкнуть глазам к тьме, он огляделся. Номер был стандартным для отелей подобного рода. Просторная гостиная, соединялась со спальней. Именно туда таксисту и нужно было. Если это все же западня, то он готов к ней. Перехватив поудобнее рукоять пистолета, он быстро преодолел расстояние до спальни. Исходя из того, что в столь поздний час девочка должна спать, он решил действовать наверняка. Быстро открыв дверь, он с ходу пустил три пули в силуэт, лежащего на кровати человека. Синхронно с выстрелами номер озарялся вспышками света и после третьей вспышки краем глаза таксист заметил движение тени справа от него. Молниеносно отреагировав, он отступил обратно в гостиную, держа на мушке вход в спальню.

Некуда бежать! — Раздался женский голос из спальни. — Ты окружен, бросай оружие, Кэбмен. Тебя же так называют, не правда ли?

Ты та сучка из Ми-6? — С наигранной злостью спросил таксист. На самом деле ему нравился этот риск. Азарт, который приносила ему работа, его подстегивал. Зная, что пока он вооружен, из спальни никто не сунется, он медленно отошел к входной двери и укрылся за углом.

Та самая, ты уже догадался, что сегодня сдохнешь?

Не спеши, милая, мы еще потанцуем. — Огрызнулся таксист и пустил две пули в силуэт, мелькнувший в дверях спальни. Девушка поменяла дислокацию. Значит, собирается штурмовать его. Попасть в неё он не надеялся, но хотел выиграть пару секунд для себя. Тут же последовала серия выстрелов в его сторону, но он в этот момент быстро открыл и вновь захлопнул входную дверь, заметив в коридоре нескольких вооруженных мужчин направляющихся к нему от лифта.

Видишь, таксист, я не блефую. Тебе некуда деваться! Сдавайся!

К двери уже подошли агенты. "Сейчас либо последует штурм, либо просто взорвут к чертям эту дверь, и тогда тебе крышка, приятель" — решил таксист и в ту же секунду метнулся к единственному окну в гостиной, на ходу поливая огнём дверной проем, за которым стоял его противник. Тем временем из коридора прострелили дверной замок и выбили дверь. Тут же в комнату полетела граната. Таксист заметил ее и в самый последний момент успел метнуться на пол, укрываясь массивным кофейным столиком. Раздался оглушающий хлопок, и комната на мгновение наполнилась ослепляющим светом. Если бы граната оказалась боевой, таксиста уже не было в живых. Но от оглушающего действия световой гранаты, киллера спас перевернутый стол, в голове стоял веселый звон, глаза же вовсе не пострадали. Недолго раздумывая, Кэбмен юркнул в выбитое взрывной волной окно. Дотянувшись до пожарной лестницы, он быстро выбрался на крышу. Следовать его примеру никто не стал, по крайней мере, за все время, что он карабкался по пологой крыше наверх, никто так и не показался из-за края крыши. Уцепившись за край каминной трубы, он выпрямился, чтобы оглядеться. Но, внезапно выбитый пулей осколок кирпича сильно поранил его ногу. Преследователи выбрались на крышу через чердак и немедленно открыли огонь на поражение, заставив таксиста вновь спрятаться за трубу. Темнота была на руку таксисту, но долго прятаться за своим временным укрытием он не мог, вскоре агенты окружают его и тогда деваться будет некуда. Стараясь не показываться из-за укрытия, он начал пятиться назад, но добравшись до края крыши, понял, что дальше пути нет. По бокам уже мелькали тени агентов, а его временное укрытие уже не могло прикрыть его. Оставался лишь путь вниз, хотя можно было попробовать допрыгнуть до края крыши соседнего здания. Но этот прыжок мог стать для него последним — высота была внушительной: четыре этажа

плюс чердак, всего около двадцати метров. Нужно было взять разбег, и потому таксист решил вернуться на несколько метров назад. Но как только он вновь нацелился на край крыши, сзади раздался голос девушки из номера.

— 2002 год. Аманда и Джонатан Смитт. Ты помнишь этот заказ?

Должно быть ты их дочь. — Не оборачиваясь, отозвался Кэбмен. — Долго же ты меня искала.

— Если бы понадобилось, искала б до конца жизни.

— И что, моя смерть действительно стоила того, чтобы поставить жизнь Кристины вместо наживки?

— Не только ты умеешь играть грязно!

Таксист понял, что теперь его дела действительно плохи. По краям крыши уже разместились агенты. В спину ему смотрел пистолет Элис Смитт. Почему-то он вспомнил ее имя. Когда он готовился к покушению на инспектора Смитт, информатор сообщил ему, что помимо цели в доме будут его жена и дочь. Кэбмен не колеблясь, убил бы всех троих, но в ту ночь дочери инспектора в доме не оказалось.

— Что ж. Вот он я! Стреляй. — Спокойно ответил киллер, рассчитывая потянуть время.

— Зачем мне марать о тебя руки? Ты уже никуда не денешься. А за право убить тебя люди по всему миру аукционы устраивать будут.

— Это, верно, насолил я многим. — Таксист что есть мочи рванулся вперед. Среагировать на его рывок успела лишь Элис и пустила всего одну пулю в ногу. Таксист, уже добравшийся до края крыши, почувствовал, как правая нога предательски отнялась, и прыжок вышел не той силы, на которую он рассчитывал. Во тьме он не увидел, куда именно падает. Глухой удар отнял дыхание. Глаза залепило чем-то горячим и сознание медленно угасло. Последняя мысль, посетившая Кэбмена перед смертью, была о том, что свой последний заказ он, все же, успел выполнить.

Элис Смитт опустила пистолет и поставила его на предохранитель. Её душа была истощена. Эмоции последних дней отняли у нее практически все силы. Резерва едва хватило для того, чтобы в последний раз нажать на курок. Мечь не принесла ей облегчения. Таксист даже перед неминуемой гибелью ни на секунду не раскаялся в содеянном. А Элис же напротив, чувствовала, как по ее щекам без остановки текут горячие слезы. Ей не было жаль убийцу ее родителей. Ей было жаль видеть себя такой же, как он. Ради его смерти, ради осуществления своей мести ей пришлось опуститься в его мир, стать его тенью, его негативной копией. Все те люди, которых она убила за эти годы, были далеко не ангелы. Это были опасные преступники, но чем палач отличается от них? Только тем, что за свои убийства ему не нужно отвечать перед обществом. А перед собой, рано или поздно, ответить придется. В душе Элис не осталось места доброте и любви. Все эти годы она жила ради единственного мгновения, и вот оно настало. Теперь нужно было жить дальше, но как можно продолжать жить без цели?

Голос в наушнике заставил ее выйти из оцепенения.

— Мы нашли глушилку, мэм. — Второй агент доложил через несколько секунд.

— Объект мертв. — Повторяю — объект мертв.

— Принято. Взять образцы днк, отпечатки, изъять оружие и сделать фотографии. Затем сворачиваемся. Остальное не наше дело.

Элис вернула себе самообладание. Работа — вот, что вернет её к жизни. То, что

получается у неё лучше всего. Этот раунд остался за ней, но впереди ждала долгая и кропотливая работа. Нужно было окончательно разобраться с Эдвардом Бойлем. Для решения этой проблемы у нее на руках был запасен ход, который навсегда уберет эту фигуру с игрового поля.

Глава 27

Палата реанимации была наполнена десятками посторонних звуков. Гудели куллеры компьютеров, непрерывно жужжали насосы. Мониторам, отображающим основные жизненные показатели, вторил дублирующий звуковой сигнал. Аппарат искусственной вентиляции легких, работающий в заданном ритме, не давал организму Роберта Бойля уйти из жизни окончательно. После аварии, которую он устроил для отвлечения внимания, «кроты» долго не могли разобрать завалы. Бронированный автомобиль на полном ходу протаранил здание кпп и обрушил на себя целую стену. Первое время отец Роберта считал, что в машине находятся Соловьев и Кристина, но как только из памяти, но все же, по большей части, уцелевшей машины, вызволили только его сына, Бойль-старший отдал приказ на ликвидацию беглецов. Нужно было любой ценой удержать их на территории базы. Время шло, а Роберт не приходил в сознание. Лишь спустя полчаса, когда стало ясно, что Соловьеву и Громовой удалось ускользнуть, отец обратил внимание, что сын не приходит в себя уже долгое время. В бронированном автомобиле сработали все подушки безопасности, и Эдвард был в полной уверенности, что сына просто оглушило. Проверив простейшие неврологические симптомы, Бойль почувствовал, как по спине пробежал холод. Дальше все было как во сне. Вертолет, реанимация, долгие часы ожидания в коридоре той самой клиники, где спасали Корелину. И, наконец, суровый вердикт врачей — отёк мозга и, как следствие, кома. Эдвард так был увлечен охотой, что упустил то драгоценное время, когда еще можно было помочь сыну. Теперь он сидел у кровати Роберта и медленно приходил к мысли, что, несмотря на всю стабильность его состояния, сына, фактически, у него больше нет. Из-за нарастающего отека мозг долгое время находился без кислорода, и основные его части, отвечающие за все жизненно важные процессы, погибли. Вероятность того, что Роберт когда-нибудь очнётся, была равна нулю.

Каменное лицо Эдварда, казалось было высечено из мрамора. Ни единой эмоции, ни капли сострадания или злости — абсолютное ничто. Марта провела с сыном всю ночь и покинула его ради нескольких часов сна лишь, когда вернулся муж. Эдвард не стал скрывать от нее всей серьезности положения и по отеку лицу жены понял, что всю ночь жена провела в слезах. Постепенно весь ужас ситуации складывался в голове Эдварда Бойля в стройную и логичную картинку, в которую он всеми силами старался втиснуть доводы, оправдывающие его поведение. Но, как бы ни старался именитый хирург оправдать себя перед совестью, все упиралось в его собственные ошибки. Вместо того, чтобы заняться сыном и помочь ему после страшной аварии, он полностью погрузился в работу по разрешению кризиса. Ситуация обернулась полным крахом, а сын теперь лежал перед ним, будто овощ на грядке. После событий вчерашнего дня Эдвард ни разу не связывался со своим руководством. Конечно, они уже были в курсе его провала и, скорее всего, уже списали его со счетов. Самое ужасное во всей этой истории для Бойля, было осознание того, что в его голове трагедия семьи не была самым важным пунктом. Он все чаще мысленно возвращался к делам. Он понимал, что не сына боится потерять больше, а своё место, своё влияние. И это осознание ещё больше злило Эдварда Бойля. Он начал понимать, в какое чудовище превратился. Теперь Эдварду было ясно, почему Роберт так сильно сопротивлялся его воли.

Он просто видел, каким стал его отец. Понял, что спустя годы власть и деньги превратят его в копию самого Эдварда. И, что больше всего раздражало шефа Бернской ячейки «кротов», так это то, что при всей трагичности ситуации он надеялся исправить хотя бы свое собственное положение.

На связь внезапно вышел Кэбмен и уверил, что знает, где прячут Кристину Громову. Киллер подтвердил свои догадки фотографиями Корелиной в обществе агентов Ми-6 и назначил свою цену. Посудив, что Кристину будут прятать там же, где прячут Корелину, Бойль согласился заплатить. Избавиться от Громовой на территории британской разведки показалось ему отличным ходом. Тогда никто не посмеет связать этот заказ ни с ним, ни с его организацией. Прямо из палаты сына, Эдвард Бойль перевел часть суммы на указанный таксистом счет и стал ждать развязки. Уходить из больницы он не решился, поскольку в глазах Марты это выглядело бы ужасным. Он просто сидел рядом с кроватью Роберта и глядел на его спокойное лицо. "Со стороны это должно выглядеть крайне трогательно", — подумал Эдвард и тут же мысленно упрекнул себя за столь кощунственные мысли. По телефону он приказал выставить возле палаты охрану и, сделав паузу, заказал себе ужин. "Гниение души никак не должно быть связано с муками телесными" — решил он, осознав, что последний раз ел еще утром, в кафе, в обществе сына.

Перелёт занял чуть больше часа. Возле аэропорта Элис Смитт поймала такси и назвала водителю адрес частной клиники, где по её данным находился Роберт Бойль. Ей уже сообщили, в каком состоянии находился молодой учёный, и Элис было искренне жаль Роберта. Единственное, чего Смитт желала в данный момент, это чтобы жертва, которую принес Роберт, не оказалась напрасной. Элис знала, что на данный момент она переиграла «кротов», и понимала, что эта маленькая победа не могла серьезно повредить столь крупной организации. Однако до нее в мире никто и не смел бросать им вызов. Тот факт, что ей удалось получить это дело в свои руки, грел девушке душу, и теперь оставалось лишь поставить шах и мат Эдварду Бойлю.

Такси остановилось у парадного входа клиники, и Элис, ничуть не таясь, вошла здание. Она была прекрасно осведомлена о том, что Бойль усилил свою охрану и что её никто просто так к нему не пустит, и потому не сильно удивилась, когда в центральном вестибюле больницы её окружили четверо мужчин в чёрных костюмах. Служба безопасности «кротов» была укомплектована серьёзными аналитическими кадрами, которые собирали, сортировали и структурировали всю информацию, которую только можно было достать о потенциальных врагах организации. Элис знала, что после операции по вызволению Корелиной, её физиономию мог бы узнать даже рядовой боевик кротов. И потому, когда её досматривали и связывались по рации с начальником охраны, не проявила ни капли беспокойства или раздражения. У ребят такая работа, надо смириться. Как только старший из группы получил добро, девушку проводили в палату реанимации. По виду медперсонала, изредка встречавшегося на их пути, Элис поняла, что «кроты» оккупировали всю больницу и своим присутствием сильно мешали работе. Поскольку львиная доля спонсорских денег поступала из бюджета именно этой странной организации, главный врач больницы призвал персонал с максимальным пониманием отнестись к сложившейся ситуации. Медсестрам, санитаркам и врачам ничего больше не оставалось, как молча терпеть присутствие вооруженных людей на территории больницы.

Четверо боевиков провели безоружную девушку к палате, возле которой дежурило ещё

двое громил. Один из них, деликатно постучавшись в дверь, на минуту скрылся за ней, и, вернувшись, дал знак заводить гостью внутрь. Девушку проводили в тускло освещенную палату. На кровати, по пояс прикрытый одеялом, лежал Роберт. Из рта молодого человека выходила массивная трубка. Ученый был подключен к системе жизнеобеспечения многочисленными датчиками и катетерами. Его грудь неестественно высоко вздымалась в такт шипению аппарата искусственной вентиляции легких. Вся палата была наполнена многочисленными сигналами аппаратуры, поддерживающей жизнедеятельность Роберта. Элис показалось, что в таком шуме она не услышит даже собственный голос, как же в таком случае вести переговоры? Но внезапно посреди этой вакханалии звуков она услышала тихий, но вполне слышимый голос Эдварда Бойля.

— Солгал бы, если б сказал, что рад вас видеть, агент Смитт.

Глава Бернской ячейки кротов сидел в самом углу палаты, закинув ногу на ногу. Он сделал жест рукой и сопровождающие Элис охранники тут же оставили их наедине. Девушка развернулась на высоких каблуках в сторону Бойля и полоснула его острым, как бритва взглядом.

— Вам еще сигары не хватает, мистер Бойль, антураж был бы богаче, — холодно отметила Элис, подходя ближе к креслу. Эдвард вскинул руку, обнажив дуло пистолета, сигнализируя, что ближе подходить не стоит.

— О, бросьте, Эдвард, что за детский сад? Если бы я хотела вы уже были бы мертвы, — с усмешкой бросила девушка, — неужели вы думаете, что безоружная я менее опасна?

— Я ничего не думаю. Для чего вы здесь?

Элис изобразила дружескую улыбку:

— Даже чаю не предложите даме? У вас дурные манеры, мистер Бойль.

— Перестаньте паясничать агент, переходите к делу. Ваше дерзкое появление — единственная причина, по которой вы все еще живы. Я заинтригован. Итак, зачем вы здесь, мисс Смитт? — С металлом в голосе повторил вопрос Эдвард.

Элис подняла на уровень глаз папку, которую привезла с собой, достала оттуда конверт и бросила его на столик перед Эдвардом Бойлем. Доктор взглянул в глаза девушке и медленно протянул руку к конверту. Внутри оказались фотографии Натальи Ивановны Корелиной в обществе Элис. Девушки выходят из фургона в сопровождении людей в штатском и проходят в здание. Такие же фотографии присылал таксист Бойлю сутками ранее. Следом за фото последовала подробная распечатка его переписки с киллером, где они обсуждают цену услуг таксиста. У Эдварда пробежал легкий холодок по спине — выходит в Ми-6 следили за его почтой и были в курсе заказа на Кристину Громову. Стараясь сохранять невозмутимый вид, доктор продолжил перебирать фотографии. В следующей партии были фотографии какого-то человека, лежащего на тротуаре. Мужчина был в неестественной позе в луже собственной крови. В руке был зажат пистолет, глаза были открыты и не выражали ровным счетом ничего. "Таксист" — догадался Эдвард, ведь он, как и другие клиенты знаменитого ассасина, никогда не встречался с ним лично и не знал в лицо. Эдвард закончил листать неприятные фотографии и, аккуратно положив их на столик перед собой, поднял глаза на Элис:

— Что означают эти материалы? Я ровным счетом ничего обо всем этом не знаю. Почта которую вы взломали не принадлежит мне, этого человека на фото я не знаю и мою причастность к его действиям вы никогда не докажете, а фотографии вас и Корелиной меня особо не интересуют. Вам ровным счетом нечего мне предъявить агент Смитт. Поражаюсь

уровню вашей компетенции.

Элис выслушала Бойля с тонкой ухмылкой на лице и бросила на столик перед ним второй конверт из папки. Эдвард начал терять самообладание:

— Если в этом конверте такая же чушь, как и в первом, то мне незачем терять с вами время.

— Эта, как вы выразились "чушь", на сей раз имеет непосредственное отношение к вам мистер Бойль, — как можно слаще произнесла Элис, предвкушая развязку спектакля.

Резким движением Эдвард Бойль открыл конверт и увидел распечатку другого электронного письма. Отправителем был все тот же таксист, дата соответствовала дате их переписки, но графа "получатель" вызвала неподдельный ужас в глазах доктора. В ещё больший ступор его ввела собственная фотография, которая являлась файлом-приложением к письму. Далее следовала распечатка переписки таксиста и Анабель Градд, из которой Бойль понял, что сразу после сделки с ним, Кэбмен предложил свои услуги его собственной начальнице. Но предметом сделки был уже сам Эдвард.

Анабель Градд была одной из самых влиятельных персон в теневой стороне Европейской политики. Ее влияние распространялось далеко за пределы старого света, поскольку она была главным координатором работы всех ячеек «кротов» на Евразийском континенте. Кэбмен назначил собственную цену за голову Главы Бернской ячейки «кротов», и Анабель, не торгуясь, ответила согласием. Такого развития сюжета Бойль не мог представить в самом страшном сне. Верой и правдой он служил организации на протяжении двадцати лет. И, допустив всего один просчет за все это время, он был пущен в расход, невзирая ни на звания, ни на регалии, ни на положение в обществе. Его решили убрать словно пешку, словно отработанный материал. В глазах Эдварда вскипала ярость, но выплеснуть его наружу он не мог. Пальцы сами разжались и конверт с распечаткой его собственного заказа выпал из его руки. — Таксист мертв, вы сами показали мне его фотографии. — Произнес Бойль.

— Верно.

— Это известно только вам?

— Пока да, но слухи быстро разойдутся по мрачным коридорам Ми-6, — произнесла Элис, — и тогда вашим друзьям станет известно, что выполнять заказ некому и вас перекажут другим людям, возможно, вашей собственной охране или полиции. Вам доподлинно известно влияние вашей организации...

Эдвард Бойль силился найти выход из сложившейся ситуации, но никакого выхода у него не было. Его слили и списали со счетов. Единственный сын был при смерти, а жена и не догадывалась об истинном положении дел ее мужа.

— Что вы предлагаете? — Срывающимся на хрип голосом спросил Бойль.

— Какая динамичная у нас выходит партия, не так ли, мистер Бойль? Еще минуту назад вы были готовы застрелить меня из пистолета, а сейчас уже готовы выслушать мое предложение.

— Жизнь не лишена иронии, — ответил Эдвард, откладывая оружие в сторону. Элис улыбнулась снисходительной улыбкой и спокойно продолжила.

— Ми-6 — единственная структура, куда ваши чёртовы «кроты» не успели запустить свои лапы. Я предлагаю вам и вашей семье, — Элис бросила короткий взгляд на, лежащего неподалеку Роберта, и сознательно грубо добавила, — вернее тому, что от нее осталось, стандартную программу защиты свидетелей. Вам сохранят ваши личные сбережения и по

возможности счета, если их не заморозят ваши бывшие коллеги. Вам будет гарантирована жизнь и относительная свобода. Хотя, если учитывать все нюансы программы защиты свидетелей, свободой это назвать трудно. А с вашей стороны нам понадобится ваше полное и добросовестное сотрудничество.

— Вы вербуете меня? — уже практически безразлично, спросил Бойль, понимая, что никакого другого выбора у него нет. Или есть?

— Называйте это как хотите. Мое предложение прозвучало, и у вас есть лишь несколько минут, чтобы дать мне ответ. Учитывая вашу деятельность, предложение более чем лояльно, и, вы, прекрасно это понимаете. В противном случае вы сами знаете, что вас ждёт.

— Дайте мне минуту, — сухо проговорил Бойль. Элис всем своим видом показала, что не препятствует его раздумьям.

Бывший Глава бернской ячейки «кротов» быстро взвесил все за и против и принял решение всего за несколько секунд. Его рука вновь потянулась к пистолету, лежащему на столике. Элис напряглась, готовая в любую секунду броситься в сторону оппонента, но что-то ей подсказало, что оружие Бойлю нужно не для того, чтобы защищаться. Он медленно взвел курок и так же подчеркнуто медленно, поднес дуло к виску. На короткий миг их взгляды пересеклись, и Элис поняла, что другого выхода у Эдварда Бойля просто не может быть. Лишь в последние секунды жизни в его глазах появилась тень раскаяния. Он, наконец, понял, кем стал, увидел себя глазами собственного сына и осознал, что такому человеку нет места на земле.

Элис лишь на мгновение отвела взгляд в сторону, как раздался оглушительный хлопок. Тело Эдварда обмякло и распласталось на кресле. В палату на звук выстрела тут же вбежало несколько охранников. Застав Элис, неподвижно стоящую в двух метрах от кресла, охранники быстро смекнули, что к смерти их начальника его гостя не причастна. Она просто физически не успела бы вложить в руку Эдварда Бойля пистолет и отойти на столь внушительное расстояние за столь короткое время. На всякий случай, приказав Элис оставаться на месте, начальник охраны проверил пульс у шефа.

— Мертв, — констатировал он. — Что тут произошло? — оборачиваясь к девушке, спросил охранник, но его слова так и повисли в воздухе без ответа. Кроме двоих медиков прибежавших на звук выстрела и уже суетившихся рядом с телом убитого, в палате никого не было. Спohватившись, начальник охраны выбежал в коридор больницы, но и там кроме персонала и его собственных сотрудников он никого не заметил.

— Где она? — со злостью прорычал Джон Глоу. Именно его Бойль назначил начальником своей охраны накануне.

— Кто? Из палаты никто не выходил. — С уверенностью отрапортовали двое его подчиненных.

— Твою мать! — простонал Глоу сквозь зубы. Второй раз этой чёртовой девке удастся обвести его вокруг пальца! И все в одной больнице. — Перекрыть все выходы! Она мне нужна живой! — заорал Джон в рацию, бегом направляясь на пост охраны, чтобы пересмотреть записи видеонаблюдения.

Уметь растворяться в воздухе, было основной задачей шпиона, и Элис, мгновенно отреагировав на поступок Эдварда Бойля, проделала свой любимый фокус виртуозно. Спустя каких-то сорок минут, она уже была в аэропорту Берна, где ее ждал чартер до Праги. По дороге Элис успела заехать на железнодорожный вокзал и открыть ячейку камеры хранения, ключ от которой Роберт Бойль передал ей перед самым началом операции по вызволению

Кристины. Так же Элис успела получить выговор от начальства за провал операции. Заполучить такого важного свидетеля, как Эдвард Бойль дорогого стоило, а Элис, по мнению ее шефа «... просрала потрясающую возможность взять за жопу всё Бернское подразделение кротов...» Сама же Элис, хоть и не ожидала такого поворота событий, но все же осталась довольна подобной развязкой. Было бы крайне обидно держать в руках такую мразь и не иметь возможности воздать ему по заслугам. Конечно, убивать его в случае отказа она не собиралась. Инструкция в подобных случаях предписывала любым способом доставить информатора в Лондон живым. Уж там-то из него вытянули бы всю необходимую информацию. Но все случилось, как случилось, и, в глубине души, Элис всё же чувствовала облегчение. В конце концов, не ей пришлось нажимать на курок.

В ячейке камеры хранения Роберт спрятал всю информацию о реальном состоянии здоровья Кристины Громовой. Там были все её анализы и исследования, проведенные после операции. Ход самой операции, подробно изложенный в письменном виде и снятый на камеру встроенную в микроскоп, был записан на маленькую флеш-карту. Все это Элис планировала передать Алексею Соловьеву. Дело оставалось за малым — нужно было переправить девочку и ее спутников в Москву и написать отчет о проделанной работе.

Агент Смитт надеялась поспеть к утру в Карловы Вары, где прятала бывших заложников. Ей было крайне интересно застать момент снятия последних слоев повязки с глаз Кристины.

План, предложенный ее помощником Озукой, сработал блестяще. Еще задолго до активной фазы операции по вызволению заложников, Элис доложили о странном таксисте, постоянно наблюдавшем за передвижениями Роберта Бойля. Именно этот таксист помог Соловьеву выскользнуть из рук агентов Ми-6, в первые дни его пребывания в Берне. Девушка подняла все свои прежние наработки по тому самому таксисту, которого она искала несколько лет и пришла к выводу, что их объект наблюдения и её заклятый враг, возможно, одно и то же лицо. Чтобы не спугнуть Кебмена, Элис ограничилась лишь наблюдением за интересующим её объектом. Она рассудила, что раз уж он работает на «кротов», то никуда не денется, пока ему не удастся сорвать банк. А раз так, то у девушки оставалось достаточно времени, чтобы разыграть собственные карты так, чтобы убить сразу двух зайцев. Зная, что таксист будет выслеживать Кристину и Соловьева, она специально открыто перевезла их обоих в аэропорт, откуда вылетела с ними в Прагу. Убедившись, что самого таксиста в Чехии нет, она демонстративно посадила беглецов в заметный кортеж из черных бронированных внедорожников и отправилась на нем из аэропорта в Прагу. Своим подопечным, еще в Берне Элис подмешала снотворное, поскольку было крайне важно дезориентировать их и заставить поверить, что они направляются именно в Прагу. На пути следования из аэропорта в столицу Чехии машина с беглецами, будучи в голове кортежа, резко ускорила, а на её место, притормаживая, пристроилась точно такая же, но уже с переодетыми агентами разведки. Озука вскоре после маневра резко сменил направление и, сонные Кристина и Алексей не заметили, как прибыли вместо Праги в Карловы Вары. В Праге же, агенты разведки разыграли целый спектакль, целью которого было убедить информаторов таксиста в том, что те, кого он выслеживает, находятся именно в отеле Европа. Для этого Элис приказала забронировать все люксовые номера на последнем этаже, к слову, в её конторе так поступали всякий раз, когда нужно было обеспечить безопасность тех, или иных лиц. Далее ей нужно было дождаться самого таксиста и подсунуть ему наживку, которая косвенно указывала бы на близость добычи. Такой наживкой Элис предложила побыть Наталье

Ивановне Корелиной. Женщина, недолго думая, согласилась на авантюру и прекрасно исполнила свою роль. Как только Кэбмен был замечен возле отеля, перед ним была разыграна сцена трансфера сиделки Кристины Громовой в отель, где по легенде прятали и саму девочку — чем же не доказательство наличия искомого объекта в отеле? Элис знала, что Кэбмен будет прослушивать все телефонные разговоры в отеле. В довершение спектакля она умело воспользовалась записью телефонного разговора Кристины и её мамы, в которой девочка собственным голосом рассказывает о том, что она в Праге с Соловьевым. Последняя уловка сработала безотказно. Если у таксиста и были какие-либо сомнения по поводу верности курса, то после того, как он собственноручно перехватил телефонный звонок, исходивший из отеля Европа, они окончательно развеялись. Оставалось лишь выполнить техническую часть операции, с которой Элис справилась на ура.

Теперь же агент Смитт направлялась в аэропорт Берна, поставив жирную точку во всей этой истории. Выполнив задание центра, а именно, обезглавив и дестабилизировав одну из крупнейших ячеек организованной преступной группировки под названием «кроты», Элис пыталась подвести итоги. Удалось спасти всех русских гостей. Удалось нанести серьезный материальный удар по легальному бизнесу «кротов» — в случае успешного исхода лечения русской девочки, в перспективе их фармакологические кампании понесут многомиллионные убытки. К тому же был ликвидирован опаснейший наёмник, долгие годы терроризировавший старый свет. К потерям можно было отнести лишь тяжелое состояние Роберта Бойля, фактически принесшего себя в жертву ради спасения Кристины и Алексея и еще одну жертву таксиста — молодую девушку, которую он застрелил у себя в номере. Единственное о чем волновалась Элис — не начнут ли «кроты» копать дальше в сторону русской девочки. Конечно, вероятность подобного развития событий была, но после того, как Элис прижала этим «кротам» хвост, она надеялась, что им придется потратить немало сил для возвращения утраченных позиций. А за это время девушке удастся переправить новых русских друзей в Москву, где обеспечением их безопасности займутся российские спецслужбы. Но в первую очередь ей было необходимо поспать, хотя бы пару часов. Элис не удавалось отдохнуть уже третьи сутки кряду. Для этой цели девушка планировала воспользоваться перелетом. Транжирить казенные средства и гонять частный джет после того, как все приключения остались позади, Смитт не стала. Вместо этого, чтобы меньше привлекать внимание, она взяла до Праги обычный билет эконом класса. Через двадцать минут объявили посадку. Удобно устроившись в кресле «боинга», она быстро уснула, даже не дождавшись момента, когда самолет вырулит на взлетную полосу.

Джон Глоу просматривал записи камер наблюдения уже в третий раз. В его распоряжении были два файла. Один монитор показывал вход в палату Бойля, другой непосредственно саму палату, а именно койку Роберта и кресло в котором сидел Эдвард Бойль. Вот его начальник с кем-то разговаривает, вот перед камерой появилась спина этой сучки из Ми-6, она что-то передает Бойлю. Он смотрит на какие-то фотографии, бумаги, потом откладывает в сторону пистолет. Они разговаривают, так, так.... Вот! Бойль вновь берется за оружие, медленно подносит ствол к голове и выносит себе мозги. Всё чисто. Это самоубийство, но куда при этом делась сама девчонка? Всю запись она стояла под таким ракурсом, что камера всего лишь раз захватила ее со спины, в тот момент, когда она приблизилась с документами к Бойлю. Джон просмотрел камеру из коридора. На ней он увидел себя, вбегающего в палату после выстрела, затем туда же прибежал какой-то

доктор... Стоп. Там же было два медика! Точно, когда он отвернулся от шефа, её он не увидел, в палате находилось два человека в халатах и шапочках. Значит...

Джон ещё раз просмотрел запись наружной камеры: заходит он, заходит доктор... Он не остановил запись и продолжил смотреть.

— Вот! Точно! Заходит один врач, а выходят двое! — Крикнул Джон, углядев нестыковку. — Причем вторая — женщина в халате и шапочке! Она накинула халат в тот момент, когда он проверял пульс у Бойля, а потом просто воспользовалась суматохой.

Джон быстро отдал приказ по рации перекрыть все выезды из больницы, но было уже поздно. Ему отрапортовали, что за последние десять минут территорию покинуло два реанимобиля.

Все машины больницы оснащены штатными навигаторами, отследить обе машины! Живо! — Через десять минут Глоу уже получил доклад о брошенной в пяти кварталах отсюда машине скорой помощи.

Ей нужно будет покинуть город. Быстро на вокзал и в аэропорт. Нужно её найти и отследить перемещения.

Ещё через двадцать минут Джону доложили, что Элис Смит была замечена на железнодорожном вокзале.

Отлично, ведите её.

Глава 28

— Друзья, звонила Элис. Она настаивает на том, чтобы повязку сняли в её присутствии и не в номере отеля, а в нормальной больнице. — Озука, буквально сиял после того, как поговорил с шефом по телефону. — Она говорит, что раздобыла все материалы, связанные с операцией Кристины, а потому лучше дополнить их еще одним полным обследованием. Она уже договорилась с местными врачами о содействии.

— Что ж, не вижу ничего плохого в этой затее, как считаешь, Кристина? — Весело ответил Соловьев.

— Конечно, я не против! Мы столько пережили ради того, чтобы другие люди могли воспользоваться этим методом лечения, что сейчас было бы глупо лишать науку последних, самых важных данных, — ответила девочка с наигранным пафосом в голосе.

Все трое провели последние два дня в отеле, соблюдая все инструкции агента Смитт на счёт конспирации. После ликвидации Кэбмена, Озука рассказал об их с Элис задумке обмануть киллера и каждую свободную минуту извинялся за то, что ввел их в заблуждение по поводу их настоящего местоположения. Алексей, хоть и не одобрил подобную скрытность, но все же смягчился, когда стало известно о том, что план сработал. На всякий случай, единогласно было принято решение не покидать гостиничный номер до приезда Элис. Все это время Кристина и Алексей посвятили общению. Журналист развлекал девочку бесконечными историями из его столичной студенческой жизни, а Кристина разбавляла разговор своими комментариями и вопросами. С каждым часом ей все больше нравилось общество Соловьева. Она впитывала все его истории, словно губка, стараясь не упустить ни одного слова. Девочка была уверена, что после всей этой истории жизнь разведет их дороги так же стремительно, как и соединила их. Что может связывать слепого подростка и молодого мужчину? Да ровным счётом ничего! Кристине казалось, что она не может представлять никакого интереса для Алексея. Что её возраст станет помехой для их дружбы. Да и вовсе не дружбы теперь хотелось ей. С каждым часом общения с ним, девочка все больше понимала, что это и есть ее первая любовь. Такая, как в книгах. Ее переполняли

эмоции, причем радость и полный восторг от нового ощущения резко контрастировали с, таким же мало знакомым, чувством паники и безысходности, которые она тщательно скрывала от молодого человека. Она не представляла, как выглядит Алексей. Её покорила его юмор, его искренность, его отношение к ней. В его голосе не было ни капли лжи или фальши. Всё общение складывалось легко и непринужденно, так, словно они знали друг друга всегда. Она чувствовала, что Алексею тоже нравится общение с ней. Что он не старается понравиться ей и специально: не подбирает слов, чтобы она услышала то, чего сама хочет. Он просто был с ней, и этот факт делал Кристину счастливой. Иногда она представляла, что будет после того, как они сойдут с трапа самолета в Москве. Понимая, что избежать разлуки не получится, она тут же отгоняла от себя эти мысли и старалась насладиться каждой секундой проведенной с ним.

Вместе с Элис должна была приехать и Наталья Ивановна. Кристина так сильно соскучилась по тётке, что была готова пожертвовать драгоценными минутами общения с Лёшей, хотя в глубине души сожалела об этом. Эти мгновения она собиралась беречь всю жизнь, вспоминая и лелея их, как самую драгоценную вещь на свете. Никогда прежде она не испытывала подобного чувства, но была все же твердо уверена, что показывать его никому не может. Собой она владела отменно, а потому Соловьев ни на секунду не усомнился в неподдельности дружеских отношений, которые завязались между ними. Он тоже задумывался над тем, что будет после завершения всей этой истории. Вернётся в Москву. Напишет подробную разгромную статью про загнивающие, западные ценности, или про передовые медицинские технологии Европы... В любом случае, нужно будет выдержать серьезный разговор с Пороховым. Из-за всей этой истории Алексей работал из рук вон плохо. За все дни, что они пробыли на базе «кротов» и в Чехии, он не отправил ни единой статьи в свой журнал. Его колонка пустовала, а редактор, должно быть, рвал и метал. Но это все было решаемо. Вот, что делать с Кристиной? Соловьев понимал, что, независимо от итогов операции, ей придётся переживать время необходимое для адаптации. Либо адаптации к новой, зрячей жизни, либо к мысли о том, что больше шансов обрести зрение может и не быть. К тому же то, что она перенесла, никак не может не оставить на её психике своего следа. Рано или поздно события прошедших дней вырвутся из-под её эмоционального контроля. В какой форме будут проявляться последствия эмоциональной травмы, никому не было известно, но Алексею хотелось придумать способ, помочь девочке преодолеть их. Ему хотелось максимально облегчить Кристине то бремя, которое обрушилось на неё. Он понимал, что теперь целью его жизни будет забота об этой юной и хрупкой девчонке, которая сейчас так заразительно и искренне смеется над его очередной глупой историей.

Озука вновь покинул номер, для того чтобы узнать у начальницы адрес клиники, и время их встречи там. Кристина и Алексей вновь остались наедине, и в комнате повисла неловкая пауза. Чтобы заполнить ее, Кристина задала вопрос, который волновал ее больше всего:

- Лёш, а когда мы вернемся домой, что ты будешь делать? Я вернусь с мамой и папой в свой городок, а ты? — Ей хотелось иметь хоть капельку надежды, на продолжение общения.
- Я вернусь в Москву. Вероятно, получу по первое число от редактора. Затем сдам все статьи, которые задолжал. Ну и серьезно поговорю с Пороховым на счет твоего будущего.
- А что на счет моего будущего может знать этот твой Порохов?
- Он конечно не олигарх и не чиновник, но определенный вес в обществе имеет. У него много полезных связей и ему многие обязаны. После нашего возвращения, нужно будет

позаботиться о твоей безопасности. Ты ведь не думаешь, что «кроты» оставят все, как есть? — Алексей испытывающе посмотрел на Кристину. Он боялся, что может напугать ее этими словами, но всё же решил называть вещи своими именами. Опасность, по-прежнему, сохранялась и девочка должна об этом помнить. Но, к счастью никаких симптомов тревоги девочка не проявляла, и Соловьев с облегчением выдохнул.

— И что он может посоветовать? — Абсолютно спокойно поинтересовалась Кристина.

— Ну, во-первых, ты, скорее всего, будешь под колпаком наших спецслужб. А во-вторых, я бы хотел попросить у начальника организовать над тобой шефство со стороны нашего журнала. В конце концов, о тебе печатается целый блок статей. Почему бы не организовать мониторинг послеоперационного периода. Описать процесс адаптации и все изменения, которые тебя коснутся.

Кристина оживилась:

— И что именно будет подразумевать это шефство?

— Ну, возможно я смог бы приезжать к тебе время от времени и собирать дополнительно информацию о тебе и твоём новом мире. Если конечно сегодня выяснится, что что-то изменилось после операции.

— Мы оба знаем, что что-то изменилось.

— Да, но то, о чём мы с тобой знаем, не может быть воспринято аудиторией нашего журнала всерьез. наших читателей, прежде всего, будет интересовать вопрос успеха или провала революционной методики возвращения зрения. А таинственные сверхспособности, которые у тебя появились, скорее, заинтересуют желтую прессу, а не серьёзный научный мир.

Девочка тут же надула губки, изображая обиду.

— Хочешь сказать, что я всё выдумываю? Что происходящие со мной вещи мало научны? Тогда объясни, как я это делаю? — Затараторила Кристина и, вытянув руки в сторону Соловьева, замерла на несколько секунд. Алексей не ожидал, что его слова заденут Кристину. Не найдя что ответить он начал наблюдать за ее действиями. Девочка замерла и сосредоточилась. Губы сжались в полоску и побелели от напряжения. Через минуту она расслабилась и выдала.

— Твой пульс сейчас приблизительно сто пять ударов в минуту. Ты голоден и у тебя заложена левая половина носа. Физкультурой ты не занимался, а потому я делаю вывод, что сердце у тебя так быстро стучит от того, что ты волнуешься, разговаривая со мной.

Все сказанное было абсолютной правдой. Девочка, не дотрагиваясь до Алексея, за минуту посчитала его пульс, который действительно побежал от внезапного поворота разговора. Угадала и про легкий насморк, с которым он проснулся утром. Единственное чего не мог понять журналист, это как Кристина распознала его голод.

— Все правильно, но как ты...

— У тебя живот урчит, за километр слышно, — перебила его Кристина, продолжая изображать обиду, но все же еле сдерживаясь от смеха. Соловьев не выдержал и прыснул. Тут же комната наполнилась их веселым дружным смехом. Кристина не смогла долго обижаться на своего друга. Тем более, что она узнала самое главное — он будет к ней приезжать! Он будет рядом!

В дверь деликатно постучали, и на пороге номера вновь появился Озука:

— Друзья, мы можем выдвигаться на встречу с Элис. Через пять минут подадут автомобиль.

— Ну, вот и финал, — произнес Соловьев, — еще несколько минут и мы всё узнаем.

Кристина протянула руку и нащупала ладонь Алексея. Она крепко сжала его руку и, повернув к нему перевязанную голову так, будто уже все видит, произнесла:

— Лёщ, я рада, что мы узнаем это вместе. Одной мне было бы страшно.

— А со мной?

— А с тобой ни капельки.

Соловьев улыбнулся:

— Ничего не бойся. Я буду рядом.

Он помог Кристине одеться, и они направились к лифту. Озука уже ждал в вестибюле, и они втроем покинули отель. Дорога заняла не более десяти минут. Ехали молча, и каждый думал о своем. В такой важный момент совсем не хотелось говорить. От веселого утреннего настроения не осталось и следа.

Возле небольшого двухэтажного здания их уже ждала Элис. Выглядела она уставшей и помятой, но все же встретила своих подопечных теплой улыбкой.

— Рада вас видеть, пойдёмте, я обо всем договорилась. Наталья Ивановна уже внутри.

В просторном холле их встретил дежурный врач клиники. Он сдержанно поприветствовал прибывших и распорядился проводить гостей наверх. Тут же подбежала Наталья Ивановна и крепко обняла Кристину. Девочка взяла за руки Алексея и свою учительницу, и они втроем прошли за медицинской сестрой на второй этаж. Их провели в просторную палату, где вместо фронтальной стены была толстая стеклянная перегородка. Медсестра, сопровождавшая Кристину и Алексея, пояснила.

— Так удобнее следить за больными, которые находятся в коме. Зачастую такие пациенты долгое время подключены к аппаратам жизнеобеспечения и требуют постоянного наблюдения.

В самой палате их уже ждал врач. Он представился и объяснил Кристине, что вся процедура займёт не более десяти минут. Он снимет повязку и проверит светоощущение, о нормальном зрении пока не могло быть и речи. Затем было необходимо сделать электроэнцефалографию, чтобы отметить активность структур мозга. Получив согласие на все процедуры, доктор приступил к работе. Кристину усадили в неудобное кресло-кровать. Соловьев и Наталья Ивановна отошли вглубь палаты, чтобы не мешать доктору. За стеклянной стеной остались только Элис и Озука.

Врач вымыл руки, надел перчатки и подошел к Кристине. Девочка слышала, как волнуется Наталья Ивановна и ей стало страшно, ведь совсем недавно она перенесла инфаркт. Но вдруг сердце женщины начало биться еще быстрее, и в унисон ее сердцебиению забарабанило и сердце Алексея. Что случилось? Почему оба так волнуются? Еще ничего не произошло, а они, словно сговорившись, выстукивают панические трели.

— Теть Наташ? — Позвала Кристина. — Всё в порядке?

— Да, птенчик, все хорошо, — протянула Наталья Ивановна, — ты, главное, не волнуйся и постарайся сосредоточиться на своих ощущениях.

"Птенчик"? Какой еще "птенчик"? Тетя Наташа никогда ее так не называла, что-то идет не так, решила Кристина. Они неспроста так резко занервничали. Надо думать. Так, что она сказала? Сосредоточиться на ощущениях? Хорошо. Сосредоточимся... Вдох-выдох, вдох-выдох. Нужно самой успокоиться и понять, что происходит.

Доктор тем временем начал разматывать бинты и окончательно снял повязку. Без бинтов, бритая голова Кристины сразу ощутила прохладу палаты. Доктор попросил не

открывать глаза, но и без того Девочка поняла, что видеть она ничего не будет. Роберт Бойль говорил, что зрячие люди и с закрытыми веками видят легкое свечение. Сейчас же она ничего не видела. Но всем своим естеством ощущала панику позади нее.

Сосредоточиться! Плевать на слепоту, что-то происходит, и она не понимает что именно. Видимо ни Лёша, ни тетя Наташа не могут ничего ей сказать, раз уж учительница так вычурно обратилась к ней. Так в чем же дело? Сосредоточиться! Спокойно. Тихо. Расслабиться и слушать. Вдох-выдох, вдох-выдох. Девочка замерла и успокоила собственное дыхание. С ровными глубокими вдохами она начала унимать собственное сердце, бешено колотившееся от страха. И как только она успокоилась, к грохоту от сердец ее друзей примешался еще один посторонний звук. Тихий, но все же тревожный стук распознала Кристина среди этой вакханалии звуков. Тук-тук-тук, та-та-та, тук-тук-тук... "Морзянка!?" — удивилась Кристина. Отец с детства играл с ней в эту забавную игру в точки и тире. Он загадывал слово или фразу и выстукивал ее для дочери, а она с упоением бралась расшифровывать эти сложные головоломки. Восторгу девочки не было предела, когда у нее получалось сложить из несвязных ударов фразу, зашифрованную отцом. Но то была игра, а теперь она в обычной жизни перевела ритмичный код в три самых узнаваемых буквы в мире шифрования — SOS. Кто-то выстукивал сигнал sos. Должно быть, именно на это указывала Наталья Ивановна, призывая сосредоточиться на ощущениях. Значит, это либо она, либо Алексей предупреждают её об опасности. Но что она должна сделать? Что должно произойти? Думать нужно было быстро. Совсем скоро начнут проводить исследования, и тогда необходимо будет как-то реагировать, но как? Чего именно ждут от нее Лёша и тетя Наташа?

Кристина изо всех сил напряглась, силясь услышать хоть какой-нибудь звук, проливающий свет на происходящее вокруг, но кроме них в палате больше никого не было, а за пределами палаты она не могла ничего расслышать потому что... И тут Кристину осенило. Она видит ушами, то есть чувствует звук, и потому было логично, что за пределами палаты она ничего не слышала. Но медсестра, которая их провожала, рассказывала про стеклянные стены в этих палатах, значит, Тетя Наташа и Лёша увидели за этими стенами что-то такое, чего она не могла ощутить, полагаясь только лишь на свой акустический взор. Но, что они могли там углядеть? Что заставило их сердца так трепетать?

Анабель Градд узнала о смерти Эдварда Бойля одной из первых. Инструкция предписывала начальникам служб безопасности связываться в подобных случаях с непосредственным руководителем погибшего сотрудника — в данном случае с Анабель. Звонок застал ее в Женеве. Звонивший представился начальником службы безопасности Эдварда Бойля и назвал свое имя, которое ровным счетом ничего не говорило Анабель. Некий Джон Глоу сообщал о том, что руководитель их Бернского подразделения, сегодня утром застрелился, в палате собственного сына. По словам звонившего, обстоятельства при которых произошло самоубийство, были крайне странными. За пять минут до выстрела к Бойлю прибыла агент Британской разведки. Они побеседовали, Эдвард полистал какие-то бумаги, а потом взял оружие и застрелился, после чего ни бумаг, ни самой визитерши в палате не оказалось. Буквально испарилась в воздухе. Анабель молча выслушала подробный доклад человека, которого никогда в глаза не видела и поинтересовалась, что именно предпринято в связи с данным инцидентом. По ее мнению ничего ужасного не произошло. Бойль «облажался» по всем позициям, и руководство давно приняло решение отстранить

опального руководителя от занимаемой должности. В данном случае это означало не просто отставку, а еще и физическое устранение неудобного лица. Выполнить данное поручение взялся один из лучших наемных убийц старого света, и у конторы не было ни малейшего сомнения в том, что работа в этом направлении будет выполнена качественно и в срок. Что ж, своим поступком Бойль сильно облегчил задачу конторе. Не нужно будет никому платить, не будет никакого расследования и прочих мелких неприятностей, связанных с заказным убийством. В общем и целом, ситуация полностью удовлетворяла Анабель Градд. Она искренне желала поскорее покончить с этим делом и отвязаться от выслуживающегося начальника охраны Бойля. Она терпеливо дождалась ответа на поставленный вопрос и выяснила, что прыткий вояка уже распутал дело о таинственном исчезновении агента Ми-6 с места происшествия. Оказалось, что Глоу выследил этого агента и выяснил, где на самом деле находится камень преткновения Эдварда Бойля — Кристина Громова. Все его проблемы начались с того момента, как он пошел на поводу у своего, слишком уж талантливого, сыночка и решил завоевать его доверие, потакая его прихотям. Бойлю было необходимо подготовить приемника, и на этом месте никого, кроме единственного сына, он не видел. Сын оказался строптивым идеалистом и, узнав, чем занимался его папаша на протяжении нескольких десятков лет, сильно разобиделся. То ли от большого ума, то ли из глупости он решил воспользоваться положением отца в собственных целях и протолкнуть под шумок свой проект. Бойль-старший купился на уверения сыночка в том, что после завершения проекта он примет его предложение и решил всячески помогать юному дарованию в его научных изысканиях. Уже тогда руководство «кротов» углядело для себя в этих работах финансовую угрозу, но Бойль был уверен, что работа сына — бред, и что ничего у него не получится. Желая вернуть доверие сына, он развернул кипучую деятельность и в итоге получил геморрой в виде русской слепой девочки и прыткого журналиста. И все бы было ничего, но в процесс вмешалось Ми-6, и вот тогда ситуация полностью вышла из-под контроля руководителя Бернской ячейки «кротов».

Взвесив ситуацию и новые факты, Анабель решила лично проконтролировать развязку Бернской истории. Если что-то хочешь сделать хорошо, делай это сам, — решила она и приказала Глоу дожидаться ее прибытия, ничего не предпринимая. Тем же утром она вылетела со своими людьми в международный аэропорт Карловы Вары и уже через полчаса после приземления была на месте, указанном Джоном Глоу.

— Обстановка? — Не здороваясь, бросила она, встречающему её лимузин бывшему начальнику охраны Бойля. Глоу не понял, как именно Анабель Градд поняла, что обращаться нужно именно к нему, но не стал вдаваться в подробности и отрапортовал.

— Десять минут назад в сопровождении двоих агентов Ми-6 в больницу прошли девочка и журналист. — Джон указал рукой на двухэтажное здание. — За десять минут до этого прибыла Элис Смитт — тот самый, внезапно исчезнувший из палаты Бойля, агент.

— Отлично. Ну, пройдемте, посмотрим, чем они там занимаются. — Сухо скомандовала Анабель и первая вошла в подъезд больницы. За ней в здание прошли не менее пятнадцати вооруженных сотрудников ее личной охраны и людей Глоу. Маленькая частная лечебница больше напоминала придорожный мотель. Возле стойки ресепшн Анабель безапелляционно предложила проводить их к только что прибывшим в больницу гостям. Растерявшаяся молодая девушка не посмела перечить толпе мужчин во главе с этой немолодой, суровой дамой, очевидно привыкшей командовать. Она, то и дело оглядываясь, провела всю толпу на второй этаж и указала на дверь в коридор:

— Они, должны быть там. Туттам палаты... — Замямлила девушка, но ее грубо оттолкнули в сторону мужчины из охраны страшной дамы, давая понять, что в ее услугах больше не нуждаются. Напуганная девушка поспешила ретироваться обратно на ресепшн.

Перед Анабель распахнули дверь, и она первая вошла в светлый коридор второго этажа. Напротив одной из палат стояла та самая девушка из Ми-6, которая довела Эдварда Бойля до самоубийства и какой-то мужчина-азиат, возможно, её подчиненный. Оба смотрели на темную палату через стеклянную стену. Анабель подошла к ним, громко цокая каблуками, и встала рядом. Один за другим коридор заполнили ее подчиненные. Они окружили Озуку и Элис, но те даже не пошевелились. Агенты не отрываясь, смотрели за действиями доктора в темной палате. Он суетился возле девочки, разматывая бинты. Лысая девочка сидела неподвижно, позади нее стояли ее сопровождающие. Анабель мысленно отметила выдержку агентов разведки и бесстрастно продолжила наблюдать за тем, что происходило в палате. Появление столь внушительной делегации «кротов» явно повергло в шок всех, кто стоял за стеклом. Всех, кроме доктора, который, как ни в чём не бывало, продолжил работу с девочкой. Анабель становилось ясно, каким образом Глоу выяснил, в какой именно клинике будет завершаться весь этот фарс. Русская женщина, побледнев, что-то проговорила, из коридора не было слышно, что именно, но Анабель вовремя заметила это. Обратив свой строгий взор на учительницу, она поднесла свой палец ко рту, давая знак умолкнуть. Пусть эксперимент пройдет чисто. Девочка не знает, что именно сейчас вершится ее судьба, а потому после осмотра выложит всю правду. Если окажется, что вся затея с операцией была напрасной, то пусть катится на все четыре стороны. Продолжать возиться со слепой девчонкой и ее защитниками, не их уровень. Если же выйдет наоборот, и она чудесным образом исцелится от своего недуга, то уровень опасности для организации превысит все допустимые пороги. Тогда их уже ничто не спасет. Ни Ми-6, ни чудо. А до этого времени можно спокойно насладиться спектаклем.

Сняв все бинты с головы русской девочки, доктор отвернулся, чтобы настроить аппаратуру для регистрации активности работы ее головного мозга. Анабель была в курсе всего, что будет делать врач. Об этом ей подробно рассказал Бойль, когда они виделись в последний раз. Он сам планировал проделать с Кристиной подобную процедуру, но не успел, девочку к тому времени уже успели умыкнуть у него из-под носа. Кристина тем временем заметно волновалась. Ее голова кружилась то в одну, то в другую сторону. Она что-то спрашивала у своих друзей, но те молчали, в упор глядя на своих потенциальных палачей. Журналист, похоже, стал терять сознание от испуга, потому-что его довольно сильно шатнуло назад. Чтобы не потерять равновесие, ему пришлось облокотиться на стенку, оперевшись в нее спиной и руками. Наконец доктор завершил все необходимые приготовления и, взяв в руки небольшой прибор, подошел к Кристине. Он зажег настольную лампу, а сам сел лицом между ней и девочкой таким образом, чтобы свет падал ей в глаза.

— Осматривает глазное дно. — Сделала вывод Анабель, поскольку двумя годами ранее Бойль проделывал те же процедуры с ней самой. Девочка, тем временем, никак не реагировала на осмотр. После процедуры доктор включил свет в палате, но девочка так и не пошевелилась. Он взял в руки карманный фонарик и начал поочередно светить ей, то в один, то в другой глаз. Кристина даже не зажмурилась. Русская девочка вообще не выражала никаких эмоций. Лицо ее стало каменным. Безразличие её пустого взгляда дополняли крупные капли слез. Они неестественно быстро наворачивались на ее ясных голубых глазах и, быстро скатываясь по щекам, падали ей прямо на ворот рубашки, рассыпаясь градом искр.

Итог операции был очевиден. Слепая русская девочка так и осталась слепой и, как ни странно, это было ей на руку. Доктор, тем временем, надел на голову юной пациентки шапочку энцефалографа и снял показания. Бегло просмотрев результаты с длинной ленты, он поднял взгляд на толпу ожидающих в коридоре и медленно покачал головой. Это означало, что Бойль-младший потерпел полное фиаско. Энцефалограф так и не выявил каких-либо изменений в работе мозга слепой девочки.

Анабель посмотрела в сторону Элис и не упустила шанс уколоть свою визави.

— Ваша подготовка оставляет желать лучшего, агент Смитт. Моим людям не составило труда выследить вас. На этот раз вам повезло, и данный итог, — она кивнула на рыдающую Кристину, — нас вполне устраивает. Но, Боже упаси, вас еще раз перейти мне дорогу...

С этими словами Анабель Градд развернулась на своих высоких каблуках и, не дожидаясь ответа, быстро покинула помещение. За ней вышли все ее охранники. Самым последним выходил Джон Глоу, с явными признаками досады на лице. Выслужиться перед начальством он, конечно, смог, но подобный итог никак не прибавлял ему плюсов. Он в последний раз бросил взгляд на Элис Смитт, но агент словно не замечала ничего вокруг. Она стояла и молча смотрела на плачущую в палате Кристину. Джон не дождался никакой реакции от агента Ми-6 и вынужден был уйти.

Из палаты вышел доктор. Он отдал Элис Смитт ленту энцефалографа и, кивнув еле заметным движением головы, ушел. Девушка открыла папку с медицинской картой Кристины Громовой и положила туда полученный от доктора документ. Папку Элис тут же передала Озуке, а тот, в свою очередь, упаковал ее в герметичный пакет с печатями дипломатической почты Великобритании. Элис вошла в палату и подошла к Кристине. Её уже утешали Наталья Ивановна и Соловьев. Девочка почувствовала присутствие Элис и, не пытаясь унять рыдания, обратилась к ней:

— Что произошло, Элис? Я знаю, что-то произошло, я чувствовала напряжение... Что было там за стеклом?

— Чтобы там ни произошло, — тёплым голосом ответила Элис, — всё уже позади. Теперь ты в безопасности.

— Но я же не...

— Ты сделала все правильно, — перебила ее Элис, взяв за руку. — Все закончилось так, как должно было закончиться.

Элис надела на её голову заранее приготовленные очки.

— Ты прекрасно справилась, моя дорогая, — шепнула она девочке на ухо. — Наберись терпения и доиграй партию до конца.

Девушка поправила сползающие с носа Кристины очки и предложила покинуть больницу. Девочку под руки вывели Алексей и Наталья Ивановна. Все четверо сели в, заранее подогнанный Озукой, фургон. Элис шла последней и перед тем, как подняться в фургон окинула взглядом здания вокруг. Она сделала глубокий вдох и коротко отдала команду в микрофон, встроенный в рукав ее пиджака: "Отбой". После команды тени снайперов на крышах соседних зданий исчезли. Очередная операция завершилась именно так, как была задумана. Элис закрыла боковую дверь фургона и, забравшись на переднее пассажирское кресло, командовала Озуке: "Давай в аэропорт! "

Глава 29

— И все же, Кристин, о какой партии тебе твердила Элис, там в больнице?

Соловьев никак не унимался и уже в третий раз попытался добиться внятного

объяснения от девочки. Сначала она сослалась на сильный испуг, потом не ответила в самолете, поскольку перелёты, по-прежнему, сопровождались дикой болью в ушах. На этот раз дотошный журналист сделал попытку на таможне. Девочку явно забавляло упорство Соловьева.

— Лёш, ну я честно не знаю, что она имела в виду. Наверное, это такая метафора. Доиграй партию — потерпи еще не много, ну или еще что-нибудь в этом роде.

— Но это было сказано так, словно вы о чём-то заранее договаривались! — не унимался Соловьев! — Почему бы тебе не сказать мне, о чём именно?!

— Да ни о чём мы не договаривались! Мне было страшно. Я плакала, расстроенная результатами и вы ещё стояли сзади, тряслись. Естественно я начала переживать. Вот Элис и решила меня поддержать словом. Сказала и забыла, а ты цепляешься теперь.

— Между прочим, если бы не мое предупреждение и не подсказка Натальи Ивановны, ты бы так и не поняла, как именно себя вести в случае, если ты ... — ему не хотелось напоминать Кристине о том, что финал всех приключений в Европе оказался печальным.

— В случае, если бы я смогла видеть и об этом узнали бы «кроты», нас бы сейчас уже не было.

— Верно.

— Но все случилось, как случилось. Давай будем радоваться тому, что мы живы и практически здоровы, — продолжила Кристина.

— На мой насморк намекаешь? — С улыбкой поинтересовался Соловьев.

— Именно. Ладно, забудем о плохом. Кстати, идея с азбукой морзе была великолепна. Как ты узнал, что я пойму?

— А я и не знал. Просто решил импровизировать и положиться на удачу.

Очередь тем временем дошла и до них. В паспорта проставили печати и пропустили в зал прилёта, где их уже ждал сотрудник посольства с конвертом дипломатической почты в руках. Он протянул конверт Соловьеву и, вежливо попрощавшись, удалился. К тому времени таможню прошла и Наталья Ивановна. Все трое забрали свой багаж и, наконец, покинули зону прилета. В зале ожидания Кристину окликнула мама, первая высмотревшая лицо дочери среди толпы прибывших!

— Кристина! Доченька! Мы тут, солнышко! Наташа, мы здесь! — Кричала Елена Александровна, уже не сдерживая слёз. Кристина услышала родной голос и у неё самой на глаза навернулись слезы. Как же она соскучилась по родителям. Мама подбежала к дочери и крепко обняла её. Отец подошел следом и, опустившись на колени, теплым голосом спросил:

— Ну как ты, доченька?

Владимир Иванович — отец Кристины, не часто на людях демонстрировал свои чувства. Но сейчас и он не удержался и, смахнув кулаком предательские слезы, крепко обнял дочь. Оба родителя уже были в курсе о результатах поездки и сильно переживали о том, что их девочка может не вынести психологической нагрузки. Подобного рода неудачи в жизни выбивают из колеи большинство взрослых, а тут ребенок. Но после тёплой семейной встречи, Кристина отстранилась от родителей и серьезным тоном заявила.

— Значит так! Не смей жалеть меня! Все остается так, как и было раньше. Я не больная, я особенная и никакие трудности меня не сломают.

Наталья Ивановна, услышав эти слова от своей подопечной, не выдержала и зарыдала в голос, ровно, как и мама Кристины. Отец же, нежно поцеловав девочку в лоб, встал с колена и согласился с дочерью.

— Правильно. Ничего особенного не произошло. Будем считать, что Кристина посетила Европу в качестве туриста.

Кристина поддержала идею отца и, чувствуя, что тёплая встреча с родителями несколько отдалила ее прощание с Алексеем, позвала его. Скромно стоящий до этого времени в стороне Соловьев, подошел к воссоединившейся семье.

— Мама, папа! — Торжественно обратилась к родителям Кристина. — Представляю вам моего нового друга. Алексей Соловьев — тот самый журналист, о котором я рассказывала по телефону. Можно он будет приезжать к нам брать интервью у меня?

— Ну конечно можно, — ответила Елена Александровна, за руку здороваясь с новым другом своей дочери. Отец Кристины также отметил своё знакомство с журналистом крепким рукопожатием и словами благодарности за то, что тот приглядывал за девочкой.

— Кстати вы уже попрощались? У нас самолет через полчаса, уже объявили регистрацию. — Спросил Владимир Иванович Соловьева. Кристина густо покраснела представляя, как родители будут наблюдать за их прощанием. Но всё же нашла в себе силы показать себя бодрой и веселой. Хотя, на самом деле, в её душе в этот момент проносился целый ураган. Она боялась прощаться с Лёшей, боялась, что это последние мгновения, которые судьба может ей подарить с ним наедине. Родители Кристины отвлеклись на то, чтобы поприветствовать Наталью Ивановну. Та поняла, что в её силах подарить Кристине еще несколько счастливых минуток с Алексеем и увела обоих родителей в сторону. Последнее, что донеслось до слуха молодых людей, была многообещающая реплика учительницы: "Вы даже не представляете, что нам пришлось там пережить..."

Алексей пристально смотрел на Кристину. Девочка повернула голову в сторону. Сдержать волнения ей уже не удавалось и она, часто дыша, не могла подобрать слов, чтобы проститься с ним. Соловьев почувствовал её волнение и просто тепло обнял свою подругу. Кристина прижалась к его груди, и стук его сердца напомнил ей, как сильно он волнуется, когда они оказываются рядом. Она отстранилась от него и сняла тёмные очки, скрывающие её глаза. Алексей поймал её взгляд, и ему показалось, что в её выражении лица что-то изменилось. Он и раньше смотрел в глаза Кристине, но сейчас его никак не покидало странное чувство. Неуловимая разница присутствовала в теперешнем взгляде девочки. Соловьев хотел было что-то сказать, но Кристина, пристально глядя в его глаза, быстро поднесла к его губам свой палец.

— Молчи. Ничего не говори сейчас. Ты приезжай, Лёш. Полистай папочку, — девочка кивнула на папку в его руках, — напиши обо мне статью. И приезжай.

С этими словами Кристина встала на цыпочки и, быстро поцеловав Соловьева в щеку, вновь надела свои тёмные очки.

— Мам, мы опаздываем, пойдём скорее! — Весело крикнула девочка и протянула руку, чтобы её подхватил отец и увёл за собой в другой конец аэропорта. Соловьев так и остался стоять посредине терминала, несколько сбитый с толку произошедшим. Только через полчаса, уже подъезжая в такси к Москве, его осенило: "Взгляд! Ну, конечно же, взгляд! Вот что поменялось в Кристине! Раньше она просто смотрела сквозь него, будучи не способная фиксировать свой взгляд. Получалось, будто она смотрит не на него, а просто в его сторону. А там, в аэропорту, в её взгляде было нечто осмысленное. Она не просто смотрела в его сторону, она разглядывала его! Её глаза бегали по его лицу, фокусируясь на каждой его части"

Соловьев вспомнил о папке, которую вёз с собой. Он же так и не прочел, что же

написал Роберт Бойль в истории болезни своей первой и, к сожалению, последней пациентки. Перебирая бумаги и вникая в медицинские термины, Соловьев добрался до описания самой первой энцефалограммы. "Не может быть!" — воскликнул журналист вслух. Таксист обернулся на возглас, но ничего не сказав, продолжил движение.

Весь оставшийся путь до редакции Соловьев сиял. В его жизни определенно настают перемены. Эта командировка подарила ему новый стимул к жизни, новый её смысл. И, несмотря на все трудности, которым его подвергла эта поездка, он все же был благодарен судьбе за это приключение. В кармане задребезжал оживший мобильник. На дисплее высветилось имя начальника. Алексей снял трубку и, не успев ничего сказать, получил неопишуемой красоты тираду эпитетов и сравнений, настолько изящную, что и у искусственного в русском фольклоре Соловьева уши свернулись в трубочку. Смыслом двухминутного предложения, которым одарил его Порохов, было предложение проследовать в редакцию и объяснить. "Ну что ж, объяснимся" — подумал Соловьев и, улыбаясь, назвал таксисту адрес редакции. "Покой нам только снится, хотя учитывая мой любимый сон, эта поговорка не совсем уместна" — промелькнуло в голове у журналиста.

Во дворе залаял Тор. Кристина вышла из армейского уазика, на котором они с родителями, наконец, добрались домой. Девочка, всю дорогу старательно изображавшая сон, вышла из машины и, как ни в чем не бывало, прошла к калитке. Пока ее отец разбирал вещи, а мать с упоением командовала им, Кристина поддела палочкой засов и открыла её. Навстречу выбежал огромный лохматый пёс и, чуть было, не сбил с ног свою юную хозяйку. Тор привык к постоянному присутствию Кристины настолько, что её почти месячное отсутствие напрочь отбило у него желание заходить в дом. Верный пес сутками напролёт жил в конуре, боясь пропустить момент возвращения своей любимой хозяйки. И теперь его счастью не было предела. Размытая морда так и пыталась лизнуть в лицо Кристину, но та, смеясь и в шутку ругаясь на непослушного пса, все же наслаждалась его восторженной встречей. Родители застали эту картину в калитке. Девочка сидела на корточках и ласково гладила огромного пса по мохнатой морде, то и дело приговаривая: "Так вот ты какой, северный олень..." Оба родителя не могли понять, что происходит. Их дочь вела себя так, как будто... Ни один из них не мог выразить словами то, что видел, боясь спугнуть нежданное счастье. Кристина, наконец, отвлеклась от старого друга и, шурясь от ласкового весеннего солнышка, взглянула на родителей снизу вверх.

— Ну, так и будем в пороге стоять? — спросила она. — Хотя нет, постойте ещё немного, вы у меня такие красивые!

Больше книг на сайте - Knigoed.net